Ш166.32
В-74

ISSN 0207—7167

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

52602

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

52602
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Выпуск 4

ЙОШКАР-ОЛА 1983

Ш. 166. 32
В 74

Печатается по решению Ученого совета
Марийского ордена «Знак Почета»
научно-исследовательского института

Статьи сборника посвящены различным аспектам марийской ономастики. На основе полевых, архивных и письменных материалов анализируются происхождение, образование и развитие собственных имен в историко-этимологическом плане.

Сборник представляет интерес для лингвистов, этнографов, историков, занимающихся изучением финно-угорских и тюркских народов.

Научный редактор и составитель
профессор И. С. ГАЛКИН

2—83

© Марийский научно-исследовательский институт, 1983

ОТ РЕДАКТОРА

Марийская ономастика — очень молодая, но весьма интересная и перспективная отрасль науки. Это объясняется тем, что вовлечение ономастического материала в научный оборот позволяет более глубоко раскрыть широкий круг исторических, историко-географических и языковедческих проблем от глубокой древности до наших дней, ибо данные ономастики являются одним из важнейших источников дописьменной истории.

Будучи на стыке трех наук — лингвистики, географии и истории, ономастика вносит неоценимый вклад в изучение сложнейших вопросов этногенеза и истории культуры. Поэтому нам понятен огромный интерес населения к этой отрасли знаний. Первые выпуски «Вопросов марийской ономастики» получили высокую оценку ученого мира (см. СФУ, XVIII:73), широкой общественности и становятся уже библиографической редкостью.

Марийская ономастика с каждым годом набирает свои силы. Растут кадры. Исследования становятся все более глубокими по содержанию, основанными на полевых и архивных материалах.

В предлагаемый вниманию читателей IV-ый выпуск «Вопросов марийской ономастики» вошли статьи, посвященные четырем различным разделам собственных имен: названиям животного мира, именам и фамилиям людей, географическим названиям и названиям небесных тел.

В статье профессора И. С. Галкина впервые в марийском языкознании поднят вопрос о русских фамилиях марийского происхождения и дана этимология наиболее прозрачных из них в доступной для широкого круга читателей форме.

Статья доцента Ф. И. Гордеева является продолжением статей, опубликованных в предыдущих выпусках. Он дает этимологию марийских имен и фамилий

на букву «Б». Но так как марийские имена и фамилии на указанную букву главным образом русского и татарского происхождения, то, естественно, они в основном охватывают антропонимы восточных мари.

Статья доцента С. Я. Черных охватывает лишь имена одного населенного пункта Мари Малмыжа, но важность ее заключается в том, что она дает читателю сведения о личных именах мари XVIII века на основе данных Центрального государственного архива древних актов. Она поможет раскрыть эволюцию марийских личных имен.

Небольшая, но интересная новизной мысли, статья доцента К. Н. Санукова показывает этимологию одного лишь географического названия Арда на территории Марийской АССР.

Статья В. В. Кузнецова посвящена определению принципов, по которым даны географические названия в бассейне р. Илеть. Это первый опыт в марийском языкознании.

В двух статьях рассматриваются названия животного мира Марийской АССР. Так, в статье В. Н. Васильева читатель найдет этимологии марийских названий птиц с довольно подробным описанием самих птиц и их поведения. Описания реалий делают этимологии более убедительными и доступными широкому кругу читателей. В статье М. М. Калямшина рассматриваются названия ряда диких и домашних животных в марийском языке и даны некоторые новые этимологии.

Статья кандитата филологических наук А. Е. Китикова освещает функционирование названий небесных тел в марийском устном творчестве. Вопрос о собственных именах в марийском фольклоре совершенно не изучен, хотя о необходимости исследования их не раз говорилось на ономастических конференциях.

Не все статьи, вошедшие в настоящий сборник, написаны на одинаковом уровне. В науке вряд ли такое возможно. Некоторые статьи дают читателю большей частью материалы, а в некоторых из них есть и спорные моменты. Однако редакция сочла необходимым включить в сборник все вышеуказанные статьи, ибо в споре рождается истина, а эти статьи являются новым веянием в марийской ономастической науке.

профессор И. С. ГАЛКИН

И. С. Галкин

РУССКИЕ ФАМИЛИИ МАРИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В нашей стране в настоящее время нет гражданина, у которого не было бы фамилии. Фамилия в первую очередь записывается в свидетельстве о рождении, затем она переходит в паспорт, свидетельство о браке и другие документы, удостоверяющие личность. Необходимость фамилии сейчас ни у кого не вызывает сомнений. Без нее не мыслится современный гражданин нашей страны. Но не всегда это было так. Строго наследственными, юридически закрепленными за всеми гражданами СССР фамилии стали только в 30-х годах XX-го столетия. До этого они нередко менялись достаточно легко и по разным случаям.

По фамилии, имени и отчеству стали именовать людей только в петровскую эпоху. В допетровское время не было единого официального именования человека, людей записывали по именам «с отцы и прозвищи». Прозвища же в то время в известной мере и служили фамилиями людей. Современные русские фамилии весьма разнообразны не только по своему структурному строению, но и по источнику их образования, встречаются фамилии собственно русские и фамилии нерусского происхождения. О происхождении русских фамилий написано немало работ,* но нет еще ни одной статьи о русских фамилиях финно-угорского, тем более марийского происхождения. Между тем, эта проблема не менее интересна и важна чем, скажем, проблема изучения русских фамилий тюркского происхождения.

В изучении этой проблемы есть определенные сложности. Дело в том, что фамилии у марийцев сами весьма различного происхождения: есть собственно марий-

---

* Смотри список литературы в конце статьи.

ские, тюркские и русские. Несомненно, наиболее поздними являются фамилии русского происхождения. Фамилии же тюркского происхождения достаточно древни, поэтому они тоже могли перейти к русским через посредство марийцев. Путей возникновения русских фамилий марийского происхождения два: 1) через ассимиляцию самих носителей этих фамилий и 2) через смешанные марийско-русские браки.

Собственно марийских фамилий у современных марийцев немного, как невелик и круг собственно марийских личных имен. В настоящее время они почти вышли из употребления (Гордеев 1970: 260). Поэтому, естественно, несмотря на активный процесс ассимиляции и частоту смешанных браков, русских фамилий собственно марийского происхождения очень мало. Но и они весьма примечательны в деле изучения истории этнокультурных и социальных взаимосвязей русского и марийского народов, с одной стороны, и явятся дополнительным материалом для полного историко-этимологического словаря русских фамилий, с другой.

Большинство собственно русских фамилий по своему происхождению представляют собой календарное или прозвищное имя отца или отца более далекого предка носителя фамилии. Подобным же образом в принципе шло образование и марийских фамилий, ибо они у марийцев появились только под русским влиянием, в связи с необходимостью записи в актах гражданского состояния, при переписи, при зачислении в рекруты и т. д.

Население марийского края вплоть до XX века почти сплошь было крестьянским. А у крестьян, даже у русских, которые в прошлом веке составляли 80% населения нашей страны, официально закрепленных фамилий до конца XIX века не было вообще, а некоторые крестьяне их получили только во время паспортизации в тридцатых годах нашего столетия (Суперанская, Суслова 1981:22).

В марийских личных именах Ф. И. Гордеев выделяет четыре исторических пласта: собственно марийский, иранский, тюркский и русский (Гордеев 1970: 259). Нас же интересует в данном случае только собственно марийский пласт.

Наречение имени младенцам у марийцев имело ряд различных способов, с участием карта «жреца» и без его участия.

1). Карт высекает перед новорожденным с помощью огнива огонь для закуривания, перебирая при этом разные имена, и при каком имени загорится трут, тем именем и нарекается ребенок.

2). Карт берет в руки плачущего ребенка и произносит разные имена, при каком имени замолкнет ребенок, тем именем его и нарекают.

3). Кто-нибудь из членов семьи берет ребенка и выводит за ворота; кто первым покажется в это время на улице, его имя и дается ребенку (Сигов 1929:83).

4). Если ребенок родился в пятницу, которая по-марийски называется *кугарня* (*кугу* «большой»+*арня* «неделя»), то имя младенца будет начинаться со слова *кугу* «большой» (*Кугерге*< *кугу*+*эрге* «сын»). Если же ребенок родится в четверг, что по-марийски *изарня* (<*изи* «маленький»+*арня* «неделя»), то и имя ребенка будет начинаться со слова *изи* (*Изерге*<*изи*+*эрге* «сын», *Изӱдыр*<*изи*+*ӱдыр* «дочь»). Ребенка, родившегося в субботу, что по-марийски *шуматкече* (<*шумат* «суббота»+*кече* «день»), нарекают именем *Шумат*. В другие же дни имена могут быть разными (Яковлев 1887:56).

5). При выпечке хлеба в печи каждому каравaю дают имя: имя лучше испекшегося каравая и будет именем ребенка.

6). Нередко марийцы новорожденным мужского пола давали имена с теми начальными буквами, с которых начинается имя отца. Например, отца зовут *Апор*, то сын *Аркаш* или *Арпик* и т. д. (Коведяев 1918:16).

Эти способы наречения младенцам имени, надо полагать, не все. В них нет имен, связанных с животным и растительным миром. Народы же, живущие в лесных районах, подобными именами пользовались широко, ср. фин. *Karhu* «Медведь», удм. *Лудкеч* «Заяц» и т. д. Такой способ был в обиходе и у марийцев, о чем говорят, например, такие имена как *Маска* «Медведь», *Музын Пулыш* «Плечо рябчика» (Черных 1978:95, 96). Нет также имен-характеристик внешнего вида ребенка или другой какой-либо его особенности, ср. *Ошвуй* «Белая голова», *Шемвуй* «Черная голова», *Ошак* «Беляк», *Лопкас* «Широкий», *Лотай* «Сидун», *Мака* «Немой», *Изикаче* «Маленький жених» и т. д.

Кроме того, марийцы при заболевании ребенка, чтобы спасти его от злых духов, пользовались вторыми

именами (чтобы скрыть настоящее имя ребенка от злых духов). Настоящие же имена при этом становились именами-табу.

К сожалению, изучением марийских личных имен и фамилий никто по-настоящему не занимается. Никем не собраны надлежащим образом данные о марийских личных именах древности, о способах наречения младенцев, о табуизации и т. д. и т. д. Поэтому, естественно, очень трудно сейчас выделить среди русских фамилий фамилии марийского происхождения. Тем более, если учесть, что сильное тюркское влияние весьма заметным образом отразилось на марийских личных именах и фамилиях.

Мы ограничимся лишь теми несколькими фамилиями, которые без особого труда этимологизируются с помощью марийского языка и носители их являются уроженцами марийского или прилегающих к нему краев. Таких фамилий несколько: Кугуелов, Кугунеров, Шарабуев, Курмузаков, Ширчиков, Изычев, Кугенеров, Кугергин, Кужнуров, Ушнурцев, Купсольцев, Кугувалов, Иштриков, Ешмеков, Апаков.

Нет сомнения, что список русских фамилий марийского происхождения приведенными выше не исчерпывается. Нужен лишь кропотливый сбор материалов и их скрупулезный анализ.

Рассмотрим этимологию каждой фамилии в отдельности.

Кугуелов

Эта фамилия произошла из марийского определительного словосочетания *Кугу йол* «Большая нога», которое первоначально служило прозвищем человека, имевшего большие ноги. *Кугу йол* в буквальном смысле означал «Большеногий», словосочетание характеризовало какое-то определенное лицо, например: *Кугу йол Сакар* «Большеногий Захар». *Кугу йол* в данном случае обозначал не длинные ноги, а ноги с большими ступнями, ср. *Йолжо пеш кугу, нимогай кемат от йӧрӧ* «У него ноги очень большие, никакие сапоги не впору».

Внешняя антропологическая характеристика какого-либо определенного лица с течением времени стала его прозвищем, которое впоследствии превратилось в семейное или даже родовое прозвище на правах совре-

менной фамилии. Таких случаев можно встретить немало. Зато это прозвище, попав в официальные документы, превратилось в фамилию. Носителем прозвища *Кугу йол* «Большая нога» мог быть мариец и русский, проживавший в окружении марийцев, в марийском селении. Если носителем прозвища был мариец, что установить нам невозможно без наличия родословной носителя фамилии, то здесь мы имеем дело с результатом процесса ассимиляции марийского населения русским. Если это прозвище русского носителя, то оно дано ему марийцами того селения, где проживал этот носитель прозвища.

В народном произношении фамилия *Кугуелов* звучит как *Кугуёлов* (Кугуйолов), поэтому выводить ее из других источников, скажем, *Кугу ял* «большая деревня», нет оснований. Графическая передача в русском письме *ё* через *е* впоследствии изменила даже ее официальное произношение: *Кугуелов* (Кугуйелов).

Кугунеров

Данная фамилия по своему происхождению однотипна с вышерассмотренной. Она также представляет собой определенное словосочетание *Кугу нер* «Большой нос», служившее первоначально прозвищем определенного лица, имевшего большой нос. Прозвище в буквальном смысле означало «Большеносый» и характеризовало внешний облик человека, ср., например, *Кугу нер Василий* «Большеносый Василий».

Это определительное словосочетание, надо полагать, первоначально не было прозвищем, а характеризовало лишь внешний облик определенного лица. Частое употребление его жителями селения, где проживало это лицо, превратило словосочетание в прозвище его носителя, которое с течением времени превратилось в семейное, затем родовое прозвище и стало неофициальной фамилией. Впоследствии, попав в официальные документы, превратилось в официальную фамилию. Это же произошло и с прозвищем *Кугу йол* «Большая нога» (см. выше).

Носителем прозвища *Кугу нер* «Большой нос» мог быть как мариец, так и русский, проживавший в марийском селении. Прозвище несомненно дано марийцами.

Рассматриваемую фамилию выводить из словосоче-

тания *Кугу энер* «большая река», несмотря на близкое их созвучие, нельзя, ибо в топонимах, возникших из словосочетания *Кугу энер* «большая река», второй гласный в слове *кугу* «большой», как правило, выпадает, ср. д. *Кугенер* в Советском районе Марийской АССР, р. *Кугенерка* в Сернурском районе Марийской АССР и т. д. (см. также стр. 12).

Шарабуев

Эта фамилия также произошла из прозвища, которое первоначально было характеристикой облика определенного лица. Процесс развития ее из прозвища определенного лица через семейно-родовое прозвище в фамилию одинаков как и у предыдущих фамилий, так как она также представляла собой определительное словосочетание. Словосочетание состоит из *Шара,* неупотребляемого в современном марийском языке вне словосочетаний, и *буй*<*вуй* «голова».

В словаре марийского языка слово *Шара* дано в таких сочетаниях: *Шара неран* «с белым пятном на носу (о лошади)»; *Шара шинчан* «сероглазый» (МРС 1956:692). В марийский язык данное слово проникло, по всей вероятности, из булгарского языка в весьма отдаленные времена, ср. чув. *сара* «желтый», монг. *шар,* бур.-монг. *шара* «желтый».

По мнению М. Фасмера, в славянских языках слово *шар* «краска», русско-церковнославянское *шаръ* «краска», *шарити* «красить», старославянск. *шаръ,* болгарск. *шар* «пятно, пестрый», сербскохорватск. *шара* «пестрота», *шарац* «конь пегой масти» также заимствовано из тюркских языков и прежде всего из древнечувашского и допускает его сравнение с чувашским *сăрла* «красить», *сăра* «краска» и *сарыг* (sarγγ) «белый» или «желтый» других тюркских языков (Фасмер 1973, т. IV: 406—407).

Чувашский лингвист В. Егоров слова *сара* «желтый» и *сăра* «краска» этимологически не объединяет, для слова *сăра* «краска» он приводит соответствия из других тюркских и монгольских языков, отличающиеся от соответствий на *сара* «желтый», ср. чув *сăра* «краска», алт., казах., каракалп., ног., туркм, тат. *сыр,* узб. *сир* «краска», уйг. *сир* «лак», «глазурь», монг., калм. *шир* «краска» (Егоров 1964:183).

Слово же *сара* «желтый, русый» В. Егоровым ставится в один ряд с древнетюрк., чаг, *сарыF;* енис. *сериF,* уйг. *серик,* тув., хак. *сарыг,* узб. *сарик,* кирг., казах., каракалп., ног., тат., азерб., туркм. *сары,* башк. *һары* «желтый», монг., калм. *шар,* бурят-монг, *шара «желтый»* (Егоров 1964:179).

В древности в некоторых тюркских языках, в булгарском, хазарском слово *сар(ы), шар(а)* обозначало, по мнению В. Егорова, и желтый, и белый (Егоров 1964:339).

С мнением В. Егорова мы полностью солидарны. В марийский язык древнебулгарское слово проникло в фонетическом варианте *шара* «белый» и сохранилось в таких сочетаниях как *Шара неран* «с белым пятном на носу (о лошади)», *Шара шинчан* «сероглазый» и *шара вуй* «белоголовый, белокурый».

Слово *шара* «белый» в самостоятельном употреблении не сохранилось, по-видимому, потому, что собственно марийское слово *ошо* «белый» помешало этому и слово *шара* «белый» осталось в указанных словосочетаниях с ограниченной, специализированной семантикой.

Независимо от того, что в русском языке было слово *шар* «краска», фамилия Шарабуев, надо полагать, является в русском языке марийским проникновением.

Возможность образования такого прозвища, вероятно, даже имени, подтверждается марийским именем *Шемвуй* «Черная голова, Черноголовый» (Черных 1978: 111).

Курмузаков

Происхождение этой фамилии объясняется довольно просто. Основой для образования ее послужило старое марийское личное имя *Курмызак* «Вальдшнеп».

Фамилия *Курмузаков* встречается в селе Чкарино Советского района Марийской АССР. Предки носителей фамилии были, по всей очевидности, обрусевшими марийцами.

Слово *Курмызак* в русском языке из-за отсутствия краткой редуцированной фонемы *ы* приняло фонетический облик *Курмузак.*

По происхождению данное слово финно-угорское. Соответствия ему имеются во многих родственных язы-

ках, ср. фин. *kurppa, Kurmitsa, Kurvitsa* «кулик, бекас», карел. *suogurbits* «кулик, бекас», эст. *kurbiits* «кулик, бекас» (SKES II: 246).

Это слово заимствовано из марийского также чувашским языком, ср. чув. *кăрмăчак* «название птицы» («нос черный и длинный») (Ашмарин 1934:182).

Ширчиков

По нашему мнению, и эта фамилия восходит к старому марийскому личному имени или прозвищу *Шырчык* «Скворец». Таким образом, *Ширчиков* в переводе на русский язык означает «Скворцов».

Слово *шырчык* «скворец» марийским языком заимствовано из татарского языка, ср. тат. *сыерчык,* башк. *сыйырсык,* узб. *чугурчик,* тур. *сыгырчык кушу,* азерб. *сыгырчын,* кирг, *чыйырчык,* чув. *шăнкăрчă* «скворец».

В тюркских языках оно является, как полагает В. Егоров, звукоподражательным (Егоров 1964:334). В марийском языке начальный согласный *с* татарского *сыерчык* перешел в *ш,* ср. фин. *syli,* мар. *шӱльӧ* «сажень (расстояние вытянутых рук)».

В некоторые марийские диалекты название скворца вошло из чувашского языка, ср. горн. *шӹнгӹртӹш.*

Изычев

Эта фамилия, очевидно, образована от марийского слова *изи* «маленький». Согласный *-ч-* здесь представляет собой словообразовательный суффикс, ср. *шеме* «черный»—*Шемач* «Черняк» (Черных 1978:111).

Слово *Изич* > *Изыч* могло быть и прозвищем и личным именем, как и *Шаравуй* (см. выше.)

Кугенеров

Источником для образования фамилии *Кугенеров* послужил топоним *Кугенер* из *кугу* «большой» + *энер* «река».

В образовании фамилии принял участие не сам гидроним *Кугенер,* а ойконим гидронимического происхождения. Ойконим *Кугенер* сначала характеризовал человека по его местожительству, т. е. *Кугенер Петр* значило *Петр из Кугенера* или *Кугенерский Петр.*

В русском языке словосочетание *Кугенер Петр* воспринималось как фамилия с именем лица, что создало условия для свободного перехода слова *Кугенер* в разряд фамилий.

Названия деревень *Кугенер* на территории Марийской АССР встречаются в Советском, Оршанском и Медведевском районах.

Кугергин

Носителем данной фамилии первоначально несомненно был мариец. Фамилия произошла от марийского личного имени *Кугерге,* представляющего собой сложное слово, сложившееся из *кугу* «большой»+*эрге* «сын». Таким именем нарекали марийцы в прошлом, иногда и в настоящее время младенца, родившегося в пятницу (см. выше). Подобные фамилии можно встретить среди марийцев еще и в настоящее время.

Кужнуров

Эта фамилия, как и фамилия Кугенеров, топонимического происхождения. Источником для ее образования послужил ойконим *Кужнур.* Деревни с названием *Кужнур* и *Кужнурово* в настоящее время встречаются на территории Марийской АССР в Новоторьяльском и Сернурском районах. Носитель фамилии *Кужнуров* был родом из селения *Кужнур,* т. е. *Кужнуров житель* (этимологию слова Кужнур см.: Галкин 1982: 21—22).

Ушнурцев

Как и предыдущая, фамилия *Ушнурцев* также топонимического происхождения. Исходным источником для ее образования послужило название деревни *Ушнур,* ср. в Советском районе Марийской АССР село *Верх-Ушнур.*

Фамилия *Ушнурцев* означала, что носитель ее—потомок жителя из селения *Ушнур,* т. е. *Ушнурца.* Фамилия явно образована на марийском материале русскими (этимологию ойконима Верх-Ушнур см.: Галкин 1980: 19).

Купсольцев

Эта фамилия идентичного происхождения, что и фамилия Ушнурцев. Носителем фамилии является потомок лица из селения Купсола, т. е. *Купсольца. Купсольцев* — значит сын купсольца.

Населенных пунктов с названием *Купсола* на территории Марийской АССР немало. Они встречаются в Звениговском, Медведевском, Сернурском, Куженерском, Моркинском и Новоторьяльском районах. (АТД МАССР 1969:130).

Кугувалов

Фамилия *Кугувалов* также топонимического происхождения. Она произошла от названия селения *Кугувал,* состоящего из *кугу* «большой»+*вал* «желоб для стока воды», «колода для водопоя».

Источником для фамилии, надо полагать, послужило северо-западное наречие марийского языка, о чем свидетельствует фонетический облик ойконима *Кугувал,* ибо в луговом и восточном наречиях это слово звучало бы *Кугувол* «Большая колода для водопоя, большое корыто из выдолбленного бревна». К тому же, в Пайгусовском сельсовете Горномарийского района деревня Студеная Колода до сих пор носит марийское название *Коговал сола* (АТД МАССР 1969:24; Саваткова 1981: 17).

По-видимому, какой-то населенный пункт в свое время среди северо-западных мари носил название *Кугувал,* к сожалению, нами не зафиксированный.

Кугувал, таким образом, обозначал прежде всего жителя из селения Кугувал.

Как и все фамилии, происходящие от названий населенных пунктов, фамилия *Кугувалов* была первоначально лишь простой характеристикой лиц по их месту жительства, затем только в связи с записями в официальных документах она стала фамилией определенного лица. Сначала Кугуваловыми были все жители селения Кугувал.

Иштриков

Эта фамилия несомненно возникла из личного имени определенного лица. В марийском языке это имя

звучало следующим образом: *Эштрек*. На русской почве гласный *э* сузился в *и*, что и дало сначала имя *Иштрик*, а затем фамилию *Иштриков*.

Ешмеков

Данная фамилия, очевидно, также марийского происхождения. Оно восходит к личному имени *Эшмеке* (см. Черных 1978:113).

Апаков

В селе Чкарино Советского района Марийской АССР бытует у русских эта фамилия. По нашему мнению, она появилась вследствие ассимиляции марийца с личным именем *Апак* с русскими (Черных 1978:85).

Такое имя встречалось и у чувашей (см. Ашмарин 1928:270). Но считать его в данном случае чувашским нельзя лишь потому, что оно чувашским является только в марийском языке. И нет в Советском районе Марийской АССР чувашских селений, а в Чкарино — чувашского населения. Ф. Гордеев выводит из татарского *ап-пак* «белый-пребелый» (Гордеев 1979:123).

Структурно все вышерассмотренные русские фамилии марийского происхождения подразделяются на три группы: 1) сложные фамилии, возникшие из определительных словосочетаний (Кугуелов, Кугунеров, Кугувалов, Кужнуров, Кугергин, Шарабуев); 2) простые фамилии из непроизводных личных имен (Ширчиков, Ешмеков, Апаков); 3) фамилии, возникшие из личных имен, образованных с помощью словообразовательных суффиксов (Изычев), и 4) фамилии, возникшие от производных имен существительных, образованных при помощи русского словообразовательного суффикса *-ец* (Ушнурцев, Купсольцев).

По своим лексико-семантическим особенностям рассмотренные фамилии весьма интересны: среди их лексических основ выделяются географические термины, личные имена и прозвища. Географическими терминами являются: Ушнур, Купсола, Кугувал, Кугенер, Кужнур. К личным именам относятся: Ширчик, Ешмек, Иштрик, Изыч, Кугерге, Курмузак. Прозвищами являются: Кугу-

ел, Кугунур, Шарабуй. Больше всего фамилий, как видно, образовано от личных имен и прозвищ.

Все лексические основы, апеллятивы рассмотренных фамилий были употреблены в качестве характеристики определенного лица по его внешнему виду, особенностям характера, поведения, а также по месту жительства или происхождения.

Так как марийский народ претерпел весьма значительное тюркское, в первую очередь булгарское влияние и марийские языческие имена во многом одинаковы с древнечувашскими языческими именами, то, естественно, в настоящее время исследователю очень трудно отделить марийское языческое имя от подобного чувашского. Нужен очень скрупулезный историко-фонетический анализ каждого имени с учетом исторического развития фонетики чувашского и марийского языков. В этом деле еще очень много работы. Наша статья является лишь первой попыткой анализа наиболее ярких моментов русско-марийского языкового взаимодействия в области культурной лексики. Мы надеемся, что она послужит толчком к более глубокому изучению этого интересного и важного для истории языков и культур взаимодействующих народов вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н. И. 1928, Словарь чувашского языка. Т. I. Чебоксары.

Ашмарин Н. И. 1934, Словарь чувашского языка. Т. VII. Чебоксары.

Баскаков Н. 1979, Русские фамилии тюркского происхождения. М.

Белов А. 1896, Великорусские фамилии и их происхождение.— Живая старина. Вып. 2. СПб.

Галкин И. С. 1980, Топонимические этюды.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Вып. 2. Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1982, Топонимические заметки.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Вып. 3. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1970, О личных именах марийцев.—В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. М.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Т. I. А—Б. Йошкар-Ола.

Егоров В. 1964, Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Карнович Е. 1886, Родовые прозвания и титулы в России и слияние инородцев с русскими. СПб.

Коведяев И. 1918, Тошто марийын лӱмжо.—Марий календарь. Казань.

Лувсандорж Д. 1973, Русская фамилия тибетского происхождения.— Советская этнография, № 2.

Марийско-русский словарь. М., 1956.

Саваткова А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола.

Селищев А. 1948, Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ.— Ученые записки МГУ. Труды кафедры русского языка. Вып. 28. М.

Суперанская А., Суслова А. 1981, Современные фамилии. М.

Сигов П. 1929, Марийцы Уральской области.— Марий илыш, вып. 1. Йошкар-Ола.

Фасмер М. 1973. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.

Черных С. Я. 1978, Марий калыкын ешг лӱмжо- влак.— В кн.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.

Яковлев. И. 1887, Религиозные обряды черемис. Казань.

АТД МАССР — Марийская АССР. Административно-территориальное деление. Йошкар-Ола, 1969.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. II. Helsinki, 1958.

52602

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

В. В. Кузнецов

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ МАРИЙСКИХ ОЙКОНИМОВ

(бассейн р. Илеть)

Одна из главных задач топонимических исследований — установление принципов номинации географических объектов. Известно, что на появление топонимов влияют различные внеязыковые факторы. Прежде всего, отмечает известный исследователь эстонской топонимики В. Палль, уже сам объект со своими признаками, человек и его деятельность, от которой зависит, какие из объектов получают наименования и какие свойства при этом считают наиболее существенными (Палль 1975:32).

По способу выражения семантической мотивированности ойконимы бассейна р. Илеть можно разделить на две большие группы:

1. Названия, связанные с именем поселенца, родом его занятий, результатами их и со способом использования поселенцем объекта.

2. Названия, связанные со своеобразием объекта, его месторасположением, характерными признаками.

Следует подчеркнуть, что любой топоним как лексическая единица является именем собственным и входит в ономастику, характеризующуюся тесной связью с социальными явлениями, зависимостью от этнического состава, особенностей его материальной и духовной культуры, характера заселения края. Поэтому при анализе географических наименований необходимо учитывать взаимодействия экстралингвистических и внутрилингвистических факторов. Первые определяют причины возникновения той или иной группы топонимов, вторые создают возможность их появления и существования в системе языка.

1.0. Весьма заметными и распространенными в ойконимии региона являются названия поселений первой группы. Особенно часто наблюдаются антропоойконимы.

1.1. Отантропонимные географические названия представляют собой самую многочисленную часть марийской топонимии. Известно, что личные имена служат основной базой для образования топонимов. Но факты современных языков показывают, что способ географической номинации у разных народов различный. Что касается количества антропонимов, то они во многом зависят от того, носитель какого языка участвовал в процессе номинации географического объекта определенной территории. Так, например, населенные пункты Коми АССР с названиями, в основе которых лежит собственное имя, составляют среди других топонимов около 20% (Белицер 1973: 304). Нельзя не отметить также, что из всех 6300 названий населенных пунктов Горьковской области ойконимов с топонимическими суффиксами *-ов, -ин* насчитывается до 2400 (Никонов 1971: 169). А, как показывают топонимические исследования, суффиксы *-ов, -ин* выступают в основном в отантропонимных русских названиях местностей. По подсчетам некоторых ученых-языковедов, личные имена в составе топонимов могут занимать до 87% (Головина 1971:203). Однако в финно-угорских топонимах этот показатель намного ниже, хотя в ойконимии Мордовской АССР названия-антропонимы составляют 52,4%: в «Топонимическом словаре Мордовской АССР» (Инжеватов 1979) из 1415 названий 741 отмечено как антропоойконим.

Нужно заметить, что антропонимные названия населенных пунктов бассейна р. Илеть имеют древнюю историю. Они начали возникать в период разложения родового строя, возникновения семейно-родовых поселений — илемов и продолжали появляться в начале XX столетия. Ойконимы, образованные от личных имен, фамилий, прозвищ, охватывают абсолютное большинство простых и значительную часть сложных наименований (всего антропоойконимов на территории бассейна р. Илеть 133, что составляет 23,8%). Они указывают на:

1.1.1. имя, фамилию, прозвище первопоселенца, основателя поселений (признак — простые антропоойконимы и антропонимы + географический апеллятив с комонимической функцией): дд. Александровка, Алексеевка, Алмаметьево, Ахметьево, Борисово; Булгар, Бусыгино, Дружинино, Исаково, Исмаил, Пыгин, Казаковка, Кара-

баево, Карай, Кармегейкино, Кирино, Кишкинский, Клешнино, Курмызак, Лебедевка, Мамай, Муканай, Надеждино, Опалик, Орловка, Паймыр, Панайка, Папанино, Петухово, Пичуш, Пӱгыльмаш, Раменский, Салтак, Симоновск, Смирновка, Смычка, Спартак, Токози, Токсаркино, Томскино, Урняк, Чапчык, Челюскино, Чишкан, Чопак, Чӱкшӧ, Шӱшпык, Халтурино, Ядыково, Ялагин, Ямбатыр, Янгуш, Янциткино, Апшакбеляк, Порашплак, Янашбеляк, Алсола, Аниссола, Бакутсола, Выльыпсола, Елесола, Йогорсола, Йывансола, Кораксола, Макарсола, Миклансола. Овдасола, Ондропсола, Пашкансола, Пектывайсола, Полатсола, Семисола, Тойметсола, Торгансола, Тошметсола, Учимсола, Чапайсола, Чингансола, Чолемсола, Ядыксола, Янгетсола, Салтакъял, Степанъял, Изоткин кутыр, Шыгай кутыр, Маршан починга, Мичеполко, Метриполко, Еруслапполко, сс. Арын, Петровское, Кесебеляк, Матародо, Эсмекплак, пп. Звенигово, Лавинский, Турский, починки Васильевский, Гайфуллино, Ильинский, Максимовский, Никольский, Павловский, Пайгаш, Петровский, выселки Николаевский, Опалиха, Тимофеевский, дома лесной охраны Булыгинский, Мазаркинский, Осиповский, лесоучастки Губино, Кошай илем;

1.1.2. имя, фамилию, прозвище владельцев других объектов или местность, связанные с другими событиями человека, например, со смертью (признак — антропоним+географический термин с некомонимической функцией): дд. Акпарсшӱргӧ, Айбакнур, Кошанур, Посанур, Саламатнур, Чавайнур, Сергушкуп, Полатэнгер, Элекэнгер, Чирпамаш, Упак-Упамаш (первоначально Упакпамаш), п. Оскапур, поч. Чекманур;

1.2. ойконимы, связанные с родственными и семейными отношениями (признак — атрибут→термин родства): дд. Ватынъер, Шангаватнур;

1.3. отэтнонимные названия, отражающие миграцию народов, представляют регион 23 ойконимами, большинство из которых по словообразовательной структуре являются усложненными. Определяемая часть в таких названиях представляет собой, как обычно, самостоятельное марийское название (признак — наличие в препозиции этнонима): дд. Марий Кугунур, Марий Кужер, Марий Лебляк, Марий Отар, Марий Помар, Марий Чодыраял, Марий Шой, Руш Гор, Руш Йыр, Руш Олыкъял, Руш Ошыт (-Русская Ошеть), Руш Унчо

(-Русская Унжа), Руш починга, Рушродо, Руш Шайра, Руш Шой, Тат Чодыраял, Тат Юрдур, Чуваш Кужер, Чуваш Отар, поч. Чуваш починга, сс. Руш Вуртем, Руш Кугунур;

1.4. географическими именами могут становиться нарицательные названия жителей. Этот процесс основан на метонимии, при которой наблюдается следующее семантическое развитие: личное имя (прозвище)→название жителей→ойконим: дд. Ведерники, Бирюки, Морозы, Новики, Петухи;

1.5. названия поселений, связанные с родом человеческой деятельности, результатами их и со способом использования поселенцем объекта, встречаются очень редко. Малочисленность таких типов является одной из особенностей марийского принципа наименования. Существующие ойконимы этой группы показывают на условия материальной жизни деревни: д. Поянсола<*поян* «богатый»; род их занятий: дд. Машнур, Машлач, Маштак<*маш* «кряж», первоначально «длинное стройное бревно для мачты корабля», Большой и Малый Кулеял<русск. *куль,* п. Мочалище<русск. *мочало*, н. п. Заготскот, д. Паренге кутыр<*паренге* «картофель».

2.0. Ойконимы, связанные со своеобразием объекта, с месторасположением поселений и их характерными признаками, отражают человеческую деятельность опосредственно. Названия этой группы появились в системе марийских наименований не произвольно, а являются, прежде всего, отражением древней истории заселения края и исходят от материальной и культурной жизни народа. Известно, что древние марийцы занимались главным образом охотой и рыболовством. Поэтому не случайно наблюдаются многочисленные комонимы, содержавшие в себе гидронимы, гидро- и дримонимические географические термины. Ойконимы этой группы указывают на:

2.1. другие географические объекты, вблизи которых расположены населенные пункты.

2.1.1. Особенно большую группу составляют селения, названные по наименованиям рек, ручьев и озер, на берегах которых они расположены (до 15%). Письменные памятники XVII—XVIII веков информируют о небольших селениях марийцев с 10—20 дворами и нередко состоящих из 2—3 домов, которые обычно располагались по берегам рек или близ ручьев и ключей (Крю-

кова 1956:105—107, Архипов 1976:160). Поэтому во многих ойконимах бассейна р. Илеть содержатся конкретные или абстрактные названия рек, а также других водоемов: дд. Амшан, Визим, Вончо, Иркын, Йыр, Кенче, Ломок, Нужа, Нуктыж, Нурда, Нусла, Шеҥше, Шлан, Шора, Шарача, Юплан, Ярча, сс. Шеҥше, Унчо, Элнет, пп. Илеть, Уба, Юшут, дд. Йошкарэҥер, Кожлаэҥер, Кукшэҥер, Кӱчыкэҥер, Моркэҥер, Мызеҥер, Памашэҥер, Кортасэҥер, Ломбеҥер, Тошнер, Шишинер, Шолэҥер, Шӱгарэҥер, с. Сукрэҥер, п. Шолэҥер, дд. Визимйыр, Кичиер, Пызьыргуп, Йырмарий, Шӱдымарий, Ярамарий, сс. Кужмарий, Купсола, Памашсола, Параньга-Пареҥге, дд. Азъял, Ошытъял, Пӧтъял, Энгеръял, Ерсола, Купсола, Памашсола, Энгерсола, Ярансола, Сардабаш, Ермучаш, Кожвожмучаш, Нурдамучаш, Пезмучаш, Пукшалмучаш, Энгермучаш, Шойдӱҥ, Ердӱр, Вончыдӱр, Мӱшылтӱр, Памаштӱр, Шеҥыштӱр, Шолкыдӱр, Ӱшӱттӱр, Элнеттӱр, Ерымбал, Куршамбал, Ӱштымбал, Шайрамбал, Энгерымбал, поч. Элнетӱмбал, дд. Шердыж, Мучашъер, Турнякуплук, Энгервож, Памашсола—Вончымбал, п. Усьте-Шоры;

2.1.2. природные условия региона отразились в названиях поселений от леса и различных древесных пород (признак — *чодыра, шӱргӧ* «лес», *кожла* «лес, ельник» и названия хвойных и лиственных пород): дд. Кожла, Кожласола, Кожлайымал, Куэрласола, Отымбал, Писташ, Пӱнчылӱр, Пӱнчӧлӱвал, Тумер, Чодырасола, Чодыраял, Шопкер, Шопкерсола, Шӱргӧ, Шӱргысола, Шӱргыял, Яктерлӱвал, Пичурга (дло.), Бер'оз-Березово, Дубовка; сюда же следует отнести название деревни Йӱлесола<*йӱлем+сола*. Территория горелого леса была удобным местом для поселений, так как названия с указанным апеллятивом встречаются в Марийском крае часто;

2.1.3. отдельную группу составляют ойконимы, получившие свои названия от места расположения: на поле, поляне (признак—*нур, куш*), на лугу (признак—*олык*), на возвышенной части местности (признак — *арка, курык*): дд. Аганур, Ернур, Кожланур, Изинур, Кугунур, Кушнанур, Кӱшнур, Лопнур, Масканур, Помашнур, Полянур, Пӧртанур, Сотнур, Ташнур, Тошнур, Тайганур, Чевернур, Шагарнур, Шӱгарнур, Нурмучаш, Нурмучаш Шайра, Нурсола, Нурымбал, Нуръял, Нуръял Корамас, Олыктӱр, Олыкъял, Пумыр, Пӱмъял, Поле Кугунур,

Пустое Поле, с. Помар, ст. Помар, вв. Унур, Шалангуш, Поланур, поч. Кӱкшнур, л/уч. Сасканур, дло. Куголык, дд. Кӧкрем, Лапшар; Аркамбал, Курыкйымал, Курыкйымал Шайра, Курыктӱр, Курыкымбал, Кленовая Гора, п. Подгорный;

2.2. тип поселения (признак — наличие в названии апеллятива с комонимической функцией): дд. Выселок Ахметьево, Выселок Троицкий, Морканаш, Яльчик, пп. Морко, Отары, Яльчик, с. Моркыял, выс. Отары, д. Кутыр-Малиновка;

2.3. особенность расположения поселений по отношению к другим или к ландшафту (признак — *ӱлыл, лапка* «нижний», *кӱшыл* «верхний», *кокла* «средний», *тембал* «ближний», *умбал* «дальний»); дд. Ӱлыл Азъял, Ӱлыл Вончымбал, Ӱлыл Карай, Ӱлыл Памъял, Ӱлылсола, Ӱлыл Осиял, Ӱлыл Ошытъял, Кӱшыл Азъял, Кӱшыл Вончымбал, Кӱшыл Карай, Кӱшыл Памъял, Кӱшыл Олыктӱр, Кӱшыл Оршӱт, Кӱшыл Осиял, Кӱшыл Ошытъял, Кокла Кужнур, Кокласола, Тембал Кужнур, Умбал Кужнур, Волаксола — название-метафора (деревня находится в ложбине волак «желоб»), Пусаксола, Йыранъял, Лапкасола, Кытынсола, Верхнее Бусыгино, пп. Нижняя Красная Горка, Верхняя Красная Горка;

2.4. характерные для местности био -, географические признаки: дд. Кӱсола, Лавырасола, Шонсола, Шийсола — последнее название метафорического характера; в марийском языке эпитет *ший* употребляется для обозначения прекрасного, доброго (ср. оф. Ромашкино);

2.5. наличие в селении каких-либо особых общественных сооружений и зданий: дд. Кабаксола, Кӱсола< *кӱ* «камень», здесь «часовня», ср. оф. Часовенная, Нӧрепсола, Черкысола, Канторъял, Вакшсола Памъял;

2.6. время возникновения поселения (признак—*кугу* «большой», *изи* «маленький», *у* «новый», *Усола* «новое селение», *Усурт* «новое хозяйство», *тошто* «старый»): дд. Кугу Варангыж, Кугу Велыж, Кугу Иркын, Кугу Кожвож, Кугу Кожлаял, Кугу Маршан, Кугу Моламас, Кугу Нуктыж, Кугу Пӱнчӧлӱвал, Кугу Чарнур, Кугу Шале, Кугу Шигак, Кугу Шоръял, Кугу Шӱргӧ, Кугу Ярамарий, Изи Велыж, Изи Иркин, Изи Корамас, Изи Кожвож, Изи Кушна, Изи Маршан, Изи Моламас, Изи Морко, Изи Нуктыж, Изи Пӱнчӧлӱвал, Изи Чарнур, Изи Шоръял, Изи Шӱргӧ, Унлем, У Коммуна, У Оршут,

Усола, Усола Вончымбал, Усола Корамас, У Тумер, Усурт, Усурт Варангыж, Тоштоял, Тошто Оршӱт, Старсела, Старый Завод, Старое Мазиково, Малые Янгурцы, пп. Новопавловский, Старопавловский;

2.7. комоним, откуда переселилось население, или отнесенность к поселениям (признак — *кутыр, починга* и в названиях домов лесной охраны *комоним* + суффикс *-ский*): дд. Изи Маршан починга, Элнет починга, вв. Азъял кутыр, Азъял починга, Курмызак кутыр, Пазыргуп кутыр, поч. Ярамарий починга, дло, Вележинский, Ерсолинский, Илетский, Иркинский, Ировский, Керебеляксинский, Кинерский, Кленовский, Красноярский, Кульшитский, Лесновский, Мариотарский, Моркинский, Нужключинский, Нуктужский, Нурдинский, Параньгинский, Пиньжедурский, Помаштурский, Сосновский, Тайганурский, Токшенерский, Тюмшинский, Уньжинский, Чувашотарский, Шалангушский, Шоруньжинский, Яльчикский.

2.8.0. После Октябрьской революции с развитием в крае промышленности и установлением новых аграрных отношений на территории Илетского бассейна возникли многочисленные населенные пункты с новыми названиями, некоторые из них носят имена прославленных героев, кооперативов и других административно-хозяйственных объединений, другие связаны с производственной деятельностью населения: дд. Папанино, Челюскино, пос, артели им. Кирова, Байкал, Дружба, Верхний Мир, Кызыл Турмыш, Новый Мир, поч. Кызыл Байрак, пос. промартелей «Красная Звезда», «Марий Вий», пп. Комсомольский, Красный Стекловар, Мариец, Октябрьский и т. д. В связи со строительством в Марийском крае железнодорожных путей сообщения в рассматриваемом регионе появились, как мы называем, нумеративные наименования: пп. 27 км Горьковской железной дороги-27-ой километр, 30 км Горьковской железной дороги-30-й километр, 7 км Юшутской железнодорожной ветки-7-й километр, 15 км Юшутской железнодорожной ветки-15-й километр, 48-й километр и другие.

3.0. На территории Марийской АССР в целом, бассейна реки Илеть в частности многие населенные пункты имеют два и более названий. Параллельно бытующие комонимы в общем характерны большинству многонациональных автономных республик и областям Средне-

го Поволжья (Бушмакин 1971:220—224, Ухмылина 1973:287—294). Появление полионимии в ойконимии края объясняется стремлением человека охарактеризовать разнопланово называемые объекты или местности, на которых расположены эти населенные пункты, с одной стороны, и влиянием на номинацию разных народов и языков — с другой. Немаловажную роль в возникновении ойконимической синонимии сыграла также древняя структура расселения марийцев по земляческим и семейно-родовым отношениям.

Необходимо заметить, что все, без исключения, ойконимы Илетского бассейна так или иначе имеют несколько названий. Одно из них может быть официальным, а другие, бытующие главным образом в речи местных жителей и марийцев,— неофициальными. Таким образом, термины «официальный» и «неофициальный» отражают различия в сфере употребления. Некоторые неофициальные наименования, доведенные до вульгаризма, служат прозвищами для жителей поселения, которые, как и немногие узколокальные, в работе не рассматриваются.

Официальные и неофициальные названия населенных пунктов разграничивались уже в дореволюционных списках населенных мест. Однако авторов этих документов, которые были, по всей вероятности, простыми чиновниками, больше всего интересовала экономическая сторона жизни населения (количество дворов, жителей) и они отмечали эти различия по своему усмотрению. Издававшиеся в наше время справочники основаны также на этих документах, хотя все они среди местного населения являются «официальными». Впрочем, официальные и неофициальные топонимы, кроме сферы употребления и структуры, различий по условиям возникновения и принципам номинации не имеют. Выделение официальных названий важно, главным образом, с точки зрения административной, а не научной. Введение в научный оборот топонимических вариантов расширяет возможности исторических и этимологических исследований, дает дополнительный материал для изучения диалектов и языка во всем объеме (Ухмылина 1971:218).

3.1. В изучаемом регионе в подавляющем большинстве случаев ойконимические варианты составляют пару. Три и более параллельно бытующих названия населенных пунктов встречаются очень редко: дд. *Кугу*

Варанғыж — Вуртем Варанғыж — Варанғуж, первое из них указывает на время возникновения, второе — имя основателя поселений, старейшины, третье (нужно думать, наиболее древнее) — признак, особенность местности, на которой расположено селение; *Курмызак кутыр — Умбал кутыр — Алексеевский:* комоним, откуда переселилось население — особенность расположения поселения по отношению к другим — фамилия владельца хутора; *Элнетӱмбал — Йошкар Май — Элнетумбал:* место расположения поселения — наименование колхоза—русская адаптация марийского названия; *Шопкер—Шопкерсола — Осиново:* место расположения деревни (*шопкер* «осинник») —то же с формантом *-сола* (в какой-то мере указывает также тип селения, ср. *сола* предполагаемое первоначальное значение «селение с упорядоченной застройкой») — русская калька марийского наименования.

3.2. Парные варианты названий поселений содержат следующие информации:

3.2.1. одно из сосуществующих названий указывает на имя, фамилию, прозвище основателя поселений, другое — месторасположение: дд. Балдырка — Ярансола, Васюткино — Ватынъер, Данилкино — Кокласола, Иманайкино — Кожлайымал, Кораксола — Кучко Памаш, Коркатово — Кокласола, Мамасево — Нуръял, Микушкино — Мучашъер, Очаково — Йыранғъял, Пекоза — Шопкер, Чапайкино — Ӱлылсола, Шереганово — Энгерсола, Фадейкино — Элнеттӱр. Янцитово — Шӱргыял, сс. Керебеляк — Памашсола, Эмеково — Купсола;

3.2.2. одно из названий — антропоним, другое указывает на тип, время возникновения и другие признаки поселения, занятие жителей: дд. Алексеевка — Завод, Алексеевское — Усола, Белки — Маштак, Деушево — Яльчик, Йывансола — Малое Иваново, Овдасола — Большое Абдеево, Осипсола — Конторъял, Пектывайсола — Кумыжъял, Токпердино — Усурт Варанғыж, Чапчык — Малая Сосновка, х. Шыгай кутыр — Октябрьский;

3.2.3. оба разнокорневые отантропонимные названия: дд. Матародо — Куракино, Ондропсола — Яндемерово, Чапайсола — Качейкино, Янгетсола — Мурзанаево;

3.2.4. одно является отантропонимным сложным (формантным) названием, другое — абсолютным или суффиксальным простым антропоойконимом: дд. Акпар-

сшӱргӧ — Испаринск, Алсола — Алдышка, Елесола — Елейкино, Йогорсола—Егоркино, Мичеполко—Митюково, Полатсола — Полаткино, Сергушкуп — Сергушкино, с. Эсмекплак — Исменцы;

3.2.5. одно из сосуществующих названий отражает национальный состав жителей, другое — разные признаки, связанные с месторасположением поселения, со временем его возникновения: дд. Руш Йыр — Русский Адымаш, Руш починга — Нуж-Ключ, Руш Шайра-Шарибоксад, Чуваш Кужер — Свободные Кужеры, поч. Чуваш починга — Рождественский;

3.2.6. одно из названий может быть дано по близлежащим географическим объектам, другое — по физико-географическим особенностям местности, времени возникновения селения и др.: дд. Верх-Ушут — Старсела, Вончо — Верхний Кожлаер, Ердӱр — Старый Юрдур, Йыр — Марий Адымаш, Изнур — Изи Кугунур, Илетнур — Элнет починга, Кожвожмучаш — Малая Кужмара, Кугорнымбал Шале—Большой Кулеял, Курыктӱр—Малый Олыкъял, Кӱчык Памаш—Изи Маршан починга, Куэрласола — Ашланка, Нижняя — Изи Кушна, Нужа — Кульбаш, Олыктӱр — Мари-луговая, Пӧртанур — Березники, Пукшалмучаш — Пукшамбал, Пусаксола — Кубыш-Ключ, Пӱмъял — Озерки, Пӱнчыдӱр — Старая, Турнякуплук — Лесная, Чодыраял — Малые Параты, Шарача — Новые Параты, Шолкыдӱр — Золотые ключи, Шӱргыял — Пинжан Кукмор, Энгерымбал — Малый Кулеял, Ярча — Нижний Кожлаер, сс. Унчо — Шорунжа ,Чакмарий — Красный Яр; Сукреэнгер — Кипер;

3.2.7. единичные синонимические пары составляют названия с разными принципами наименования: дд. Волаксола — Себеусад, Маламаш — Муналмаш, Малиновка — Кутыр, Паренге кутыр — У Карамас, Усола — Усола Абдаево, Черкысола — Старые Параты, Шийсола — Ромашкино, вв. Моркыял кутыр — Краснознаменский, Пызьыргуп кутыр — Воскресенский.

3.3. Как на территории Марийского края, так и бассейна р. Илеть, одно из параллельно бытующих названий представляет собой, и очень часто, русскую кальку марийского наименования населенных пунктов. В абсолютном большинстве случаев они закреплялись документально, т. е. являются официальными именами. Причиной возникновения калькированных параллельных комонимов с чисто марийским населением следует

считать ведение официальной документации на русском языке. Калькирование может быть полным и неполным.

3.3.1. Синонимическую пару составляют марийское наименование и его полная русская калька. Однако следует отметить, второе название в большинстве своем не всегда точно соответствует лексически оригиналу, ср. д. Усола<*у* «новый»+*сола* «деревня, селение»— Новая; дд. Йошкарэнгер — Краснояр, Кугу Пӱнчӧлӱвал — Большая Сосновка, Купсола — Болотная, Курыкйымал — Подгорная, Курыкымбал — Нагорино, Кӱчыклук — Коротково, Нурсола — Полевая, Сосновка—Пӱнчӧлӱвал. В одном случае в калькировании участвуют два языка: д. Усурт< *у* «новый»+*сурт* «дом, хозяйство»— Новый Юрт, где *юрт* тат. «дом, хозяйство».

3.3.2. Синонимическую пару составляют марийское наименование и его неполная русская калька. При этом калькируется только определение-уточнитель, а основное название подвергается фонетическим изменениям: дд. Изи Велыж — Малые Вележи, Изи Иркын — Малое Иркино, Изи Корамас — Малый Карамас, Изи Кожвож — Малый Кожвож, Изи Кожлаял — Малый Кожлоял, Изи Маламас — Малые Маламасы, Изи Морко— Малые Морки, Изи Нуктыж — Малый Нуктыж, Изи Шоръял—Малые Шоръялы, Вакшсола Памъял—Мельничные Памъялы, Кокла Кужнур—Средний Кужнур, Кугу Велыж—Большие Вележи, Кугу Иркин—Большое Иркино, Кугу Кожвож — Большой Кожвож, Кугу Кожлаял — Большой Кожлаял, Кугу Маламас — Большие Маламасы, Кугу Нуктыж — Большой Нуктуж, Кугу Шале — Большие Шали, Кугу Шигак — Большое Шигаково, Кугу Шоръял — Большой Шоръял, Кугу Ярамарий — Большой Ярамор, Кӱшыл Азъял — Верхний Азъял, Кӱшыл Вончымбал — Верхний Вонжеполь, Кӱшыл Карай — Верхний Карай, Кӱшыл Памъял — Верхние Помъялы, Кӱшыл Осиял — Верхний Осиял, Кӱшыл Ошытъял — Верхние Ошутъялы, Руш Кугунур — Русский Кугунур, Тембал Кужнур — Ближний Кужнур, Тошто Оршӱт — Старая Оришуть, Умбал Кужнур — Дальний Кужнур, У Оршӱт — Новая Оришуть, Усола Корамас — Новый Карамас, Ӱлыл Азъял— Нижний Азъял, Ӱлыл Вончымбал — Нижний Вонжеполь, Ӱлыл Карай — Нижний Карай, Ӱлыл Осиял — Нижний Осиял, Ӱлыл Ошытъял — Нижние Ошутъялы,

Ӱлыл Памъял — Нижние Помъялы, Ӱлыл Шеҥше — Нижняя Шиньша.

Иногда русский вариант отражает присущие для марийского языка исторические фонетические изменения: д. Изи Чарнур — Малый Царанур, Кугу Чарнур — Большой Царанур; на территории региона цоканье не наблюдается, оно в диалектах марийского языка распространено только лишь в горном, северо-западном наречиях и йошкаролинском говоре. Отсюда можно предположить, что аборигены данных селений были или представителями соседнего йошкаролинского говора или в речи употребляли звук *ц*. Существует мнение, что цоканье в диалектах марийского языка исторически своими корнями уходит в далекую древность, оно гораздо древнее, чем луговое чоканье (Грузов 1965:189); сс. *Руш Вуртем — Русский Уртем:* марийское название сохранено в первозданном виде. Отпадение начального *в* в русском официальном наименовании произошло на почве русского языка.

3.4. Абсолютное большинство парных названий представляет собой сосуществование марийского наименования с его русским адаптационным вариантом. При передаче аборигенного названия с помощью русских графического и орфоэпического средств наблюдаются следующие закономерности:

3.4.1. изменение качества гласного. У носителей марийского языка региона имеются две специфические гласные фонемы, которые отсутствуют в русской фонологической системе, — *ӧ, ӱ*. Соответственно звук и буква *ӧ* в адаптированных названиях заменяется в середине *о*, реже *е*, в конце — *а*: дд. Кӧкрем — Кокрем, Нӧрепсола — Норепсола, Пӧртанур — Портанур, Пӧтъял — Петъял, Шӱргӧ — Шурга, Изи Шӱргӧ — Изи Шурга, Кугу Шӱргӧ — Кугу Шурга; *ӱ* в абсолютном начале — *ю, у, и*, в середине — *у*, реже — *а* и *и*: дд. Ӱшӱттӱр — Юшуттур, Ӱштымбал — Иштымбап, Ердӱр — Юрдур, Курыктӱр — Куруктуры, Кӱкшнур — Кукшнур, Кӱсола — Кусола, Кӱчыкенгер — Кучукенер, Мӱшылтӱр — Мушыльтур, Памаштӱр — Памаштур, Ӱлылсола — Улылсола, Шордӱр — Шордур, Шӱгарэнгер — Шугаренер, Шӱргӧ — Шурга, Шӱргысола — Шургысола, Пӱгыльмаш — Пигильмаш, Пӱнчыдӱр — Пинжедур, Шӱгарнур — Шагарнур.

В середине названия вместо редуцированной фоне-

мы *ы* в русском варианте выступает фонема *у*: дд. Ерымбал — Ерумбал, Курыкымбал — Курукумбал, Нурымбал — Нурумбал, Шӱдырмарий—Шой-Шудумарь, где Шой — гидроним.

Иногда в параллельно бытующих названиях рассматриваемой группы наблюдается расхождение гласных по ряду. Причина такого изменения кроется в комбинаторных условиях и носит спорадический характер. Однако при этом русский вариант может частично сохранять наиболее древнее оформление наименования, что обусловлено ранней адаптацией ойконима: дд. Кытынсола — Китинькино, Пызьыргуп — Бизюргуб, Элнеттӱр — Ильнетуры, раб. п. Морко — Морки, с. Моркыял — Моркиялы.

2.4.2. В области консонантизма марийский специфический звук *ҥ* (ŋ) передается через русский *н, нг,* реже *м:* дд. Кожлаеҥер — Кожлангер, Кукшэҥер — Кукшенеры, Мызеҥер — Мизинер, Ломбеҥер — Лонганер, Шолэҥер — Шелангер, Энеръял — Иҥеръялы, Шойдӱҥ — Шойдум, Шеҥыштӱр — Шиньшедур, Энгервож — Энервож, с. Шеҥше — Шиньша.

В некоторых русских названиях сохраняется первоначальный согласный звук: дд. Шердыж — Сердыж, Немычсола — Немецсола; звукопереходы *с>ш, ц>ч* произошли на почве марийского языка.

2.4.3. Марийские сочетания *йӱ, йе, йы* передаются соответственно в русских названиях через буквы *ю* и *и:* дд. Йӱлесола — Юлесола, Чеверйӱле — Чеберюле, п. Ердӱр (jerdür) — Юрдур, Ернур (jernur) — Ирнур, Йырмарий — Ирмарь.

2.4.4. В некоторых русских наименованиях наблюдается выпадение отдельных звуков и слогов: дд. Ломок—Лом, Нурмучаш Шайра — Нуршари, Ядыксола — Яксола, поч. Йырмарий — Ирмарь, п. Кошайилем — Кошалем.

Расхождение вариантов комонима типа дд. Визимйыр — Визимбирь, Моркэҥер — Манкинер, Руш Гор — Русская Гарь не имеет широкого распространения и носит спорадический характер.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г. А. 1976, Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола.

Белицер В. Н. 1973, Названия населенных пунктов в Коми АССР.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа.

Бушмакин С. К. 1971, Параллельно бытующие названия удмуртских населенных пунктов.—В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.

Головина Э. Д. 1971, Принципы номинации населенных пунктов в бассейне реки Моломы.—В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.

Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

Инжеватов И. К. 1979, Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск.

Крюкова Т. А. 1956, Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола.

Никонов В. А. 1971, Пласты русской топонимии Горьковской области.— В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький.

Палль В. И. 1975, Топонимика северной части Тартумаа. Автореф. Дисс... докт. филолог. наук. Таллин.

Ухмылина Е. В. 1973, Параллельные названия населенных пунктов Горьковской области.—В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа.

В. Н. Васильев

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ МАРИЙСКИХ ОРНИТОНИМОВ

Орнитонимическая номенклатура по своему значению занимает важное место в лексике марийского языка. Ее изучение представляет интересный материал для исследования орнитонимов в разных уровнях. В данной статье даются некоторые этимологии марийских названий птиц.

Семейство синицевые, Paridae
Род синица, Parus

В Марийской АССР встречаются шесть видов синиц: большая синица, хохлатая, лазоревка зеленая, московка, гаичка буроголовая, принадлежащие к роду собственно синиц, и длиннохвостая синица, принадлежащая к роду длиннохвостых синиц. Большинство названий этих птиц в марийском языке образуется с помощью лексемы *киса* Л, В (МРС 198, Васильев 1928:68), *кысӥ* Г (СГНМЯ 74), *кыса* Л (дд. Кугу Ӧрша, Лужбеляк, Шуарсола й-олин.), *кисӓ* СЗ (ССЗНМЯ 82), *кысӓ* СЗ, В (ССЗНМЯ 82, д. Старо-Бедеево бирс.) «синица». Данное слово является чувашским заимствованием, чув. *кӑсӑя* «синица» (Казанцев 1972:81, Федотов 1965:89). Разные фонетические варианты обусловлены особенностями говоров и наречий марийского языка.

Кугукиса «синица большая» (Parus major major L). Эта синица —«самый крупный представитель семейства» (Птицы...1978:51), что отмечается и в марийском названии: *кугу* «большая»+*киса* «синица». Другой особенностью этой птицы является «желтая грудка с черной манишкой» (Птицы... 1978:51). Это находит отражение в орнитониме *ужар оҥан киса* (МРС 198, Васильев 1928:68). В прошлом марийцы желтый и зеленый цвета не различали, следы чего сохранились и в

современном языке: цвет детского поноса обозначается словом *ужарге,* хотя в действительности желтый; болезнь желтуха имеет название *ужармужо (ужар* «зеленая»+*мужо* «болезнь»), хотя при болезни человек не зеленеет, а желтеет, как и в этом названии *ужар оҥан киса,* букв. «зеленогрудая синица». Такая же недифференцированность характерна и для коми языка (КЭСК 49). Данные формы наименования большой синицы употребляются редко: при необходимости выделения из рода синиц именно этой птицы, при уточнении вида синицы в разговорной речи. Самым употребительным и широко распространенным является название *киса* без каких-либо слов-разграничителей: *Киса эрдене мураш тӱҥалеш — йӱдлан йӱштым вучо.* «Запела синичка с утра — жди к ночи мороза» (Китиков 1977:62); *Киса да кидыштет, турня да пылпомышто.* «Синичка да в руках, журавль да в небесах» (Китиков 1981:36); *Шомак киса огыл* (посл.). «Слово не синица (вылетит не поймаешь)».

Ужаргиса (МРС 624, Васильев 1928:226) «лазоревка зеленая» (Parus coeruleus coeruleus L.). Хотя в окраске данной птицы преобладают голубые тона, но «спина и верхние кроющие хвоста оливково-зеленые Брюшная сторона желтая, крылья и хвост голубовато-синие» (Жизнь... 1970:535), отсюда и марийское *ужаргиса,* букв. «зеленая синица». Номинация этой птицы по цвету оперения характерна для многих языков: эст. *sinitihane (sinine* «синяя»+*tihane* «синица») «лазоревка» (Mäger 1967:170), русск. лазоревка зеленая — отмечается сразу лазурный и зеленый цвета.

Сӱгыгайык (МРС 550), *сӱгӧгайык* (Васильев 1928:195), *мацалавач* Г (СГНМЯ 90) «московка» (Parus ater ater L.). По территории Марийской АССР проходит южная граница ареала распространения московки, которая совпадает с произрастанием темно-хвойных лесов. Кормятся эти птицы исключительно на хвойных деревьях. Пища состоит из яиц насекомых, гусениц и бабочек, мелких равнокрылых. Кроме того, зимой они употребляют семена хвойных деревьев, а в северных районах обитания семена для них становятся основной пищей в холодные месяцы. Особенность корма отмечается и в марийском орнитониме *сӱгыгайык сӱгӧ* «древесный червь, короед»+*гайык*∠*кайык* «птица»), в волжском говоре *шӱгыгайк* (д. Липша). Лек-

сема *сӱгӧ (шӱгӧ)* является по происхождению финно-угорской (MNyTESz 600—601). М. Р. Федотов считает чувашским и сравнивает с чув. *шӗкӗ* «короед» (Федотов 1965:61). В данном случае, по-видимому, в чувашском языке марийское заимствование, хотя Г. В. Лукоянов неопределенно отмечает: «В тюркских языках однокоренного слова не обнаружено. Лингвисты между чув. и мар. словами ставят знак равенства» (Лукоянов 1973:61). Горномарийское название *мацалавач* сложное: *мацала* «мочало»+*вач*∠*пач* «хвост». Хвост птицы сравнивается с мочалом, *мацала* Г∠русск. *мочало* (Саваткова 1969:104).

Шуранкиса (МРС 737, Васильев 1928:275) «хохлатая синица» (Parus cristatus cristatus L.). Эта синица хорошо отличима от других заметным даже на расстоянии хохолком на голове: мар, *шуранкиса,* букв, «хохлатая синица» (*шуран* с хохолком +*киса* «синица»). И в других языках она получает название за эту же особенность: эст. *tutt — tihane* «хохлатая синица» (*tutt* «хохол», *tihane* «синица»), в русском языке ее часто называют гренадеркой.

Сокыркиса (МРС 198) «гаичка буроголовая» (Parus atrucapillus L.) На голове этой синицы имеется черная матовая шапочка, из-за которой глаза еле заметны. Можно подумать, что она без глаз (*Тиде кайыкын шинчаже уке гай коеш.* «Кажется, что эта птица без глаз»), что отражено в марийском наименовании *сокыркиса* (*сокыр* «слепая»+*киса* «синица»). Элемент *сокыр* — татарское заимствование в марийском языке, тат., *сукыр* «слепой» (Räsänen 1923:60, Исанбаев 1978:17). М. Р. Федотов считает его чувашским (Федотов 1965:112), хотя по фонетическим признакам чув. *суккыр* татарское заимствование и в самом чувашском языке: общетюркский согласный *к* между гласными внутри слова в чувашском языке передается в виде геминаты *-кк-*, что является фонетическим признаком собственно татарских заимствований в чувашском языке (Ахметьянов 1978:108). К татарским же источникам возводит Н. И. Исанбаев э. морд. *сокор* и м. морд. *сокыр* (Исанбаев 1979:59). Данное заимствование отражает более древний звуковой облик татарского слова. Оно проникло в финно-угорские языки до перехода общетюркских **o*, **ô* в татарское *у*. Орнитоним *шемвуй* (МРС 699) «черноголовка» относится, по

всей вероятности, к гаичке черноголовой (Parus palustris L.): *шем* «черная»+*вуй* «голова».

Семейство поползневые. Sittidae
Род поползни, Sitta L.

Пӧрдшыгайык (МРС 451, дд. Шиньша, Сардаял, Куганур соотв. морк.-сери, и сард-арб.) «поползень обыкновенный» (Sitta europaea europaea L.). Поползень предпочитает селиться в старых лесах. Питается жуками и их личинками, гусеницами. При поисках корма эта птица крутится вокруг ствола дерева, исследуя каждый участок коры. При необходимости может хорошо передвигаться по стволу как вверх, так и вниз, что и было отмечено марийцами при номинации поползня: пӧрдшыгайык, букв. «крутящаяся птица» (*пӧрдшӧ* «крутящаяся»+*гайык*∠*кайык* «птица»). Поэтому и в русском языке иногда его называют веретенце, сравнивая способность крутиться с веретеном (В. Песков, Комсомольская правда, 1982, № 63).

Семейство толстоклювые синицы, Paradoxornithidae
Род длиннохвостные синицы, Aegithalos Aermann

Кужу почан киса, кожкиса, птийкиса (Васильев 1928:83) «длиннохвостая синица» (Aegithalos caudatus L.). Более часто встречается в зимнее время. Особенностью этой птицы является ее длинный хвост, «при общей длине тела 150—170 мм на хвост приходится 88—107 мм» (Жизнь... 1970:515), что отражается и в марийском названии *кужу почан киса* (*кужу* «длинный», *почан* «с хвостом», *киса* «синица»), букв. «синица с длинным хвостом». Орнитоним *кожкиса* сложный, состоит из двух компонентов: финно-угорского слова *кож* «ель» и чувашского заимствования *киса* «синица». Также сложным является *птийкиса,* распадается на два элемента: *птий* «подражание крику этой птицы»+*киса* «синица» (*птий манеш* «кричит птий»).

Семейство оляпковые, Cinclidae

Куплого (МРС 247), *вӱдлого* (85), *вӹтлагы* Г (92), *куплагы* Г (247) «оляпка, водяной воробей» (Cinclus cinclus cinelus L.) Все названия связаны с образом

жизни этой птицы. Первым компонентом в орнитонимах служат слова, связанные с водой: *куплого (куп* «болото»+*лого* «дрозд»), *вӱдлого* (*вӱд* «вода»+*лого*). Оляпка не принадлежит к привычным для нас водным и водоплавающим птицам (гуси, утки, поганки), у нее на лапах нет перепонок. Но забредая иногда в воду в поисках козявок, личинок (и летом и зимой) она приспособилась полностью погружаться в нее. Оперение приобрело необычайную плотность, стало обильно смазываться жиром — тело птицы и в воде остается сухим. Ноздри при погружении в воду закрываются клапанами, а уши — складками кожи. И в настоящее время можно встретить исключительно у водоемов как летом, так и зимой. Второй компонент *лого* «дрозд» перенесен с дрозда на оляпку из-за их сходства. «Будь подлиннее хвост и будь оляпка покрупнее телом, принял бы ее за дрозда» (В. Песков, Комсомольская правда, 1982, № 63).

Семейство крапивниковые, Troglodytidae

Нужгайык Л, В (МРС 361, д. Ӱлыл-Йыванай балт. РФ МарНИИ, № 103, с. 67) «крапивник» (Troglodytes troglodytes troglodytes L.) Это маленькая птица, которая постоянно прыгает в низких кустах, на кучах мусора. Гнездо также устраивает около земли: на кучах мусора, на пне, на корнях деревьев, в кустарниках. А вышеотмеченные места всегда обрастают крапивой, с чем и связано марийское название *нужгайык (нуж* «крапива»+*гайык*∠*кайык* «птица»), ср. русск. *крапивница*. Первый элемент *нуж* является финно-угорским, ср. фин. *nokkonen* «крапива», *nokkos* «крапивный» (РФС 314), эст. *nõges* · «крапива» (РЭС 260), хотя М. М. Калямшин считает собственно марийским словом (Калямшин 1981: 161).

Семейство дроздовые, Turdidae

Дроздовые в марийском языке имеют общее название *лого*, Л, В (МРС 293), *лагы* Г, СЗ (СГНМЯ 76, ССЗНМЯ 111). Это слово, обозначая родовое понятие, служит компонентом при образовании многих орнитонимов: *куплого, вӱдлого* «оляпка», *упшанлагы* Г «дрозд

речной», *шемлого* «черный дрозд». Данная лексема в марийском языке является звукоподражательной. Отмечается характерный крик птицы (морк.: *лого-влак лыгы-логи кычкырат.* «Дрозды «лыгы-логы» кричат; вост. д. Старо-Бедеево: *кутырымышт лыгы-логы веле шокта.* «Их разговор слышится как «лыгы-логы»). Звукоподражательное происхождение данного названия подтверждают и материалы родственных языков. В удмуртском языке дрозд имеет наименование *люб-люб,* которое является ономатопоэтическим и образовано удвоенным звукоподражательным корнем (Соколов 1973:76).

Пызлыгайык Л (МРС 483), пизлыгайык Л, В (Васильев 1928:156) «дрозд-рябинник» (Turdus pilaris L.). Распространен рябинник по всему Марийскому краю. Гнездится в поймах малых и больших рек, по береговым зарослям озер и болот, по опушкам лесных массивов. Их стаи можно наблюдать осенью, в конце сентября, на ветвях рябины, когда основным кормом этих птиц являются ягоды данного дерева. При этом они громко кричат, часто перелетают с одного дерева на другое, поэтому в эту пору наиболее заметны, с чем связано марийское название *пызлыгайык (пызле* «рябина»+*гайык∠кайык* «птица»). Первый компонент этого сложного слова имеет финно-угорское происхождение: фин. *pihlaja,* м. морд. *пизел,* э. морд. *пизёл,* удм. *палэзь,* коми *пелысь* «рябина» (КЭСК 218), эст. *pihlakas* «рябина» (ЭРС 386). Подобно марийскому образован и коми *пелыськай (пелысь* «рябина»+*кай* «птица») «рябинник» (РКС 602). Такое же образование отмечается и в генетически неродственных языках: тат, *милэш урманы (милэш* «рябина»), чув. *пилеш кайăкĕ (пилеш* «рябина», *кайăкĕ* «птица») «рябинник» (Егоров 1964:160). По мнению В. Г. Егорова, удмуртское *палэзь* и коми *пелысь* «рябина» из чувашского языка (Там же), хотя языковые материалы подтверждают заимствование данного слова чувашским языком из финно-угорских источников.

Какремгайык Л, В (МРС 172, Васильев 1928:60), *ӱдымгек* Г (СГНМЯ 177), *шемшӱй* Л (МРС 700) «горихвостка обыкновенная» (Phoenicurus phoenicurus phoenicurus L.). Прилетают горихвостки в конце апреля — начале мая, улетают в конце сентября. Это очень красивая, ярко окрашенная птица. Поёт почти круглосуточно, особенно интенсивно на вечерних и утренних

зорях, повторяя часто и громко призывный крик «...фи-ить, фи-ить...» Питается насекомыми, с чем связано марийское название *какремгайык*, которое прозрачно делится на два компонента: *кекерем, какремыш* В «паук» (МРС 172, Васильев 1928:60), *кäкремшы* «паук» В (д. Старо-Бедеево бирс.) и *гайык∠кайык* «птица». Второй орнитоним *ӱдымгек* связан с совпадением прилета горихвостки и начала полевых работ: *ӱдымгек,* букв. «птица посева». Название *шемшӱй* отмечает характерную окраску горловой части птицы: *шем* «черный»+ *шӱй* «горло». «Горло, зоб, щеки и пространства вокруг глаз черные» (Жизнь... 1970:507). Особенность хвоста птицы отмечает наименование *кошарпоч* В (д. Рефанды бирс.), которое является сложным и состоит из двух слов: *кошар* «острый» и *поч* «хвост». Лексема *кошар* «острый» связана со словом *кошарташ* «точить», соответствия которому сохранились в мансийском и венгерском языках: манс. *kes-; kesiŋku* «точильный камень» (*kö* «камень»), венг. *köszörul-, köszrülkö (kö* «камень», «точильный камень») (Основы... 1974: 436).

Шӱшпык Л (МРС 749), *шыжвык* Г (СГНМЯ 216), *шӱшпӱк* Л, В (д. Качмаш калт., д. Чураево бирс., д. Мари-Купта морк.-серн.), *сандугас* В (белеб.) «соловей» (Luscinia luscinia L.). Соловьи известны всем по своему красивому пению. Недаром в большинстве марийских народных песен умение петь, свистеть имеет сравнение со свистом соловья. Сам же орнитоним шӱшпык, по единодушному мнению исследователей, в марийском языке чувашское заимствование (Казанцев 1972:81, Федотов 1965:61, Räsänen 1920:217), чув. *шăпчăк* (РЧС 735). В. Г. Егоров в тюркских языках данное слово считает образованным от звукоподражательной основы *чып-, шăп* (Егоров 1964:335). Как правильно отмечает М. Р. Федотов, в марийском слове произошла метатеза (Федотов 1965:154), что подтверждается и другими материалами марийского языка: морк.-серн. *тарванаш* «двинуться», горн. *тӓрвӓнӓш∠*чув, *тапран,* бирс. *пакшыч* «лестница», морк. *пашкыч ∠*тат. *башкыч;* морк.-серн, *örын'чак* «седелка», волж. *енерчак,* уфим. *örмӹчӓк,* свердл. *örчак∠*чув. *енерчек* (Грузов 1965:238). В фонетическом варианте *шӱшпӱк* ударение падает на второй слог, поэтому появление гласного *ӱ* на месте лугового *ы* связано с явлением полногласия. Название *сандугас'* имеет употребление лишь в гово-

рах восточного наречия марийского языка, где является татарским проникновением (Исанбаев 1978:21). В горномарийском слове *шыжвык* первоначальным следует считать чередование *п||в,* что повлекло за собой и изменение впередистоящего *ш.* Появление *ш* на месте чувашского *ч* в восточном и луговом наречиях можно объяснить отсутствием в то время в этих диалектах соответствия чувашскому *ч.*

Энгыжгайык Л, В (МРС 775, Васильев 1928:297), *чäкчем* Г (СГНМЯ 190), *чечкемыш* Л (Васильев 1928:253) «зарянка, малиновка» (Erithacus rubecula L.). Весенний прилет малиновок обычно происходит в первой половине апреля. Сразу же после прилета можно слышать пение зарянок на вечерних и утренних зорях. На осеннем прилете встречаются одиночно в сентябре-октябре. В народе название *энгыжгайык (энгыж* «малина»+*гайык/кайык* «птица) связывают с питанием птицы в осеннее время малиной, что, несомненно, в некоторой степени играет свою роль в номинации. Надо учитывать и то, что «подбородок, лоб и бока шеи» этой птицы «занимает большое ярко-красное пятно» (Жизнь... 1970:510), которое похоже по цвету на спелые ягоды малины. Эта особенность отмечена в эстонских названиях: *punarind (punane* «красный»+*rind* «грудь»), *punakael (punane+kael* «шея»), *punakurguke (punane+kurguke* «горлышко») · «малиновка» (Mäger 1967:167). В пользу того, что здесь мы имеем сравнение окраски птицы и цвета ягоды малины, говорит марийское название *йошкарон* (Васильев 1928:300) «малиновка». Состоит из двух компонентов: *йошкар* «красная»+*он* «грудь». Другие два названия *чäкчем* и *чечкемыш* звукоподражательные. Наиболее точно пение этой птицы передает лексема *чäкчем,* ср. крик птицы *«чик-чик»* или *«чип-чип».* Орнитонимы образованы повторением звукоподражательного корня, вторая часть в которых подверглась фонетическим изменениям. В варианте *чечкемыш,* по сравнению с *чäкчем,* произошла метатеза согласных *к* и *ч,* также произошло усложнение отыменным суффиксом, восходящим по происхождению к уральскому суффиксу -**ks* (Галкин 1966:36). Звукоподражательность данного названия подтверждает и чувашское наименование *чĕпчен* «малиновка» (РЧС 329). Г. Берецки это название *чечкемыш* сравнивает с коми *tšaktšei* «одна маленькая птица» и считает финно-угор-

ским, выделяет суффикс *-ыш*, форму *чечкемыш* признает первоначальной (Берецки 1957: 114).

Семейство славковые, Sylviidae
Род пеночки, Phylloscopus Boie

Чиегайык В (МРС 671) «пеночка садовая, трещотка» (Phylloscopus sibilatrix Bechst). Гнездо трещотки строят на земле около кустов или в самих кустах разных растений, с чем, по всей вероятности, связано и марийское название *чиегайык* (*чие* «вишня»+*гайык*∠ *кайык* «птица»). Лексема *чие* В «вишня», дерево и плод) в марийском языке татарское заимствование (Ахметьянов 1978:108, Исанбаев 1978:23).В последующем данное название послужило основой для образования нового орнитонима *ирчиегайык* «трещотка, пеночка лесная» (МРС 137), которое состоит из трех элементов: *ир*<чув. *хир* «дикий»+*чие*+*гайык*<*кайык* «птица».

Апшаткайык Л, В (Китиков 1974:94, Гордеев 1979:124), *алыкорави* Г (СГНМЯ 8) «пеночка-теньковка» Phylloscopus collybitus abietinus Nills). Орнитоним *апшаткайык* сложный, прозрачно делится на два компонента: *апшат* «кузнец»+*кайык* «птица». Связь со словом *апшат* исходит из сходства звуков, которые получаются при работе кузнеца (это обычно звуки удара молотка о наковальню, которые словами можно передать как «тинь-тинь, тинь-тинь») и крика теньковки. «Пение теньковки чистое, громкое, мелодичное, оно несколько напоминает звуки, производимые падающими капельками воды: «тень-тень-тень...» (Жизнь... 1970:520). Слово *апшат* Л, В, *апсат* В (урж.), *ӓпшӓт* Г∠общемар. **апсӓт* «кузнец» заимствовано из позднесарматских источников (Гордеев 1979:124). Горномарийское название *алыкорави* также сложное: *алык* «луг»+*орави* «воробей». Лексема *алык* чувашское заимствование в марийском языке, чув. *улӑх* «луг» (Räsänen 1920:161—162, Федотов 1965:136). Этимологию слова *орави* см. в названии *пӧрткайык* «воробей».

Род славки, Sylvia Scopoli

Славки — типичные обитатели кустарниковых зарослей, зарастающих вырубок, лесных полян и опушек. Они по праву считаются лучшими лесными певцами.

Уэчыкчык Г (СГНМЯ 179), *выле-выле* Л (МРС 88, Китиков 1974:95), *чылдыр* (Марий коммуна, 1974, № 27) «славка серая» (Sylvia communis communis Latham) Название *выле-выле* имеет широкое употребление в Моркинском районе Марийской АССР. Оно по происхождению звукоподражательное. Для всех славковых характерен «тихий «говорок» с громкой отрывистой концовкой» (Жизнь... 1970:517). Песня раздается в брачный период от утренней до вечерней зари. Орнитоним состоит из звукоподражательного корня, воспроизводящего первую часть пения птицы, которое передано в виде повтора. Горномарийское наименование *ӱэчыкчык* передает песню славки полностью. Первая часть *ӱэ* — соответствует тихому «говорку» птицы, а вторая часть *чыкчык* — громкой отрывистой концовке в виде повтора. Такое же ономатопоэтическое происхождение имеет лексема *чылдыр: Олаште илыше-влак нунын чыр-р, чыр-р манын йӱкланымышым колыныт.* «Жители города слышали их крик чыр-р, чыр-р» (Марий коммуна, 1974, № 27).

Род королька, Regulus Cuv

Чуня (МРС 679, Китиков 1974:103), *цуня* Г (СГНМЯ 187), *чуник* (Васильев 1928:247), *йӱштыгайык* (Китиков 1977:63) «королек желтоголовый (Regulus regulus L.) Орнитонимы *чуня, чуник* Г. Берецки сравнивает с коми *d'ẑoina, dẑoina* и фин. *tiainen* «синица», считает финно-угорским (Берецки 1957:113). В этом случае в данный ряд слов необходимо включить и эст. *tihane, tiane, tiha'* «синица»,которое является ономатопоэтическим (Mäger 1967:175). Марийское *чуня (чуник)* также звукоподражательное, что подтверждают фольклорные материалы: *Керге кужун магырен ченгекла гын, йӱр лиеш.* «Желна пищит протяжно (букв. кричит ченгек-ченгек) — быть дождю»; *Керге цыньла гӹнь, юр веке.* «Черный дятел закричал протяжно — потянуло к дождю» (Китиков 1977:99—100). В обоих случаях выражения *ченгекла* и *цыньла* обозначают протяжный крик. Относительно королька можно сказать то же самое: *Йӱштыгайык магыра гын, йӱштӧ сайынак лиеш.* «Пеночка голосит — крепче морозы будут» (Китиков 1977:63). Из этого следует, что наименования *чуня (цуня,чуник)* ономатопоэтические. А такие названия в каждом языке могут возникнуть самостоятельно, независимо друг от друга. По-

этому сопоставление Г. Берецки мар. *чуня* с финским и коми словами необходимо признать весьма условным. Здесь же следует отметить и то, что фольклорный материал содержит в себе новые подражания птичьим голосам, которые наиболее точно отражают крик птиц (Булаховский 1948:158). Другой орнитоним *йӱштыгайык*, по данным диалектологического материала и орнитологических источников, относится к корольку желтоголовому, хотя А. Е. Китиков переводит как пеночка (Китиков 1977:63). Здесь следует учитывать то, что пеночки на зиму улетают на юг, а королькн остаются зимовать (*Йӱштӧ толмеке толеш, тудлан йӱштыгайык маныт.* «Прилетает с наступлением холодов, поэтому называют «птица холода») и встречаются всюду, где только имеются хвойные и смешанные леса, так как основным их кормом в это время являются семена ели и других хвойных деревьев. Такой перевод, по всей вероятности, связан с тем, что королькн по повадкам, по размерам тела весьма напоминают таких же маленьких пеночек (одни из самых мелких птиц фауны СССР) (Птицы... 1978:134). Данное название сложное, состоит из двух лексем: *йӱштӧ* «холод»+*кайык* «птица», букв. «птица холода».

Семейство мухоловковые, Muscicapidae

На территории Марийской АССР встречаются три вида мухоловок: мухоловка серая (Muscicapa straita striata Pall), мухоловка-пастушка (Muscicapa hupoleyca hupoleyca Pall), мухоловка малая (Muscicapa parva parva Bechst), но в марийском языке наличествует только одно название *кармыгайык* «мухоловка» (Васильев 1928:62, МРС 180, Китиков 1974:129), которое является вариантом орнитонима *кармыгочшо кайык* Л, В (дд. Мари Купта, Анмково морк.-серн., д. Лопъял урж.). Орнитоним *кармыгайык* сложный, состоит из двух лексем: *карме* «муха»+*гайык*∠*кайык* «птица». Слово *карме* финно-угорского происхождения, ср. фин. *kärpänen* «муха» (РФС 379), эст. *kärbes* «муха» (РЭС 317).

Семейство трясогузковые, Motacillidae

Вырлянге В, Л. (МРС 89, Васильев 1928:43), *вӱрлӓнгэ* Л (Васильев 43), *чывызик* Л (дд. Изоткино, Ка-

рай, Нуктуж волж.), *вытланги* Г (Китиков 1974:95), *вӹ рлӓнгы вырлӓнгы* СЗ (ССЗНМЯ 40) «трясогузка» (Motacilla alba L.). Белая трясогузка принадлежит к числу самых обычных птиц на территории Марийской АССР. Места ее обитания разнообразны, но излюбленными являются побережья рек и различных водоемов, вместе с тем она не избегает и населенных пунктов. Относительно происхождения названия *вырлянге* с его фонетическими вариантами можно сказать только предположительно. Оно, по всей вероятности, связано с особенностью данной птицы: трясогузка периодически трясет (шевелит) своим хвостом, за что она и получила такое название в русском языке. В марийском языке имеется слово *вырдымакташ* Г «трепетать, порхать» (СГНМЯ 26), которое, возможно, генетически связано с коми *вӧрны* «шевелиться, шататься» и удм. *вырыны* «шевелиться, двигаться» (КЭСК 68). Образовано от этой основы при помощи суффиксов *-л* (значение: производить то, что обозначает корневое слово) и *-анге*. А чувашское *парчакан* «трясогуска» марийское заимствование. Орнитоним *чывызик* имеет употребление в волжском, калтасинском и малмыжском говорах марийского языка. По происхождению восходит к татарским источникам (Исанбаев 1978:21), ср. тат. *čypšyk* «трясогузка». Удмуртское *чивизык* (сев.) также татарское заимствование (Соколов 1973:111). Кроме татарского это слово встречается еще в целом ряде тюркских языков.

Семейство свиристелевые, Bombycillidae

На территории Волжско-Камского края встречается лишь один вид этой птицы — свиристель обыкновенный (Bombycilla garrulus L.). Это зимующая птица. В Марийской АССР появляется в начале ноября. Марийское название *ильывуй* (МРС 138, Васильев 1928:54, Китиков 1974:95) сложное, состоит из двух компонентов: *ильы* и *вуй* «голова». Значение и этимология слова *ильы* неясны. Но на предположение, что это слово связано с обозначением особенности головы свиристеля, наталкивает наличие на голове птицы большого хохла серовато-розоватого цвета (Жизнь... 1970:495) и участие в образовании наименования лексемы *вуй* «голова». Это же отмечает и В. М. Васильев: *ильывуй ию-*

ран (тӱкан) лиеш. «Свиристель бывает с хохлом» (Васильев 1928:54)

Семейство сорокопутовые, Laniidae

Кайыккочшо Л, В (Васильев 1928:59), *шопрем* (Галкин 1966:23), *шапренгы* Г (СГНМЯ 197), *шопрэнгэ, сопсырэнгэ* Л (Васильев 1928:257), *иршагыртем* Г (СГНМЯ 36), *караквäты* Г (СГНМЯ 48) «сорокопут, жулан» (Lanius eristatus eristatus L.). Название *кайыккочшо* сложное: *кайак* «птица»+*кочшо* «питающаяся», букв. «питающаяся птицами». Исходит из хищнического характера этой птицы. Основной пищей являются насекомые, но сорокопуты нападают также на мелких зверьков, птичек, птенцов, ящерищ. «Из птиц их жертвами бывают воробьи, чечетки, зяблики, овсянки, жаворонки, коньки, трясогузки, синицы и другие мелкие птицы» (Жизнь... 1970:493). Орнитонимы *иршагыртем (ир∠чув. хир* «дикий»+*шагыртем* «сорока») и *караквäты (карак* «ворона»+*вäты* «жена») сравнивают жулана с другими птицами по разным признакам: в первом случае отмечается внешнее сходство, а во втором — хищнический характер того и другого. Наименование *сопсыренге* с его фонетическими вариантами является звукоподражательными: *Сор-сор-сор манын кычкыра.* «Кричит сор-сор-сор» (Васильев 1928:136), ср. также «tsäk-tsäk-tsäk» (Mäger 1967:136). Первоначальным вариантом является *сопрем (шопрем)*+суффикс *-ке* (Галкин 1966:23), отсюда *шопренге.* Соответствие луговому *о* в горном наречии является закономерным (Грузов 1965:106), поэтому в горном наречии *шапренгы.*

Семейство скворцовые, Sturnidae

Шырчык Л, В (МРС 758, Васильев 1928:286), *шӹнгыртыш* Г (СГНМЯ 217), *шыгырчык* Л (Васильев 1928:286, д. Карай волж.), *шапренкӹ* СЗ (ССЗНМЯ 271) «скворец» (Sturnus vulgaris vulgaris L.) Примеры из родственных языков: коми-зыр. *сырчик* «трясогузка», удм. *шырчик* «скворец» (КЭСК 269). Вопрос татарско-чувашских заимствований в марийском языке из-за одинаковых исторических изменений в этих тюркских языках и ряда общих черт является сложным. С появлением новых работ после трудов М. Рясянена (Егоров

1964; Федотов 1965, 1967, 1968; Лукоянов 1973; Ахметьянов 1978; Исанбаев 1978, 1980) достигнуты положительные результаты в установлении таких признаков слова (фонетических, морфологических, семантических, географических), которые способны служить критериями разграничения одних заимствований от других. Это касается и марийского названия скворца. Одним из морфологических признаков для татарского или кыпчакского языков и не характерным для проточувашского являются аффиксы. Р. Г. Ахметьянов суффикс *-чäк/чĕк* считает татарским, а слова с этим суффиксом-заимствованиями из татарского языка (Ахметьянов 1978:109). В этом случае и марийское название *шырчык* должно быть отнесено к числу слов, имеющих источником проникновения татарский язык, хотя некоторые относят к числу чувашских заимствований (Räsänen 1920:208). Фонетическая оформленность слова подтверждает сказанное, ср. тат. *сыерчик* «скворец». Первый слог татарской лексемы по народной этимологии и по фонетическим законам языка приобретает значение звукоподражательности и видоизменяется до сходства с подражанием: *Шырчык шыр-р шӱшкалтен колтыш.* «Скворец шыр-р свистнул». А форма *шыгырчык* неизмененный вариант татарского заимствования, ср. тат. səγərčək, šəjərčək (Räsänen 1920:208). Горномарийское *шӹнгыртыш,* йошкар-олинское *цынгырце* представляют собой чувашское проникновение, ср. чув. *шăнкăрчă* «скворец». Такое происхождение данных орнитонимов подтверждают и ареалы их распространения. *Шырчык* имеет употребление в луговом и восточном наречиях марийского языка, носители которого больше связаны с татарами, чем с чувашами. Об этом же пишет и Н. И. Исанбаев: «Основная масса татарских заимствований (более 95%) проникла в лексику восточного наречия марийского языка. В говоры лугового наречия, главным образом в говоры, расположенные в зоне непосредственного контакта с татарским языком, вошло более четверти (26,7%) татаризмов» (Исанбаев 1980:175). Орнитоним *шӹнгыртыш* используется марийцами, которые территориально соприкасаются с чувашами. Вопрос относительно начального согласного *ш* решается следующим образом. В марийском языке в настоящее время процесс перехода *с*-звуков в *ш* не наблюдается. Ранний этап такого перехода произошел еще до чувашско-ма-

рийского контакта (Грузов 1965:160). Пратюркское **с* в чувашском языке дает *с* и *ш*. «Двоякое отражение **с* в чувашском языке, по всей видимости, не имело комбинаторно-позиционной обусловленности», также отсутствуют какие-либо дистрибутивные моменты, объясняющие дивергенцию пратюркского **с*. Поэтому «необходимо искать другие причины указанного явления» (Щербак 1970: 161). Этой причиной явилось финно-угорское влияние (Тепляшина 1971, Ахметьянов 1978:87). По мнению тюркологов, в чувашском языке общетюркский согласный *с* перешел в *ш* сравнительно недавно, на что указывает чередование *с* и *ш* в некоторых говорах и в современном чувашском языке (Конюкова 1960:92). А в марийском языке татарские заимствования, в которых имел место переход *с∠ш*, являются, несомненно, ранними (Казанцев 1973:124). Это также доказывает татарское происхождение *шырчык*. Из этого следует, что и удмуртское *шырчык* «скворец» татарское заимствование, а не чувашское, в разряд которых причисляет С. В. Соколов (Соколов 1973:129). А перенесение в северо-западном наречии наименования *шапренкы* с сорокопута на скворца связано с некоторым внешним сходством птиц и не очень большим различием крика.

Семейство ткачиковые, Ploceidae

Пӧрткайык Л, В (МРС 452, Васильев 1928:163, дд. Арбан, Шӱкшан й-олин.), *кудыгайык* Л (дд. Чодраял, Нурмучаш волж.), *суаскайык* (Васильев 1928:193), *сарси* Л (дд. Кожвож, Нуктуж, Иркино, Отымбал, Коркатово, Петъял, волж., МРС 522), *саси* (МРС 522, дд. Петъял, Большая Сосновка волж.), *ворави* Л (д. Языково й-олин.) *орави* Л, Г (СГНМЯ 108, й-олин.), *рави* (д. Лишша волж.) «воробей домовой» (Rasser domesticus domesticus L.). Название *пӧрткайык* имеет употребление в восточной и северо-восточной части лугового наречия марийского языка. Относится к числу собственно марийских образований. Состоит из двух компонентов: *пӧрт* «дом»+*кайык* «птица». Лексема *пӧрт* в марийском языке является славянским заимствованием, ср. литов. *pirtis* «баня» (Аристэ 1973:3). Наиболее древним, по всей вероятности, необходимо считать орнитоним *кудыгайык* (*кудо* «летняя кухня, усадьба, двор»+*гайык∠кайык* «птица»), первый компонент вос-

ходит к общефинно-угорской лексике: фин. *kota,* эст. *koda* «сени», «дом», саам. *goatte,* э. морд, *кудо* «дом», м. морд. *куд.* «дом», «изба», удм. *куа, куала* «шалаш, в котором в летнее время готовят пищу и едят», хант. *kat* «дом», венг. *haz* «дом»‖индо-европ.: ср. авест. *kata* «кладовая, подвал, погреб» (Основы 1974: 423). Наименование *суаскайык* имеет употребление лишь у незначительной части марийцев и в настоящее время непосредственно соприкасающихся с тюркоязычными народами, а именно с татарами. Номинация связана с характерным для самца воробья темно-серым верхом головы, который сравнивается с тюбетейкой у татар (*Вуйыштыжо суас гаяк упш уло.* «На голове, как у татарина, есть шапка»). Лексема *воравu* с разными его фонетическими вариантами *(оравu, равu)* русское заимствование в марийском языке, ср. русск. *воробей.* В форме *оравu* отмечается выпадение начального согласного *в,* что является закономерным не только для русских и чувашских заимствований, но и для собственно финно-угорских слов: в основных говорах мар, яз. *ӱдаш* «сеять», морд. *vide,* фин. *vätkää,* венг. *vet-* «бросать»; мар. *ӱй* «масло», морд. *oi,* коми *vi,* удм. *vei,* фин. *voi,* венг. *vaj* (Грузов 1965:227). В предударных слогах русский *о* в марийском языке передается двояко: гласным *о* и гласным *а,* напр. *памидо́р* «помидор», *потолок* «потолок». Причиной такого замещения предударного *о* являются разные источники заимствования: с гласным *о* они заимствованы из окающих говоров русского языка, а с гласным *а* — из его акающих говоров (Исанбаев 1968:81). Заселение Волго-Камья началось в основном с Волжско-Свияжского междуречья и было связано со взятием русскими Казани. Общим направлением русской колонизации в Волго-Камье было направление с северо-запада на юго-восток. В основном русский колонизационный поток шел с территорий с полным оканьем; активно формировались волго-вятские говоры Волго-Камья. В это же время распространяется и аканье, поскольку движение шло из различных мест России, в том числе и из губерний с акающим типом говора. В XIX веке выходцам из акающих губерний уже принадлежит большой удельный вес (Смолякова 1977:5—6). Ударное *е* русского языка в марийском языке зачастую реализуется в форме *и,* напр. мар. *Тымапи* — русск. *Тимофей,* мар. *Андри* — русск. *Андрей* и т. д. В данном

случае отражается особенность тех русских говоров, в которых *е* под ударением произносится как нечто среднее между *е* и *и*, ближе к *и* (Саваткова 1969:17). Название *сарси* с фонетическим вариантом *саси* восходит к чувашским источникам, чув. *çерçи* «воробей» (Казанцев 1972:81, Федотов 1965:118, Räsänen 1920:189). Ареал употребления данного орнитонима непосредственно соприкасается с чувашской территорией. Таким образом, названия воробья в марийском языке наглядно отражают связи марийского народа с соседними тюркскими и славянскими народами.

Семейство вьюрковые, Fringillidae

Пурсагайык (МРС 472) «дубонос» (Coccothraustes coccothraustes L.). Марийское название возникло в связи с питанием птицы: *пурсагайык* «птица гороха» (*пурса* «горох»+*гайык*∠*кайык* «птица»). Дубонос поедает зерна и семена костянковых, плодово-ягодных растений, а именно: вишни, черешни, сливы, боярышника, костяники, калины, черемухи, винограда и т. д. (ПСС V: 166), из чего вытекает, что эти птицы питаются и горохом. Этим они приносят некоторый вред хозяйству марийцев, что сыграло решающую роль при номинации. Незначительная, нехарактерная особенность была положена в основу орнитонима. Слово *пурса* в марийском языке является чувашским заимствованием, чув. *пăрçа* «горох» (Федотов 1965:101, Казанцев 1972:81). Кроме чувашского языка налично во многих тюркских языках (Егоров 1964:149). Номинативная единица могла возникнуть не раньше начала марийско-чувашских контактов.

Кынегайык Л, В (МРС 269, Васильев 1928:95) «зеленушка» (Chloris chloris chloris L.). При номинации учитывалось питание птицы семенами конопли: *кынегайык*, букв. «птица конопли» (*кыне* «конопля»+ *гайык*∠*кайык* «птица»). Учитывая тот факт, что марийцы возделыванием конопли занимались издревле, на что указывают языковые материалы: коми *кöнтусь* «конопля, конопляное семя», удм. *кенэш* «конопля», э. морд. *канстъ*, слово встречается как в индо-европейских, так и в алтайских и других языках и, возможно, название конопли восходит к месопотамским языкам, ср. сумерийск. *kunibu* (КЭСК 141), о времени возникновения

данного орнитонима судить трудно, как трудно указать примерное время начала возделывания конопли.

Коршангывуйгайык (МРС), *коржангывуйгек* Г (СГНМЯ 49), *коржангывуй* Г (МРС 179), *цäцаля* Г (СГНМЯ 184), *олагайык* (МРС 377), «щегол» (Carduelis carduelis carduelis L.) Щеглы заселяют всю Марийскую АССР, местами ведут оседлый образ жизни, большая же часть совершает регулярные перелеты. «Питается щегол главным образом семенами сорняков, предпочитая всем другим семена репейника и чертополоха» (Птицы... 1978:182). Поэтому чаще всего их можно видеть на кустах репейника. С этой особенностью птицы связано марийское название *коршангывуйгайык* с разными его вариантами: *коршанге* «репейник»+*вуй* «вершина»+*гайык*∠*кайык* «птица», букв. «птица вершины репейника». Указывается не только название растения, где можно наблюдать птицу, а также отмечается точное место на этом растении. Если учитывать, что слово *коршанге* «репейник» в марийском языке чувашское заимствование (Федотов 1965:60); то время образования орнитонима надо относить к периоду тесных марийско-чувашских контактов. Название *цäцаля* звукоподражательное. Позывной крик можно передать как «цин-вит», оканчивающийся позывной трелью (ПСС V:194). Первая часть крика передана в виде повтора, а элемент *-ля*, по всей вероятности, выражение позывной трели. Ср. также чув. *шäкäлчи* «щегол», от звукоподражательной основы *шäкäль* (Егоров 1964:332). Еще одна особенность этой птицы отмечается в орнитониме *олагайык* (*ола* «пестрый»+*гайык*∠*кайык* «птица»). Общая окраска летящей птицы светлая. Но «вблизи оперение пестрое, многокрасочное. Крылья и хвост черные. На крыльях ярко-желтые большие пятна, клюв окружен красной полосой, по бокам зоба, распространяясь на верхнюю часть груди, на белом фоне два светло-коричневых пятна» (ПСС V:194).

Казыля (МРС 170), *казäля* Г (СГНМЯ 51, МРС 186), *олагазля* (МРС 377, Васильев 1928:75), *казыля* (Китиков 1974:95), *коржанказлай* (д. Шуарсола морк.-серн., РФ МарНИИ, № 197, с. 54) «чиж» (Carduelis spinus L.) Этимология слова *казыля* неясна.

Коршангыгайык (МРС 224), *кынегочшо* (Васильев 1928:75), *кынекиса* (д. Дургамашево морк.-серн. РФ МарНИИ, № 23, с. 6) «коноплянка» (Carduelis canna-

bina L.). В Марийской АССР является гнездящейся перелетной птицей. Время весеннего прилета растягивается с конца марта до середины апреля, осенний отлет отмечается с конца сентября до середины октября. «Питается семенами репейника, лопуха, конского щавеля, чемерицы и других травянистых растений» (Жизнь... 1970:561). Все марийские орнитонимы отмечают особенность питания птицы: *коршангыгайык,* букв: «птица репейника» (*коршанге* «репейник»+*гайык*∠*кайык* «птица»), *кынегочшо*, букв. «питающаяся коноплей» (*кыне* «конопля»+*кочшо* «питающийся»), *кынекиса* букв. «конопляная синица» (*кыне*+*киса* «синица»).

Орш. Л, Г (МРС 401, СГНМЯ 110), *öршöкайык* В (калт., красно-кам., янаул.), *пöршöкайык* (Ерусланов), *öржгайык* В (д. Илнеть елаб. РФ МарНИИ, № 206, с. 103), *йошкароҥ* (МРС 151, д. Карай волж., д. Ӱлыл-Йыванай балт., д. Бахтыбаево бирс., д. Чишма белеб.), *д'ошкароҥан* Л (дд. Кугу Öрша, Лужбеляк, Шуарсола й-олин.), *йошкароҥан кайык* Л, В (дд. Помары, Исменцы, Красноярцы, Отымбал волж., д. Шиньша морк. серн.) «снегирь» (Purrhula purrhula purrhula L.). Снегирь — перелетная и зимующая птица. Прилетает на территорию Марийской АССР с наступлением холодов. В это время их можно видеть около домов и по обочинам дороги в поисках пищи. В гнездовой период снегири предпочитают глухие елово-пихтовые леса и нигде не бывают многочисленными, поэтому во время насиживания их трудно увидеть. Отсюда появилось представление, что снегири у нас бывают только зимой. С этим связаны названия с компонентом *öрш.* Первоначальными следует считать формы *пöршöкайык* и *öршöкайык,* которые состоят из двух компонентов: *пöршö* (*öршö*) и *кайык* «птица». Элемент *пöршö* (*öршö*) имеет значение иней, ср. *öрш* Г «иней» (СГНМЯ 110), *пöрш* Л, Г «иней» (МРС 453, СГНМЯ 126), отсюда *пöршöкайык (öршöкайык)* досл. «птица инея». В последующем произошло усечение данной формы, поэтому в настоящее время мы имеем вариант *öрш* «снегирь», который со словами *öрш* Г «иней», *öрш* «усы» создает ряд омонимов. В наименовании птицы сохранилась первоначальная форма слова со значением иней — *пöршö.* Другие орнитонимы связаны с окраской оперения снегиря. «У самцов грудь красная» (Птицы... 1978:176). Это отражают названия *йошкароҥан кайык (йошкар* «красный»+*оҥан* «с

грудью», *кайык* «птица»), *д'ошкароҥан* букв. «с красной грудью». Варианты *йошкароҥ* и *д'ошкароҥан* восходят к форме *йошкароҥан кайык*.

Важыкумша (МРС 51), *важыкнер* (Китиков 1974:94), *кожэгэльэ кайык* (Васильев 1928:70), *йеловик, клест* (д. Починок-Кучук Кукморского р-на ТАССР РФ МарНИИ, № 194, с. 38) «клест-еловик» (Loxia curvirostra curvirostra L.). Величиной и окраской напоминает снегиря. Отличительной особенностью является большой клюв с перекрещивающимися вершинами надклювья и подклювья. Этот признак взят за основу при номинации в марийском языке: *важыкумша* (*важык* «кривой»+*умша* «рот») букв. «кривой рот», *важыкнер* (*важык*+*нер* «клюв») букв. «кривой клюв». Собственно марийские орнитонимы образованы сложением финно-угорских слов: мар. *важык* — фин. *vita* «косой, кривой», коми *веж* «разветвление», *вежынь* «перекос, искривление», удм. *вож* «перекресток, перепутье» (КЭСК 49—50), мар. *-ык* — словообразовательный суффикс (КЭСК 55); мар. лит. *умша*, волж. *умша*, й-олин. *шума*—сложное образование от *ым*, ср. удм. *ым* «рот» и *шу*, ср. фин. *suu*, эст. *suu*, венг. *száj*, манс. *sup* (Галкин 1968:32); мар. *нер*—удм. *ныр* «нос», коми *ныр* «нос, клюв, рыло», м. морд. *нярь*, э. морд. *неръ*, саам. *nierrā* «нос, клюв, рыло» (КЭСК 197). Такой клюв клесту служит орудием разрушения еловых шишек и доставания семян. С этим связан другой орнитоним *кожэгэльэкайык*, состоящий из трех компонентов: *кож* «ель»+*эгэльэ* «шишка»+*кайык* «птица». Два других наименования *йеловик* и *клест* — русские заимствования, ср. русск. *клест-еловик*.

Пембе (МРС 419), *пимбе* (Васильев 1928:179), *пимба, пимбы* Г (СГНМЯ 119), *пиньга* (Птицы... 1978:196) «зяблик» (Fringilla coelebs coelebs L.). Относительно этимологии данного названия имеется несколько мнений. Ф. И. Гордеев считает балтийским заимствованием и возводит к литов. *ретре* «чибис» (Гордеев 1967:185). Г. Берецки причисляет в разряд финно-угорских лексем и выделяет суффикс -βə с уменьшительным значением (Берецки 1957:112). Если не принимать во внимание суффикса, то такое происхождение слова можно считать весьма достоверным, ср. эст. *vint, pink, vink* «зяблик» (Mäger 1967:180), коми *пинькай* «зяблик» (РКС 187), которое распадается на элементы *пинь* и *кай* «птица», ср. мар. *пемпе кайк* (Ерусланов). Орнитоним

пиньга можно сопоставить с эст. *pink* и коми *пинь* и считать финно-угорским. По происхождению является ономатопоэтическим (Mäger 1967:180), крик птицы можно выразить как «pink-pink» или «fink-fink» (Löwis 1895:257). А название *пимбэ (пимбы)* с вариантами *пимба* и *пембе* нужно считать собственно марийским, образованным диминуитивным способом от *пинь* (переход *н>м* для марийского языка является характерным) и *-пи,* которое в марийском языке обозначает крик зяблика: *Пембе пи-пи-и манеш — йӱштылан.* «Пищит зяблик — к холоду» (Китиков 1977:63). Согласный *п* после *м* озвончается (Грузов 1960:86). Переход гласных *и>е* нужно считать возможным: фин. *nirkko* «острие, краешек»— мар. *нер;* фин. *isä* «отец»— мар. диал. езä «старший брат»; эст. *elama* «жить»—мар, *илаш* «жить»; фин. *peni*, эст. *peni* «собака»— мар. *пи, пий* «собака» и т. д.

Семейство овсянковые, Emberizidae

Шурнывоч (МРС 738), *шурныгочшо кайык* (Васильев 1928:276), *шӱльыгайык* (МРС 744), *-шурныкäршы СЗ* (ССЗНМЯ 286) «овсянка обыкновенная» (Emberiza citrinella L.). Все орнитонимы связаны с особенностью питания птицы: *шурнывоч* букв. «остаток зерна» (*шурно* «зерно»+*воч∠поч* «остаток»), *шурныгочшо кайык* букв. «птица, питающаяся зерном» (*шурно* «зерно»+*гочшо∠кочшо* «питающийся», *кайык* «птица»), *шӱльыгайык* (*шӱльӧ* «овес»+*гайык∠кайык*), *шурныкäршы* букв. «зерновой коростель» (*шурно+käршы* «коростель»). «Основной пищей в осенний и особенно зимний периоды служат семена трав, а также зерна пшеницы, проса, овса и других сельскохозяйственных культур» (Птицы... 1978:208). Элемент *шурно* в этих названиях индоевропейское заимствование (Аристэ 1973:3), хотя Ф. И. Гордеев считает балтийским и сравнивает с др. прус. *syrne* «зерно», литов., латыш. *širnis* (Гордеев 1967:185). Компонент *шӱльӧ* в названии *шӱльыгайык* восходит к чув, *сĕлĕ* «овес». (Казанцев 1972:81, Федотов 1965:65). Кроме чувашского наличио во многих тюркских языках (Егоров 1964:187). Перенесение названия коростеля на овсянку в северо-западном наречии связано с некоторым внешним сходством птиц, а также схожестью в летнем образе жизни. Все рассмотренные наименова-

ния собственно марийские, образованы способом словосложения.

В итоге следует сказать, что основной компонент марийской орнитонимической номенклатуры, как это показал этимологический анализ, складывался в период финно-угорского языка-основы. В последующем он пополнился собственно марийскими образованиями и заимствованиями. В собственно марийских образованиях отмечается стремление обозначать реалии сложными, описательными наименованиями (см. *коршангывуйгайык* «щегол», *йошкароңан кайык* «снегирь» и т. д.), которые получили свое распространение в период самостоятельного развития марийского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Аристэ П. А. 1973, Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках.— В кн.: Вопросы марийского языкознания, вып. III. Йошкар-Ола, с. 3—7.

Ахметьянов Р. Г. 1978, Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М.

Берецки Г. 1957, Финно-угорские элементы в лексике марийского языка. Рукопись канд. дис. Л.

Булаковский Л. А. 1948, Семасиологические этюды. Славянские наименования птиц.—Вопросы славянского языкознания, кн. I Издание Львовского гос-го унив-та.

Васильев В. М. 1928, Марий мутэр. М.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, часть II, Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1968, Из истории некоторых марийских слов.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. II Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке — В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Том. I. А—Б. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П 1960, Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола.

Грузов Л. П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Ерусланов П. П Черемисско-русский словарь.— Архив АО ИВ АН, р. II, оп. 5,ед. хр. № 3.

Жизнь... 1970, Жизнь животных. Т. V. Птицы. М.

Исанбаев Н. И. 1968, Фонетика русских заимствований в калтасинском говоре марийского языка.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. II. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н И 1978, Лексико-семантическая классифика-

ция татарских заимствований в марийском языке.— В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1979, История изучения татарских заимствований в марийском языке.—В кн.: Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола.

Исанбаев Н. И. 1980, Проблемы разграничения татаризмов от заимствований из других языков.— Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола.

Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С. 1972, Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола.

Казанцев Д. Е. 1973, История щелевых согласных в марийском языке.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. III. Йошкар-Ола.

Калямшин М. М. 1981, Ботаническая терминология в мензелинском говоре марийского языка.— В кн.: Вопросы марийского языка. Вопросы марийской диалектологии. Йошкар-Ола.

Китиков А. Е. 1974, Марийско-русский русско-марийский терминологический словарь (ботаника, зоология). НРФ МарНИИ, оп. 2, д. 274.

Китиков А. Е. 1977, Марийские народные приметы. Йошкар-Ола.

Китиков А. Е. 1981, Калыкмут, Йошкар-Ола.

Конюкова А. С. 1960, Некоторые особенности чувашей тури и анатри.—Материалы по чувашской диалектологии. Вып. I. Чебоксары.

Лукоянов Г. В. 1973, Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Смолякова Л. П. 1977, Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом влияний). М.

Соколов С. В. 1973, Названия птиц в удмуртском языке. Рукопись канд. дисс. Тарту.

Тепляшина Т. И. 1973, О происхождении марийского слова когыльо «пирог».— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Вып. III. Йошкар-Ола.

Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чебоксары.

Щербак А. М. 1970, Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.

КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М, 1970.

МРС— Марийско-русский словарь. М., 1956.

ПСС — Птицы Советского Союза. Том. V. М., 1954

Птицы... 1978 — Птицы Волго-Камского края. Воробьиные. М.

РКС — Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966.

РФС — Русско-финский словарь. М., 1963.

РЧС — Русско-чувашский словарь. М., 1971.

РЭС — Русско-эстонский словарь. Таллин, 1967.

СГНМЯ — Саваткова А. А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.

ССЗНМЯ — Иванов Н. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971.

ЭРС — Эстонско-русский словарь. Таллин, 1977.

Lowis O. 1895, Unsere Baltischen Singvögel. Revel.

Mäger M. 1967, Eesti linnunimetused. Tallinn.
MNy TESz — A magyar nyelv történeti — etimológiai szótára. Budapest, I — 1967, II — 1970.
Räsänen M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki.
Räsänen M. 1923, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen Helsinki.

М. М. Калямшин

ЗООНИМЫ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сбором и изучением названий животных в марийском языке занимались не систематически. Разработанные ранее этимологии разбросаны по страницам разных изданий финно-угроведческой литературы. В этом сообщении мы рассмотрим исторические пласты названий животных в марийском литературном языке, способы их образования и попытаемся дать этимологию некоторым зоонимам.

Названия животных говорят о многом из жизни предков современных мари. Изучение зоонимов может дополнить наши представления об историческом развитии фонетики, морфологии, лексики марийского языка.

С древнейших времен животные играли большую роль в жизни финно-угорских племен. Если рассмотреть современные названия животных в финно-угорских языках, то можно заметить, что некоторые пушные звери имеют общие названия с незначительными фонетическими изменениями. Например: куница — мар, *луй*, манс. *лайса; лиса* — мар. *рывыж*, фин. *repo*, эст. *rebane*, морд. *ривезь;* белка — мар. *ур*, морд. *уро*, коми *ур*, фин. *orava;* бурундук — мар. *урымдо*, удм. *урдо;* выдра — мар. *шашке*, фин. *häähkä*, саам. *šaske*. Отсюда можно сделать вывод, что в жизни финно-угорских племен значительное место отводилось пушным зверям, поэтому сохранились их древние названия. Пушнина, видимо, являлась денежным эквивалентом в примитивной торговле древних финно-угорских племен. Даже после появления денег пушнина не утратила своего значения, она еще долго использовалась вместо денег. Особенно в ходу у марийцев была шкура белки. Следы этого сохранились и до настоящего времени. В марийском языке можно слышать выражение *казна капка почедыше* «открывающий ворота казны». Это метонимическое название белки. В недалеком прошлом копейку марийцы называли *кумур* «три белки». Компонент *ур*

сохранился в денежных единицах до настоящего времени у коми и обозначает копейку, как в марийском языке. Но в последнем он фонетически видоизменился и стал *ыр* (Галкин 1979: 109).

Некоторые дикие животные не имеют общего названия в финно-угорских языках. Это прежде всего относится к крупным хищным зверям. Их названия по различным причинам табуизировались. Метонимические названия со временем вытеснили основные обозначения животных. Поэтому в финно-угорских языках они звучат по-разному. Например: волк — мар, *пире,* коми *кӧин,* удм. *кион,* морд, *верьгиз;* медведь — мар. *маска,* коми *ош,* удм. *гондыр,* морд. *овто.*

Дикие животные были объектом охоты. Охотясь на них, люди обеспечивали себя мясом, шкурами. А чтобы добыть их примитивными орудиями лова, кроме отваги, острого зрения, тонкого слуха, выдержки, настойчивости нужно было знать окружающую среду, повадки животных. Их половые и возрастные различия, видимо, не интересовали древних охотников. Поэтому в марийском языке существуют только общие родовые названия животных, а слов, различающих их по разным признакам, нет. Половая и возрастная характеристика в марийском языке дается описательно. Первую имеют только крупные хищные звери: *ава маска* «медведица», *ава пире* «волчица».

Древние финно-угорские народы существовали не изолированно. Они под влиянием разных скотоводческих племен и по их примеру начали заниматься животноводством.

Из археологических данных известно, что в конце III или в начале II тысячелетия до н. э. в лесной зоне Восточной Европы появились скотоводческие фатьяновские племена. Они сыграли основную роль в переходе финно-угорских племен к животноводству. Затем, видимо, древние финно-угры от своих южных соседей, срубных племен, переняли крупный рогатый скот. Иранские элементы названий животных, вероятно, впервые попали от южных срубных племен. Значительную роль в распространении скотоводства и земледелия у финно-угорских племен, живущих на территории Средней Волги и в междуречье Волги-Оки, в середине второй половины II тысячелетия до. н. э. сыграли абашевцы (Смирнов 1975:184, 187, 189).

И со II тысячелетия до н. э. у большинства финно-угорских племен, в основном живущих на Средней Волге, охота отступила на второй план, и ведущее место стало занимать животноводство. Этому способствовали и природные условия.

Древние поселенцы нашего края держали свиней, крупный рогатый скот, лошадей (Архипов 1973:13). Происходит дифференциация животных по возрастам. Первоначально забивали на пищу скот не моложе десяти месяцев (Цалкин 1962:10). Видимо, в этот же период начинают различать животных по полу. Названия домашних животных в современном марийском языке показывают на пол и возраст. Почти все они без исключения заимствованы в разные периоды развития марийского народа: *шорык* «овца», *тага* «баран», *пача* «ягненок», *пача шорык* «ярочка», *ушкал* «корова», *ӱшкыж* «бык», *туна* «телка», *презе* «теленок», *имне* «лошадь» — общеродовое название, *алаша* «мерин», *ожо* «жеребец», *талгыде* «стригунок», *чома* «жеребенок».

Зоонимы современного марийского языка имеют несколько пластов. Они показывают ступени развития народа, влияние других народов и племен на хозяйственную и культурную жизнь марийцев в разные периоды. Названия животных в марийском языке по их происхождению можно разделить на три группы.

I. Древние названия. Имеются параллели в родственных языках.

II. Зоонимы, образованные в марийском языке.

III. Заимствования.

Первая группа зоонимов включает только названия диких животных и состоит из трех лексических пластов.

1. Уральский: *кишке* «змея», фин. *kyy* «тж», эст. *kõõ* «тж», удм. *кый* «тж»<**kije; пӱчӧ* «лось», хант. *pētšš* саам. *buātsu,* манс. *pāši,* коми *неж,* удм. *пужей*< **poča; pēsi: шашке* «норка», саам *săske,* хант, *sos,* фин. häähkä<**šäškä* (Основы 1974:404).

2. Финно-угорский: *луй* «куница», манс, *лайса; шордо* «олень», хант. *суурти* «тж», манс. *сурти* «тж»; *нерге* «барсук», саам. *марак* «тж», морд. э. *нергазь.* М. Мосин проводит параллели из эстонского и финского языков: эст. *nirk* «ласка», фин. *luminirkko, talvinirkko* «ласка» и этимологию связывает с *нер.*: коми, удмурт *ныр* «клюв, нос, рыло», морд. *нерь* «клюв, рыло, морда, острие» (Мосин 1975:79), мар. *нер* «нос, клюв, рыло,

острие». Хотя эстонское *nirk* и финское *nirkko* семантически далеки от *нерге* «барсук», но с этимологией М. Мосина можно и согласиться, ибо наблюдаются случаи, когда отдельные характерные части животного выделялись и ассоциировались с окружающими предметами. *Шоҥшо*, Г. *шӱлы*, фин. *siili*, морд *шӱлы*<**šije-le; рывыж* «лиса», фин. *repo*, эст. *rebane*, морд. э. *ривесь*, венгр. *ravasz* «хитрый»<**черä (šз), пий* «собака», фин. *peni*, морд. м. *пиня*, ср. мар. *пинеге*‖ *пиниге* «щенок», венгр. *fene*<**pene; чома* «жеребенок», фин. *sonni*, эст *sõn'n'*, удм. *чуньы*.

3. Финно-пермский: *ур* «белка», морд. э. *ур*, коми *ур*, фин. *orava*, эст. *orov; урымдо* «бурундук», удм. *урдо; шыҥшале* «ящерица», удм. *кендзали; шурмаҥше* «рысь», удм.*сёр*, коми *сер*.

Названия же домашних животных финно-пермского периода являются заимствованными из других языков: *ӱшкыж* «бык», удм. *ож* «тж», коми *öш*, фин. *hieho, ehko* «телка»<иран.: ср. авест. *uxša*, санскр. *ukša; ожо* «жеребец», удм. *уж* «тж», коми «*уж*<**oš̌з* или **aš̌з*, др. иран **vršan*, др. инд. **vrsan* «самец» (Гордеев 1967:199); *ушкал* «корова», морд. э. *скал* «телка», коми *ыскал, сыкал* «корова».

Названия животных, образованные в марийском языке, состоят в основном из двух компонентов. Значительную часть среди них занимают зоонимы с компонентом *коля* «мышь», который заимствован из тюркского языка: *kälämuш* «крыса, мышь полевая» (узб. *kälämuш* кирг. *kəlәmïш*, таг. *kəlәmä ciran* «суслик, полевая мышь», тур. *rəlәnӣ* «крыса»), А. М. Щербак приводит примеры из словарей Махмуда Кашгарского, где *kəlәrӣ* «полевая мышь» и Апгуллаха Ваттала, где *kəlәnӣ* «мышь». *Кәлämуш* состоит из двух компонентов: *кәлä*+*муш*, перс. *муш* (Щербак 1961:150).

В марийском языкознании имеется другая этимология этой лексемы. Например, В. Н. Васильев считает, что *коля* финно-угорского происхождения (Васильев 1979:171) и выводит из *Каδ'ѡа* или *каδ'ѡз* «ласка», что, на наш взгляд, неверно. Для марийского языка процесс *δ'*>*л* не закономерен. Кроме того, эта лексема ни в одном финно-угорском языке не показывает мышь, нет семантического соответствия. Поэтому *коля* мы считаем тюркским заимствованием. В современном марийском литературном языке мы нашли девять зоонимов,

образованных с компонентом *коля: бесныголя* «мышь-зерновка» *(босно+коля)*. Первый компонент, на наш взгляд, заимствован из тюркского языка, где *базна* означает убыток. В марийском языке произошло смещение *а>о, з>с*. Этот процесс доказывал Н. И. Исанбаев на примере татарского языка (Исанбаев 1979:51, 88).

Йоржаголя «мышь-зерновка» (*йоржа+коля*), первый компонент, очевидно, русского происхождения. Диалектное слово *ярица* было заимствовано горным наречием марийского языка, где *йӓрцӓ* означает крупу из зерна. В луговом наречии произошел фонетический процесс *ӓ>а>о*. Нехарактерный для марийского языка звук *ц* был, видимо, заменен сначала *ч*, а потом *з*, который перешел в *ж*. Таким образом, *йоржаголя* означает мышь, поедающую крупу.

Есть и другая этимология этой лексемы у В. М. Васильева. Он говорит, что эта мышь юркая, поэтому ее называют *йоржаголя*. И человека называют *йоржа*. Это скорее всего народная этимология. В каком диалекте употребляется. это слово — нам выяснить не удалось.

Войсмо «лесная мышь». Этимологию этого зоонима можно предположительно вывести только из тюркского названия растений *вой* «пажитник» или *буйа* «сорная трава». Видимо, лесная мышь употребляет в пищу семена пажитника или сорной травы.

Вӱдколя «водяная мышь» *(вӱд+коля)*, первый компонент является финно-угорским, а второй — заимствованием.

Куголя «крыса» */кугу+коля/*, зооним образован по внешнему признаку. *Коляйос* «ласка» */коля+йос* «горностай»/, второй компонент — чувашское заимствование /чув. *юс* «горностай»/. *Пасуголя* «мышь-полевка» */пасу +коля/*, где *пасу* заимствован из татарского языка— *басу* «поле». *Рокколя* «крот» */рок+коля/*, где *рок* «земля»— собственномарийская лексема. Зооним образован по месту обитания животного. *Комаголя* «хомяк» */кома +коля/*, первый компонент заимствован из татарского *кама* «бобер», «соболь». *Удыр* «крот»— собственномарийское слово. Этот зооним связан, видимо, с действием *удыраш* «разгребать». *Вӱдшашке* «выхухоль» */вӱд+ шашке* «норка»/, оба компонента финно-угорские. *Игымаска* «пестун» */иге+маска/*, где первый компонент — финно-угорский. Этот зооним не надо путать с

маска иге «медвежонок». *Игымаска*—медведь в возрасте до двух лет. Этим способом в марийском языке образован еще один зооним *пача шорык* «ярочка» /*пача+шорык*/— овца в возрасте до двух лет.

Итак, из приведенных зоонимов видно, что названия животных, возникшие на марийской почве, образованы в основном из заимствованных лексем.

Среди зоонимов, заимствованных из других языков, древнейшими в финно-угорских языках считаются индоиранские заимствования. Как известно, иранские племена продолжительное время были южными соседями финно-угров, имели экономическое и культурное влияние на последних. Эти контакты оставили значительный след в лексике (Хаузенберг 1972:163). Но археологические данные говорят о другом. До ираноязычных срубных племен древние финно-угры имели контакты с фатьяновскими племенами, которые были носителями балтийского языка. Д. А. Крайнов, указывая на территорию расселения фатьяновских племен, пишет: «Фатьяновские племена во II тысячелетии до н. э. занимали почти всю центральную (лесную) часть европейской территории СССР. На западе они расселялись до Псковского озера, на востоке их границы доходили до Камы и Вятки. На севере памятники фатьяновской культуры встречаются далеко за Волгой — у южных границ Вологодской и Кировской областей... на юго-востоке фатьяновские памятники рассеяны по Суре, Свияге, Цивилю, Мокше и на Средней Волге» (Крайнов 1972:35). Следовательно, фатьяновские племена были там, где жили финно-угорские племена. О связях этих племен говорят и лингвистические данные, которые указывают, что в прибалтийских и некоторых других финно-угорских языках древнейшая лексика, связанная со скотоводческим хозяйством, оказалась по преимуществу индоевропейско-балтийской. Б. А. Серебренников пересматривал вопрос о заимствованиях в финно-угорских языках балтийских элементов. Он обратил внимание на значение их для решения этногенетических процессов и в восточных финно-угорских языках. Б. А. Серебренников обнаружил десятки новых слов балтийского происхождения, появление которых в Волго-Окском междуречье относил ко II тысячелетию до н. э. и связывал с расселением фатьяновских племен, с которыми

финно-угры могли соприкасаться в это время (Третьяков 1966:73).

Некоторые названия домашних животных вошли из древнеиранского языка в финно-пермский период (они перечислены выше). Как показывают наши материалы, древнеиранские заимствования зоонимов отражают только домашних животных. Это говорит о том, что у древних финно-угорских племен не было домашних животных и лексем, обозначающих их.

Поздние заимствования являются тюркскими. Они вошли в марийский язык через чувашский и татарский языки. В VII веке так называемые «серебряные болгары» пришли в Среднее Поволжье. Там они и суварские племена оказались в среде финно-угорских племен поздпегородецкой и пьяноборской культур. Пришельцы были многочисленны, стояли на более высокой ступени общественного развития. Они вполне могли влиять на язык других народов. В VIII веке возник болгарский союз племен, куда под главенством болгар вошли суварские и местные финно-угорские племена марийцев, мордвы, удмуртов. С приходом булгар на Волго-Камье начинается новая страница истории и языка марийского народа (Федотов 1968: 174, 175).

Если рассмотреть лексику марийского языка, то видно, что культурное и экономическое воздействие суваров (предков чувашей) было огромным. Оно проникло во все сферы жизни. Это продолжалось и после образования чувашей как народности до XIV века, когда марийский народ имел единый язык, не разделялся на горный и луговой диалекты.

С падением древнего Волжского булгарского государства в Поволжье установилось политическое господство Казанского ханства, что также повлияло на развитие марийского языка. Словарный состав обогатился татарскими заимствованиями.

Конкретно рассмотрим названия животных, проникшие в марийский язык из чувашского и татарского.

1. Зоонимы, заимствованные из чувашского языка: а) названия диких животных: *йос* «горностай»<чув. *юс* «тж»<**ас*; *арлан* «хомяк», удм. *арлан* «крот»<чув. *арлан* «хомяк»; *умдыр* «бобер», удм. *кудыр* «тж»<чув. *хăнтăр* «тж»; *пушара* «вонючка», удм, *бызара* «суслик»<чув. *пăсара* «хорек»; *йыпар* «выхухоль», чув. *йăпăр* «тж»; *кома* «выдра», чув. *хăма* «бобер»; *меран*

«заяц»—составной зооним, где первый компонент *ме//мӱ* «земля, поле», ср. Г *мӱланде* «земля+др. булг. *хора, хонан*>чув. *монен, морин, мерин, моран, мырен, мырик* (Räsänen 1969:275); *шурныкик* «мышь-зерновка», второй компонент из древнетюркского *кик-кäик, кайик, кäдик* «дикое животное» (Радлов 1899:1340) вошел через чувашский язык, где *кайак* «птица, зверь, дикий (о птицах и животных». Отсюда и устаревшее марийское слово *кайык* «дикий зверь вообще»; б) названия домашних животных: *тага* «баран», удм. *така* «тж»<чув. *така* «тж»; *презе* «теленок»<чув. *пăру* «тж»<др. чув **bypaғy; сӧсна* «свинья»<чув. *сысна* «тж»; *шорык* «овца»<чув. *сурăх* «тж»; *имне* «лошадь»— общеродовое название, др. булг. **emlig* «дикая, неукротимая лошадь», монг. *emneg*<**emlig* «дикий, неукротимый, необузданный (о лошади)". Справедливо замечание И. Г. Добродомова о том, что монгольское слово имеет значение, довольно далекое от марийского,— дикий, неукрощенный, необъезженный (о лошади). Оно проникло из древнечувашского языка — волго-камских булгар (Добродомов 1970:253, 254). Лошадь в наших краях появилась извне в одомашненном состоянии (Архипов 1978:13) во второй половине II тысячелетия до н. э. (Смирнов 1975:187) и у ананьинских племен сильно возросла роль коневодства (Петренко 1969:141). По сравнению с другими домашними животными в марийском языке лошадь различается по отдельным признакам и некоторые из них являются чувашскими заимствованиями: *оргамак* «жертвенная лошадь»<чув. *орхамах* «быстрая, как ветер, лошадь», *чыгын* «норовистый»<чув. *чăхăм* «тж», *чорыш* «резвый»<чув. *чурăс* «тж», *йорга* «иноходец»<чув. *йăрха* «тж», *тор* «гнедой»<чув. *тор* «тж», *ола* «пегий»<чув. *ола* «тж», *кула* «саврасый»<чув. *хăла* «саврасый, буланый», *сур.* «серый»<чув. *сара* «саврасый, буланый», *пача* «ягненок»<чув. *путэк*<**pod'a pad'a* (Räsänen 1969:176), *туна* «телка»<чув. *тына* «тж»; *каза* «коза»<чув. *каза-да* «тж». В русской этимологии насчет этого зоонима нет единого мнения. А. М. Щербак считает, что в поволжских тюркских языках это слово связано с соответствующим русским названием, см. башк. *käзä,* тат. *käjä,* чув. *качака* (Щербак 1969:118). О. Н. Трубачев предполагает, что слово коза заимствовано из тюркского *käzä.* В пользу проникновения слав. *кога* из восточного

источника говорит вероятная история самого тюркского слова, а также наличие в тюркском и монгольском форм, тесно связанных с *käzä* (Трубачев 1960:87), например, азерб., гаг., тур, *кэчи,* туркм. *гэчI* др. тюрк. кёсI. На наш взгляд, мнение А. М. Щербака ошибочное. Главным очагом одомашнения козы является Древний Восток. Об этом говорят археологические данные. Использование в пищу молодых овец и коз в скифское время было более распространено у местных (лесостепных) племен, чем у черняховцев (Правобережная Украина). Между тем и в лесостепной зоне значение коз было меньше, в животноводстве преобладала овца. Если в памятниках раннего железного века в Северном Причерноморье козы встречаются очень часто, то в лесостепи хозяйственное значение этого вида сильно снижается. Еще меньше оно, впрочем, было у населения дьяковских и верхнеокских городищ (Цалкин 1966:28).

2. Названия животных, заимствованные из татарского языка. В I тысячелетии н. э. в связи с приходом новых, в основном тюркоязычных племен, характер животноводства существенно изменился: появились верблюд, осел, кошка (Петренко 1969:141) и из татарского языка вошли в марийский названия таких домашних животных, которые используются как тягловые силы. Это *алаша* «мерин»<тат. *алаша*<**олаша*, *тӱе* «верблюд»<тат. *дөя* «тж», *эшак* «осел»<тат. *ишэк* «тж». Из названий диких животных татарские заимствования составляют незначительное количество, мы нашли всего три зоонима: *пире* «волк»<тат. *буре* «тж»<иран. *biru*-ка; *арслан* «лев»<тат. *арслан* «тж», *кӱзан* «хомяк»< тат. *кусе* «крыса».

3. Названия животных, заимствованные из русского языка. К ранним Г. Берецки относит *маска* «медведь», рус. мишка, *рожамак* рус. росомаха (Bereczki 1965:72, 73). На наш взгляд, название *маска* «медведь» вошло не из русского языка. В ранних русских заимствованиях фонема *с* в марийском языке перешла в *ш:* рус. *весло*>мар, *вешла.*, рус. *кисель*>мар, *кышал,* рус, *росомаха*>мар. *рожамак* (озвончение *ш* в интервокальном положении).

К поздним русским заимствованиям относятся названия экзотических животных: *барс, бегемот, гиена, горилла, жираф, кенгуру, крокодил, слон, тигр, черепаха* и т. д.

В последнее время в связи с развитием двуязычия, наряду с марийскими названиями животных используются и их русские параллели. Например, *тӱе*—верблюд, *ир сӧсна* — кабан, *умдыр* — бобер, *шашке* — норка, *шурмангше* — рысь и т. д.

Имеющиеся материалы показывают, что в марийском языке животным давали названия по тем или иным отличительным признакам. На основе этого можно дать схему принципа номинации животных.

В основе номинации животных могли быть:

1. Место обитания: *вӱдколя* «водяная мышь», *пасуголя* «мышь-полевка», *вӱдумдыр* «бобер» (досл. водяной бобер), *вӱдкома* «выдра» (досл. водяная выдра), *вӱдкӱзан* «водяной хомяк», *вӱдшашке* «выхухоль» (досл. водяная норка).

2. Внешний признак: *сокырголя* «крот» (досл. слепая мышь), *куголя* «крыса» (досл. большая мышь).

3. Окраска животного: *йошкарголя* «мышь-зерновка» (досл. красная мышь), *тул рывыж* «красная лиса» (досл. огненная лиса), *шем рывыж* «черно-бурая лиса» (досл. черная лиса), *ощ меран* «заяц-беляк» (досл. белый заяц).

4. Сходство зверя с другими, более широко распространенными животными. Они состоят из двух компонентов, которые обозначают разных животных: *коляйос* «ласка» (досл. мышь+горностай), *комаголя* «выдра» (выдра+мышь).

5. Половое различие. Сциальное название для самца и самки имеют только домашние животные: *ушкал* «корова», *ӱшкыж* «бык», *ожо* «жеребец», *вӱльӧ* «кобыла», *шорык* «овца», *тага* «баран». Исключение составляют *пий* «собака», *пырыс* «кошка», которые не имеют важного значения в хозяйстве, и *сӧсна* «свинья».

а) Полоразличительные названия этих животных, как и диких, состоят из словосочетаний *ава* «самка», *узо* «самец»+зооним: *ава пий* «сука», *узо пий* «кобель», *ава пырыс* «кошка», *узо пырыс* «кот», *ава пире* «волчица», *узо пире* «волк», *ава маска* «медведица», *узо маска* «медведь».

б) Для различения полов у детенышей домашних животных употребляется конструкция зооним+*аш*: *ушкалаш* (презе) «телка», *ӱшкыжаш* «бычок», *шорыкаш (пача)* «ягненок».

6. Возраст животного. Только некоторые до-

машние животные имеют специальную лексику для дифференциации по возрастам. Обычно в марийском языке употребляется конструкция зооним+*иге* «детеныш» для диких животных, которая из домашних животных распространяется на кошку, собаку и свинью: *пире иге* (волк+детеныш) «волчонок», *маска иге* (медведь+детеныш) «медвежонок», *рывыж иге* (лиса+детеныш) «лисенок», *пинеге* (собака+детеныш) «щенок», *пырыс иге* (кошка+детеныш) «котенок».

Морфологическая структура названий животных в марийском языке разнообразна. Большинство зоонимов состоит из одного компонента (*рывыж, маска, пире* и т. д.). А некоторые названия, как показывают наши материалы, образованы из двух устойчиво сочетающихся компонентов. Среди них можно выделить несколько типов словосложения:

1. существительное+зооним, где а) первый компонент выполняет функцию прилагательного: *вӱдумдыр* «бобер» (досл. водяной бобер), *вӱдколя* «водяная норка», *рокколя* «крот» (досл. земляная мышь), *пасуголя* «мышь-полевка» (досл. полевая мышь); б) оба компонента—зоонимы, утратили свои первоначальные значения и в сочетании показывают другое животное: *комаголя* «хомяк» (выдра+мышь), *коляйос* «ласка» (мышь +горностай);

2. прилагательное+зооним, где первый компонент показывает на внешнюю характеристику, второй — зооним: *куголя* «крыса» (досл. большая мышь), *йошкарголя* «мышь-зерновка» (досл. красная мышь), *ош мераҥ* «заяц-беляк» (досл. белый заяц), *сокырголя* «крот» (досл. слепая мышь.)

Родо-половая и возрастная дифференциация животных появилась в марийском языке позднее, с развитием животноводства. Родо-половые названия являются не исконными, а заимствованными. Их имеют только хозяйственно-полезные животные. Для древних финно-угров было характерно общее название самца и самки.

Различия между названиями взрослых и молодых особей в марийском языке прослеживаются четко. Древней формой обозначения детенышей была сложная терминология, состоящая из названия животных+иге. Отдельная терминология появилась позднее в результате заимствования только у домашних животных.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г. А. 1973, Марийцы IX—XI вв. (к вопросу о происхождении народа мари). Йошкар-Ола.

Архипов Г. А. 1978, Земледелие и животноводство древних марийцев.— В кн.: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола.

Васильев В .Н. 1979, К истории названия птицы *колегуш*.—В кн.: Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1979, О некоторых явлениях русско-марийского языкового взаимодействия.— В кн.: Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Добродомов И. Г. 1970, К этимологии марийского названия лошади.—СФУ, с. 253—254.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Исанбаев Н. И. 1979, Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка.— В кн.: Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола.

Крайнов Д. А. 1972, Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.

Мосин М. 1975, Мордовские этимологии.—СФУ, с. 79.

Основы 1974, Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.

Петренко А. Г. 1969, К вопросу о характере животноводства у финно-угорского населения Волжско-Камского края. Всесоюзная конференция по финно-угроведению (тезисы докладов и сообщения). Йошкар-Ола.

Радлов В. В. 1899, Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. С.-Петербург.

Смирнов А. П. 1975, Возникновение производящего хозяйства и финно-угры.— В кн.: Congressus quartus internationalis fenno-ugrestarum. Budapest.

Трубачев О. Н. 1961, Происхождение названий животных в славянских языках. М.

Третьяков П. Н. 1966, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л.

Федотов М. Р. 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары.

Хаузенберг А. Р. 1972, Названия животных в коми языке. Таллин.

Цалкин В. И. 1962, Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.

Цалкин В. И. 1970, Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.

Щербак А. М. 1961, Названия домашних и диких животных в тюркских языках.— В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М.

Bereczki G. 1965, wichtigere lautgeschichtliche Zehren der russischen Zehnwórter im Tscheremissischen.— Congressus secundus internationalis fenno — ugristarum. Pars I. Helsinki.

А. Е. Китиков

КОСМОНИМИЯ В МАРИЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Исследователи правильно отмечают неразработанность финно-угорской космонимии, ибо письменные источники очень скупы, материалы собраны отрывочно. (Смирнов 1889:145; Никонов 1975:147).

Взгляд на окружающую природу древних марийцев был сугубо религиозным и стихийным. Как пишет В. М. Васильев, «по представлению их солнце, луна, звезды, ветер, растения, деревья — словом все в природе имеет живую душу. И все это способно понимать и чувствовать. Исключая солнце, звезды, луну, воздух, ветер и облака, признаваемые вечно живыми, души прочих предметов природы считаются смертными и неспособными к самостоятельным движениям, но зато они имеют то преимущество, например, перед человеком, что способны лицезреть бога и ангелов, взорам их доступны все деяния и даже помыслы человека. Природа не носит на себе проклятия духа, она чиста и непорочна, а потому и для возношения молитв человека природа является наилучшей посредницей. Вся жизнь природы проходит в непрестанном прославлении бога.

Одним из высших творений бога является вечно живое солнце 'ылыкш кече'. Оно самый искренний, усердный и верный служитель бога. Солнце всех согревает, пробуждает от сна и дает все необходимое для жизни. Оно видит все, что делается во вселенной и служит посредником между богом и людьми и всей остальной природой.

Однако, чтобы вселенная не осталась без попечения и ночью, бог сотворил вечно живые звезды, которые всю ночь исполняют обязанности солнца. Таким образом, солнце и звезды являются самыми ближайшими к богу творениями и верными служителями его. Когда-то и луна была таким же существом, но она изменила богу и была за это проклята...

Солнце и звезды имеют мировое, вселенское значе-

ние. Но есть еще, что служит главным образом для интересов человека: это земля и все существующее на ней — животные и растения.

Земля представляется существом живым, потому что она дышит и питается: дыхание ее заметно в виде пара, а пищей служит «животворящее» дыхание бога — воздух. Труд земли очень велик: она растит деревья, травы и всю растительность вообще, снабжает людей живой водой, носит на себе все человечество и в то же время страдает от его нечистот и грехов.

Растения, деревья и травы тоже имеют душу» (Васильев 1927:143—144).

Вселенная для марийца это *тӱня (тӱнча)* или *сандалык*. Оба термина, безусловно, заимствованы из тюркских языков.

На фоне вселенной мариец выделяет солнце 'кече', луну 'тылзе', звезды 'шӱдыр-влак', созвездия 'шӱдыр тӱшка' (досл. — кучу, группу звезд), комету 'почан шӱдыр' (досл. — хвостатые звезды), метеориты 'волен вочшо шӱдыр' (досл.—упавшие звезды), радугу 'шоанапыл' и планеты 'чолга шӱдыр-влак' (досл.— блестящие, яркие звезды). О них он сложил легенды и мифы, представления-поверья, их образы использовал в своих загадках, песнях и частушках, где отразил свое понимание мироздания, социальных отношений, хозяйственной деятельности и повседневного быта.

В каком же облике они предстают в произведениях устного народного творчества?

К сожалению, у марийцев отсутствуют большие эпические произведения фольклора, где бы отразилось понятие народа о происхождении космических объектов. Из финно-угорских народов только у эстонцев имеется одна легенда.

Небесные светила, по объяснениям стариков-эстонцев, произошли от того, что некая «сине-пёстрая» птичка устроила себе гнездо на небе между тремя кустами — синим, красным и золотистым, высидела в нём яйца и из них вышли солнце, месяц и звезды (Колпакова 1980:73).

Солнце 'кече' — это источник всего живого на Земле.

Весеннее яркое солнце предстает как символ прекрасной молодости:

Шошо чевер кечыже
Кузе сӧрал ончалеш.
Мемнан рвезе ӱмырнаже
Кузе сылнын эрталеш.
/Шабердин 1975:30/

Весеннее яркое солнышко
Как весело улыбается.
Наша молодая жизнь
Как прекрасно проходит.
/Перевод подстрочный *автора*/.

Солнце — единственное в своем роде так же, как единственна у человека мать, вдохнувшая жизнь существу. Подобная параллель проводится в песнях восточных мари:

Кенеж кына кече-лай —
шокшо кече,
Улкӧ-кӱшкӧ лийылда лепене.
Кенеж гына кече гае
шокшо шӱметым
Ит йӱкшыктал, аваем, чамане.
/МТВ, 1964:35/

Летний день — жаркий день,
Вверх-вниз порхает бабочка.
Свое сердце, как летнее солнце,
Не остуди, пожалей, моя мать.
/Перевод *автора*/.

Повседневное наблюдение народа над Солнцем, как над планетой, и другими явлениями природы породило даже ряд песен-примет. Например, одна из таких:

Кече кӧржым чиялеш гын,
Йӱштӧ лийшашым шижтара.
Тушман войнам тӱнгалеш гын,
Шке вуйжым йомдара.
/МТВ 1964:18/

Если солнышко в серьгах—
Предвещает нам холодную
погоду.
Если же враг начнет войну,
То потеряет свою голову.
/Перевод *автора*/.

Без внимательного наблюдения над солнцем и поведением животного мира мариец не мог бы заметить, что кукушка кладет яйца только после восхода солнца:

Тене-лай толшо чувар кӱкӧ
Кече лекде шинчын ок мунчо.
/Аптриев 1908:26/

Нынче прилетевшая пестрая
кукушка
До восхода не снесёт яйца.
/Перевод *В. М. Васильева*/.

В современных народных песнях и частушках с солнцем сравнивается Советская власть, Коммунистическая партия Советского Союза:

Сӓндалыкнам йӧрыктышы
Цевер кечы ылеш вет.
Ылымӓшнам цевертышы
Мӓмнан парти ылеш вет.
/КМЧВ 1971:6/

Подогревающее нашу вселенную
Есть ведь красное солнышко.
Краса-гордость нашей жизни
Есть ведь наша партия.
/Перевод *автора*/.

В загадках солнце 'кече' обычно называется красным клубком 'чевер мундыра': *Чевер мундыра* мландым

куча. «Алый клубок землей правит» (Китиков 1967:34).

Противоположным солнцу кече как планете в народной поэзии мари является образ луны 'тылзе'. В большинстве случаев в народных песнях символизирует одинокую жизнь человека:

Канде кавам волгалтарен
Тылзе кўза шкетын.
Изи чонем йўлалтарен,
Сита иленам шкетын.
/МТВ 1964:71/

Освещая голубое небо,
Восходит одиноко луна.
Горя своим сердцем,
Достаточно жил я один.
/Перевод *автора*/.

Кече вола, тылзе кўза,
Тылзе кечылан огеш шу.
Тыге шкет илалат гын,
Поро илышлан тый от шу.
/ММ 1945:84/

Солнышко садится, луна восходит,
Луна не заменит солнышка.
Если же так будешь жить одиноко,
Не увидать тебе доброй жизни.
/Перевод *автора*/.

По поверьям древних мари, солнце и луна не должны были встречаться:

Эше кече шинчын огыл,
Тылзылан кўзаш шот огыл.
Эше йолташем кудалтен огыл,
Весе ден келшаш шот огыл.
/МТВ 1964:73/

Еще солнышко не зашло,
Не время взойти луне.
Еще залеточка меня
не оставила,
Нельзя дружить с другой.
/Перевод *автора*/.

Подобный сюжет — солнце и луна не должны встречаться — имеется и в одной марийской легенде.

«В начале смерть была видима. Одному человеку удалось хитростью заключить ее в колоду и опустить в озеро. Луна это заметила, но по просьбе человека обещала не говорить об этом даже богу. Прошло много лет. Человек и жена его так состарились, что истощились все их силы, а умереть не могли, потому что смерть не могла выйти из заточения. И стали они просить бога послать им смерть. После долгих поисков, по указанию одной звездочки, люди нашли ее на дне озера и извлекли из колоды еле живую и сократившуюся от истощения до размера горошины. С этих-то пор смерть и стала невидимой. Итак за указанную измену луна проклята богом. Поэтому она и по сей день бледна и печальна и притом по-прежнему не постоянна: то служит богу — светит, то, раскапризничавшись, затенится и надолго покидает свой пост» (Васильев 1927:144).

Народная загадка тоже подмечает «притоворства»

двух планет: *Изаж дек шӱжарже унапылкеш мия — изаже шылеш.* «Сестра к брату в гости идет, а он от неё прячется» (Китиков 1967:36).

С луной, как с планетой, народ связывает и свои поверья. Например, если луна затемняется — съедает ведьма 'вувер кочкеш'/Эшкинин 1924:60; Четкарев 1951:189—191). Марийцы Тоншаевского района Горьковской области считали, что нельзя глядеть на луну: она может сосчитать волосинки на ресницах и притянуть человека к себе; если же случится пожар в новолуние — больше его не ожидается (Фонд автора); нельзя рвать веточки на веники в новолуние — тело будет чесаться (Сообщение Р. Н. Охотиной, уроженки дер. Азъялы Моркинского района).

Каждодневное наблюдение предков над природой помогло им подметить определенную связь явлений в природе, а это, в свою очередь, способствовало возникновению рациональных примет (Китиков 1977:223). Основой ряда примет послужили солнце и луна со всевозможными своими проявлениями.

По данным марийского фольклора, луна имеет спутницу-звезду:

Теве иеш ош тылзе,
Тылзе воктен ик шӱдыр.
Теве толеш йолташем,
Йолташ воктен ик ӱдыр.
/ММОМ 1966:25/

Вот плывет белая луна,
Рядом с луной одна звезда
Вот идет вой миленький,
Рядом с ним одна девица.
/Перевод *автора*/.

Эрденат-лай кынелын, тӱгӧ лектым:
Тылзыжланат йолташ — ик шӱдыр.
Тылзыжланат йолташ, ай, ик шӱдыр,
Мылам йолташлан кӱлеш ик ӱдыр.
/МТВ, 1964:53/.

Вставши утром, вышел я на улицу:
У луны подружка — одна звезда.
У луны подружка, ай, одна звезда,
Мне нужна подружка — одна девица.
/Перевод *автора*/.

По поверьям восточных, елабужских, мари, если рядом с новой луной будет видна яркая звезда — быть покойнику (МФЭ 1982:50).

Образы солнца, луны в народных песнях и частушках используются в первой части синтаксических параллелизмов и являются своеобразным символом-сравнением изображаемых героев, понятий и определений.

З е м л я 'М л а н д е' как планета в жанрах марийского фольклора до 60-х годов не фигурировала. В народных загадках о ней говорилось лишь с точки зрения земледельца, как о кормилице: *Мыйым кырат, мыйым пӱчкыт — мый ом коло, сӧралгем гына.* «Меня бьют, меня режут — но я не умираю, становлюсь еще краше», или *Мо пӱнчыштӧ эн коя?* «Что в бору самое жирное?» (Китиков 1967:35).

В народных частушках образ Земли появляется почти одновременно с запуском искусственных спутников Земли:

Тые Мланде лийылдет гын,
Спутникет лиям ыле.
Ӱмыр мучко тыйын йырет
Ойырлыде пӧрдам ыле.
/ММОМ 1966:58/

Если бы ты была Землею,
Я бы стал твоим спутником
И навечно вокруг тебя
Неразлучно вращался бы.
/Перевод *автора*/.

Развитие космических исследований послужило поводом и для включения нового образа из космических объектов — планеты Марс:

Мланде шар гыч Марс планетышС Земного шара на планету Марс
Спутник дене вончалам.
Утыж дене койышланет гын,
Марсианкым ончалам.
/ММОМ 1966:58/

На спутнике перелечу.
Если будешь зазнаваться,
На марсианку посмотрю.
/Перевод *автора*/.

Издавна народ обращал взоры на далекие з в е з д ы 'ш ӱ д ы р-в л а к'. Их мерцание, «падение» порождало у древних предков массу поверий. Например, они думали и были уверены, что у каждого человека на небе есть своя звезда, которая появляется в момент его рождения и падает сразу же после его смерти (Йошкар кече, 1928, 4 марта). Если же в момент падения звезды сказать *Мыйын шӱдырем кӱшнӧ, кӱртньӧ вожан, кӱртньӧ печан* («Моя звезда наверху, с железными корнями, за железными оградами»), будешь жить долго, то есть можно отстоять право на продление своей жизни (МФЭ, 1970, тетр. I:33а; Артамонов 1968:17). Если же отыщешь на небе свою звезду — будешь счастливым человеком (Йошкар кече, 1928, 4 марта). Имеются и другие поверья, связанные с крестьянским хозяйством: *Телым каваште шӱдыр шуко — тыгыде вольык ила.* «Зимой на небе много звезд — молодняк (скотины) будет здоровым» (МФЭ, 1972:35), *Когечы выдан шӱдыр сотан лиэш гынь — компыгы лӓктеш (пожар*

лиэш). «Если на пасху на небе много звезд — хороши будут выводки гусят (будут пожары)» (НРФ, д. 784:14).

Звезды послужили основой для сложения многих народных примет: *Йӱштӧ вашеш шӱдыр-влак чот чолгыжыт.* Перед морозами ярко горят звезды; *Шӱдыр шуэ гын, йӱштым вучыман.* Мало звезд на небе — жди холода; *Шӱдыр-влак огыт чолго гын, игече лывырта.* Если не горят звзды — погода смягчится (Китиков 1977:144); *Шӱдыр чӱчкыдӧ гын, лум толшаш.* Часты звезды—быть снегу (Там же:200); *Шӱдыр чӱчкыдӧ гын, кенгежым йӱр толшаш.* Если летом часты звезды — к дождю (Там же:381); *Шӱдыр-влак модмыла койыт гын, мардеж лийшаш.* Если мерцают звезды — к ветру (Там же:686). Примет, где физической основой служат звезды, зафиксировано более двадцати.

В народных песнях образ звезды используется как синоним слов м н о г о 'ш у к о' (Акцорин 1971:48; Шабердин 1975:18), м а я к 'к о р н ы м о н ч ы к т ы ш о' (МТВ 1964:28), служат для сравнения с лампочкой Ильича (Шабердин 1975:29). В лирических народных песнях блеск, яркость звезды сравнивается с сердечными переживаниями, падение звезд — с изменой (ММ 1945:171).

В век космических полетов в устной народной поэзии возник новый образ — образ звезды-спутника:

Эрат-касат шӱдыр коштеш,
Спутникет огыл мо?
Ий гыч ийыш улан лийше
Мемнан колхозет огыл мо?
/МТВ 1964:22/.

По утрам и вечерам звезды видны,
Разве это не спутники?
Из года в год улучшается жизнь,
Разве это не в нашем колхозе?
/Перевод *автора*/.

Если раньше яркость луны и звезды символизировала горение души 'чон йӱлымаш' при безвыходном положении человека, то современная частушка снизила значимость этих образов, заменила их более броским, но в то же время самым распространенным—комсомольским значком:

Ончем — шӱдырат огыл,
Ончем — тылзат огыл.
Тиде улмаш йолташемын
Комсомольский значокшо.
/МТВ 1964:16/

Смотрю — не звезда,
Смотрю — не луна.
Это оказывается товарища
Комсомольский значок.
/Перевод *автора*/.

Устная народная поэзия отличает от обычных звезд так называемые п о ч а н ш ӱ д ы р 'х в о с т а т ы е

звезды', или кава почылтмо шӱдыр 'звезды ворот неба' Так называет фольклор кометы, сгорающие в атмосфере Земли. По народному поверью, частое падение таких звезд предвещает переполох в жизни людей — война, эпидемия (Юзыкайн 1978:9).

На фоне ночного неба мариец выделяет еще тул менгге 'огненные столбы', то есть сполохи— полярное (северное) сияние, свечение различных слоев воздуха на высотах 900—1000 км под действием протонов, проникающих в атмосферу из космоса. Предки не понимали суть данного атмосферного явления, и им казалось, что это сражаются духи, поэтому ожидается перемена погоды, осадки или холод, а также война, всякая вражда. Подобное верование имеется и у эстонцев. По их поверьям, сполохи — сражающиеся, парящиеся вениками или едущие вперегонку духи. «Сражение неба» также предвещает подобные марийским поверьям всякие оказии (Крейцвальд 1953:422).

Созвездия Плеяды мариец определяет как шӱдыр тӱшка (досл.— куча, группа звезд; Упымарий 1928:278) и называет такие группы:

Млечный путь *'юмын комбо корно'* (досл.— дорога божьих гусей; Смирнов 1889:145), *кайыккомбо кашта* (дорога — вереница диких гусей; МРС 1956:171; МДЭ МарГУ, 1975:31), *йӱксы корны* Г (досл.—путь-дорога лебедей; Ильяков 1948:43).

Млечный путь в народе считается путем или дорогой, по которой птицы улетают осенью с севера на юг и возвращаются обратно весною. А гуси-лебеди являются образом-символом всего птичьего царства.

Другие финно-угорские народы это созвездие называют синонимичными выражениями, созвучными путям-дорогам гусей-лебедей: финны—linnunrata (ФРС 1981: 91), эстонцы — *linnuntee* (РЭС 1977:306), мордва — *каргонь ки* 'воронья дорога' или *выр мацына ки* 'диких гусей дорога', удмурты — *луд жяжек шурэс* 'дорога диких гусей' (Никонов 1980:248), коми — *кай лэбзьыны туп* 'путь перелетных птиц' (КРС 1966:272); манси — *потёнг* 'диких уток путь' (Никонов 1980:248).

Соседние народы тюркской языковой семьи — татары и чуваши — созвездие Млечный путь определяют тоже как 'диких гусей путь': татары — *Киек каз юлы* (РТС 1971:329), чуваши — *Кайăк хур суле* (РЧС 1971:346).

Как отмечает В. А. Никонов, название «дорога птиц» встречается от финнов Прибалтики до киргизов Тянь-Шаня и заключает: «Предки тюрков и предки финно-угров либо связаны родством (возможно, даже общим происхождением), либо находились в длительном теснейшем контакте, т. е. жили рядом. Это единство, будь оно генетическим или контактным, безусловно, очень давнее» (Никонов 1980:249).

В марийском фольклоре образ кайыккомбо корно путь-дорога диких гусей сохранился в отрывках легенды, где говорится, когда гуси-лебеди летят осенью на юг или возвращаются весной на север, на своем пути каждая птица оставляет по мелкой легкой пушинке, чтобы по ним находили дорогу оставшиеся слабые собратья (Фонд. автора).

Подобный сюжет имеется в чувашском фольклоре. «Летели гуси-лебеди на юг, убегая от зимы всего на один рассвет. И во время полета одна из птиц была ранена стрелою охотника. Она отстала от подруг. Но остальные птицы, желая помочь ей отыскать путь к родной стае после выздоровления, оставили на небе по пушинке. И от этих пушинок образовался Млечный путь» (Юхма 1968:235—236).

В созвездии Медведицы различают две группы звезд: Большую Медведицу *'Кугу корка шӱдыр'* (досл.—звезда большого ковша; МРС 1956:312), *'Кужы карка шӱдыр'* Г. (досл.—звезда длинного ковша'; Никифоров 1947:65) и Малую Медведицу *'Изи корка шӱдыр'* (досл.—звезда малого ковша; РМС 1966:312).

У финно-угорских народов, кроме эстонцев, не удалось найти образы этих созвездий в тех или иных жанрах фольклора.

Эстонцы созвездие Большой Медведицы называют Старой телегой. По народному представлению, семь его звезд изображают четырехколесную деревянную повозку, дышло, вола и хозяина, который вёз свой воз по просторам ночного неба так же мирно и деловито, как возили жители Эстонии хлеб с родных полей (Колпакова 1980:13).

Соседи марийцев — чуваши — называют Большую Медведицу Алтăр çăлтăр (досл.— Ковш-звезда; РЧС 1961:30). У них имеется такая народная легенда: «Два охотника на паре лошадей и с тремя собаками отправились на охоту. В степи они заблудились и стали за-

мерзать. А потом все вместе превратились в созвездие Большой Медведицы. Одного из охотников звали Асламас, и он превратился в ту звезду, которая ярче светит в верхнем ряду ковша Большой Медведицы» (Юхма 1980:265).

Полярная звезда у мари больше всего известна под названием *Шордо шӱдыр* 'Звезда оленя' (МРС 1956:720), *'Шарды шыдыр'* Г (Саваткова 1981:215). Но у восточных мари она совсем не связана с звериным образом. Например, у краснокамских мари она предстает как *Мланде рӱдӧ шӱдыр* 'Звезда центра Земли' (МДЭ МарГУ 1975:31), а у янаульских мари — *Кӱртньӧ шӱдыр* 'Железная звезда' (Кармазин 1925:103).

Из других финно-угорских народов ханты также определяют Полярную звезду как *Курынг вой хэс* 'Звезду лося' (Сидоров 1972:15).

По Полярной звезде марийцы определяют время, говорят: *Шордо шӱдыр вуй мучаште гын, вашке волгалтеш.* «Если Полярная звезда над головой — скоро рассветает» (МФЭ 1975:15). У восточных, янаульских мари имеется поверье: *Шордо шӱдыр — шым шӱдыр манын век шӱлалтыде шым гана каласет гын, суап лиеш.* «Если семь раз выговоришь «Звезда лося — семь звезд» одним вдохом — тебя будет ожидать блаженство» (Васильев 1930:17).

Рассеянное звездное скопление созвездия Плеяды (Стожары) марийцам известно как *Шокте шӱдыр* 'Звезды-решето (сито)', *'шакте шыдыр'* Г (МРС 1956:714; Ӱпымарий, 1928:255). Эти звезды хорошо известны населению, многие довольно-таки четко показывают на группу звезд, находящуюся по правую сторону Полярной звезды. В народном понимании в этом созвездии, похожем на колпак, всегда четко видны семь звезд. А если кто-либо замечает только шесть звезд, то это к несчастью. Народная сиротская песня тоже подчеркивает эту мысль:

Шокте шӱдыр шымыт, манып,
Мый кудытшым вел ужам.
—Кужу ӱмыран лийза,—манып,
Кӱчык ӱмыржат орлыкан.
Уке мыйын шӱдыремже —
Кушто тудым ончыман?
Уке мыйын пиалемже,
Кушто тудым кычалман?
/Сапаев 1969:92/

Говорят: «Звезда-решето —
семь звезд»,
Я вижу только шесть.
Говорят: «Будьте долголетним!»
Но горек и краток век.
Нет у меня своей звезды —
Где же её отыскать?
Нет у меня счастья,
Где же его найти?
/Перевод *автора*/.

Эту редкостную по красоте и интонационно-ладовому своеобразию народную песню композитор Э. Сапаев использовал в первой марийской опере «Акпатыр». Ее исполняет батрачка-сиротка Эвика. Песня была записана композитором от своей матери (Егорова 1974:15).

В некоторых народных песнях образ Шокте шӱдыр символизирует дружбу между людьми, между народами:

Шокте шӱдырет — шым шӱдырет,
Шымынекат чолгыжшо.
Элыштына латвич шӱдыр —
Латвизытшат чолгыжшо.
/ММ 1945:128/

Звезды сита — семь звезд,
И все семеро блестят.
У нас в стране пятнадцать звезд,
И все пятнадцать замечательные.
/Перевод *автора*/.

Используя мотив дружбы и своеобразную красоту мелодии народной песни, учитель М. Ф. Токмурзин написал текст марийского марша под одноименным названием, а композитор И. С. Палантай сочинил музыку:

Шокте шӱдыр — шым шӱдыр
Йыл-йыл койын волгалтеш.
Ушан-шӱман айдеме
Шке илышыжым нӧлталеш.

Ззезды сита — семь звезд,
Все ярко светятся.
Умный, сердечный человек
Жизнь свою облагораживает.

/Токмурзин 1982:129; Палантай 1923:15/.

В народной традиции как спутник созвездия Плеяды 'Шокте шӱдыр' называется созвездие Орион 'Вӱдвара шӱдыр' (досл.— Звезда-коромысло; МРС 1956:85), 'Вӹдвара шӹдыр' Г (Саваткова 1981: 215).

Образ Ориона в марийском фольклоре является малораспространенным. Он встречается в двух народных приметах о погоде: *Вӱдвара шӱдыр йӱр толмо деч ик-кок кече ончыч вийна.* «За день-два перед дождем Звезда-коромысло выпрямляется» (Звезды будут находиться на вертикальной линии — вскоре рассветает» (Приметы из фондов автора). Свое название это созвездие получило благодаря трем ярким звездам, расположенным как коромысло примерно на одной линии. Линейное расположение этих трёх звезд изменяется и кажется несколько прямым по мере повышения влажности атмосферного воздуха.

Марийская мифология сохранила легенду о происхождении двух созвездий — Плеяды и Ориона.

«Давным-давно жил-был один мариец. У него было

двое детей — сын и дочка. Когда они выросли, отец умер. Чтобы было кому следить за хозяйством, сын женился. Но молодушка не полюбила сестру мужа, глядела на нее косо.

Однажды ночью жена брата послала ёе за водой. Взяла она коромысло, а вместо ведра захватила сито. Тогда в домах окон не было, девица не заметила ведра. Она была в легкой одежде. Пришла к роднику, хочет зачерпнуть водицы, но не может. Возвратиться домой с пустыми руками не смеет: жена брата может избить до смерти. Мороз стоять не велит, знобит, и девица от своего горя запела песню:

Ачий-авий улмо годым,
Тыгай жап годым,
Мамык тӧшакыште
Кием ыле леведалт.
Изай-енгай улмо годым
Йӱштӧ памаш воктен
Кылмен шогем ынде.

Когда были отец с матерью,
Я в такое время
Спала бы на пуховой перине.
Теперь при брате и его жене
Я стою и мерзну
Возле холодного ключа.

Вдруг появилась луна. Девица взглянула на луну и увидела — от неё отделяется клубок огня. Клубок становится все больше и больше, докатился и до девицы. Это был крылатый конь бога, запряженный в серебряную карету с чудесной крышей. Кучер посадил девицу и говорит ей: «Я божий служитель, хозяин луны. Бог сейчас в гостях у меня на луне. Ему очень понравилась твоя песня, она запала в его душу. Он послал меня за тобой». Девица села в серебряную карету и полетела. И сейчас говорят: коромысло девицы стало «Звездой-коромысло». А сито, которое она взяла вместо ведра, превратилось в Звезду-решето (сито). А сама и сейчас с ведром в руках стоит на луне. Это хорошо видно в полнолуние» (ТМОВ:49—50).

Повсеместно известная планета — Венера. Она в зависимости от времени суток имеет разные названия. Когда она покажется на фоне вечернего неба, называется Кас ӱжара шӱдыр 'звезда вечерней зари' (Ӱпымарий 1928:63), Вады жера шӹдыр Г (Саваткова 1981:32), на предутреннем небе — Эр ӱжара шӱдыр 'звезды утренней зари' (Ӱпымарий 1928:63), Ир жера шӹдыр Г (Саваткова 1981:32) или просто — Ӱжара шӱдыр 'звезда зари'. Если же она видна на фоне ночного неба без зари, луговые марийцы называют Чолга шӱдыр (блестящая, немеркнущая

звезда; МРС 1956:674), а восточные — Чолпан (МРС 1956:674). Народ верно подметил, что она в лучах вечерней или утренней зари светится менее интенсивно, чем на фоне темного неба. Поэтому по блеску этой звезды определяют время: перед рассветом она начинает блестеть менее ярко.

Благодаря своей популярности, образ Ӱжара шӱдыр, Чолга шӱдыр, Чолпан часто фигурирует в поэтической образной системе народных песен и является символом только положительного, а именно:

ориентиром-маяком:

Ӱжара шӱдыр тый улат,
Йӧралталме йолташем.
Ӱжара шӱдырла волгалтарет
Мыйын рвезе илышем.
/ММОМ 1966:24/

Ты — моя звезда зари,
Друг мой сердечный.
Как звезда зари, освещаешь
Мою молодую жизнь.

символом надежды, опоры:

Эрат-касат йыл-йол коеш,
Чолга шӱдыр огыл мо?
Мемнан элым аралыше
Совет Армий огыл мо?
/МТВ 1964:17/.

По утрам и вечерам светит ярко—
Разве это не Венера?
Защитник нашей страны
Разве не Советская Армия?

желания:

Кӱшнӧ койшо Чолга шӱдыржӧ
Шергаш лийын вочшо ыле.
Мӱндыр тора йолташемже
Шӱшпык лийын толжо ыле.
/МТВ 1964:88/

Звезда яркая, что на небе,
Упала бы колечком.
Милый мой, дорогой, дальний,
Прилетел бы соловушкой.

Современная молодежь, знакомясь с астрономией по школьной программе, называет звезды и созвездия научными интернациональными терминами, которые проникли и в современные песни и частушки. Значение национального образа-символа при этом сохранилось, но и интернациональные не теряют своего основного значения, т. е. образ-символ стал более содержательным и объемным. Например, Венера является также символом такого положительного качества — красоты:

Пӹлгомышты шӹдыр шукы,
Сек сотыжы — Венера.
Солаштына млоец шукы,
Сек яжожы — шанымем.
/КМЧВ 1971:40/

На небе много звезд,
Самая яркая из них Венера.
В деревне много парней,
Самый лучший — закадычный.

Имеется одно поверье, связанное с вечерней звездой: *Кас ӱжара шӱдыр воктене эше вес шӱдыр лиеш гын, колышо лектеш.* 'Если рядом с вечерней звездой будет видна и другая звезда — быть покойнику' (Фонд. автора. Записано в дер. Мари-Отары Звен. р-на МарАССР).

Образ Чолпан использовался восточными марийцами в молитвах, где просили изобилие мёда.

Мелышыжым, киежым эр кече лекмашке
Ынгайын ыштен,
Эр Чолпан гане койышан ыште.
/ТМКМ 1918:20/

Летки направив на восход солнца,
Сделай видным, как Утренняя Венера.

Изучение космонимии устной народной поэзии марийцев позволяет заключить, что: тысячелетние наблюдения над космическими объектами и связями их с явлениями природы породили ряд эмпирических обобщений что нашло свое отражение в народных приметах; в эпических жанрах фольклора, легендах и преданиях, поверьях сохранились наиболее древние представления наших предков о космических объектах (например, созвездиях); в марийском мифотворчестве космические объекты присутствуют как символическое начало (солнце — источник всей живой природы, как мать, вдохнувшая жизнь существу; луна — одиночество человека и др.); образы небесных объектов используются и в значении художественных средств поэтического языка (синонимы, метафора, параллелизмы и т. д.); научно-технический прогресс последних 20—30 лет создал возможность включить в число образов космических объектов планету Марс, искусственные спутники Земли; наряду с некоторыми народными традиционными терминами созвездий 'шӱдыр тӱшка' стали использоваться и интернациональные, при этом значение национального образа-символа сохраняется, но и заимствованные не теряют своего основного значения, то есть образ-символ становится еще более содержательным и объемным.

ЛИТЕРАТУРА

Аптриев А. 1908. Сборник черемисских песен, записанных в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов в 1905—1907 годах. Казань.

Артамонов Ю. 1968, Сенгаш лийдыме вий. Непокорная сила (повесть). Йошкар-Ола.

Васильев В. М. 1927, Марийская секта «Кугу сорта».— Марий эл, № 7—9.

Васильев В. М. 1930, Материалы по поэтике на марийском языке. Казань.

Егорова О. К. 1974, Национальные традиции в опере Э. Сапаева «Акпатыр». Йошкар-Ола.

Ильяков Н 1948. Соттеммаш. Рассвет (стихи)—Пеледшы сандалык, № 1(16).

Кармазин Г. Г. 1925, Материалы к изучению марийского языка. Краснококшайск.

Китиков А. Е. 1967, Марийские народные загадки. Йошкар-Ола.

Китиков А. Е. 1977, Марийские народные приметы. Йошкар-Ола.

Китиков А. Е. 1981, Калыкмут. Пословицы. Йошкар-Ола.

КМЧВ 1971 — Кырык мары частушкавлä. Акцорин В. А., Егоров Н. Н. Юадаров К. Г. цмыреныт. Йошкар-Ола.

Колпакова Н. П. 1980, Под ласковым солнцем. Сказки, песни, предания, загадки, пословицы народов СССР. Л.

Крейцвальд Ф. Р. 1953, Калевипоэг. Таллин.

МДЭ МарГУ, 1975 — Материалы диалектической экспедиции Марийского государственного университета 1975 года, тетрадь I. Записи студентов в дер. Редькино (Ушмен) Краснокамского района Башкирской АССР.

ММ 1945 — Марий муро. Марийские песни. Осмин Й. составитлен. Йошкар-Ола.

ММОМ 1966 — Молан мые ом муралте. Почему мне не петь (Сборник частушек). М. Сергеев погем. Йошкар-Ола.

МРС 1956 — Марийско-русский словарь. МарНИИ ЯЛИ. М.

МТВ 1964 — Марий такмак-влак. Марийские частушки. Н. Т Пенгитов чумырен. Йошкар-Ола.

МФЭ 1970 — Материалы фольклорной экспедиции Марийского НИИ ЯЛИ 1970 года, тетрадь I. Записи Акцорина В. А. в дер. Марийское Гондырево (Марий Маскаял) Алнашского района Удмуртской АССР.

МФЭ 1972 — Материалы фольклорной экспедиции МарНИИ ЯЛИ 1972 года, тетрадь I. Записи Китикова А. Е. в дер. Мари-Шои Куженерского района Марийской АССР.

МФЭ 1975 — Материалы фольклорной экспедиции МарНИИ ЯЛИ 1975 года, тетрадь I. Записи Китикова А. Е. в Звениговском и Медведевском районах Марийской АССР.

МФЭ 1982 — Материалы фольклорной экспедиции МарНИИ ЯЛИ 1982 года. Записи Китикова А. Е. В Мари-Турекском, Советском, Оршанском районах Марийской АССР.

Никифоров П. 1947, Задани выполняймы. Задание выполнено (рассказ).—Сенгымаш корны дон, 1947, № 1 (15).

Никонов В. А. 1975, Вопросы финно-угорской космонимии.— Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск.

Никонов В. А. 1980, География названий Млечного Пути.— Ономастика Востока. М.

НРФ — Научный рукописный фонд МарНИИ ЯЛИ. Опись I, дело № 784. Записи Столярова К. А. в дер. Юнга-Кушерга Горномарийского района Марийской АССР.

Палантай И. 1923, Марла мураш туныктымо савыш. Издание марийских песен. М.
РКС 1966 — Русско-коми словарь. Сыктывкар.
РМС 1966 — Русско-марийский словарь. М.
РТС 1971 — Русско-татарский словарь. Казань.
РЧС 1971 — Русско-чувашский словарь. М.
РЭЧ 1977 — Русско-эстонский словарь. Таллин.
Саваткова А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола.
Сапаев Э. 1969, Муро-влак. Сборник песен. Йошкар-Ола.
Сидоров А. С. 1972, Идеология древнего населения Коми края.—Этнография и фольклор коми. Труды ИЯЛИ. Сыктывкар.
Смирнов И. Н. 1889, Черемисы. Казань.
ТМКМ, 1918 — Тӱрлӧ марийын кумалтыш мутышт. Ӱпӧ губерна марийын, Озан губерна марийын, Вятка губерна марийын, Перме губерна марийын. Казань.
ТМОВ 1972— Тошто марий ой-влак. Марийские легенды и предания. В. А. Акцорин чумырен. Йошкар-Ола.
Токмурзин М. Ф. 1982, Ныръынде Максым (Псевдоним М. Ф. Токмурзина — А. К.) Шокте шӱдыр. Звезда-сито (стих)— Сылнымут памаш. Йошкар-Ола, 1982.
Ӱпымари 1928, Марий мутер. Словарь марийского языка. М.
ФРС, 1981 — Финно-русский словарь. М.
Четкарев К. А. 1951, Героические образы в марийских сказках.— Ученые записки МарНИИ ЯЛИ. Вып. IV. Йошкар-Ола.
Шабердин И. Г. 1975, Шернур вел такмак-влак. Сернурские частушки. Йошкар-Ола.
Шкетан М. 1962, Какшаҥ воктен. Возле Кокшаги (рассказ).—Собр. сочинений. Том 2. Йошкар-Ола.
Элексейн Я. 1955, Ормӧк (повесть).—Ойлымаш ден повесть-влак. Рассказы и повести. Йошкар-Ола.
Эшкинин А. К. 1924, Кузе вера лийын, кузе шарлен? Как возникли веры, как они распространились? М.
Юзыкайн А. 1978, Тулото. Пламя (роман). Йошкар-Ола.
Юхма М. Н. 1968, Золотое руно традиций.—Дружба народов, № 10.
Юхма М. Н. 1980, Заметки о чувашской космонимии.—В кн.: Ономастика Востока. М.

С. Я. Черных

ОНОМАСТИКОН ДЕРЕВНИ МАРИ МАЛМЫЖ ЗА 1717—1748 ГОДЫ

Документы ЦГАДА свидетельствуют, что в первой половине XVIII века по Арской дороге Казанского уезда было около 30 марийских деревень и починков. Среди них указываются следующие. Деревня *Кугунур*, в которой в середине XVIII века числилось 19 мужских «душ». В числе живых и выбывших в Кугунуре названы Абертька, Абдыш, Ангелда, Апек, Азлавей, Адказал, Аиштык, Амет, Ардемин, Ачкей, Ванша, Ганка, Досаня, Видемир, Ведай, Васит, Зилан, Истабай, Илтей, Иртыш, Кесен, Кеся, Козягул, Маматул, Матар, Негдык, Оброска, Пангелда, Синбулат, Таизвек, Урсень, Шедека, Ятчобай.

Название соседней с Кугунуром деревни Сатнур (есть запись и в варианте Сотнур), в которой жили 17 мужских «душ», идентично ономе Сотнур в Волжском районе Марийской АССР. Впрочем, топоним Кугунур многократно повторяется в разных районах МАССР, а также в соседних с нею областях.

В переписях разных лет рядом с Сотнуром записан «починок по речке Тюмтюм» (в оригинале Дємдємъ, Тємтємъ). По данным «Выписки перечневой из переписных книг 1678 года», здесь значился только один двор, а в 1717 году было 6 семей, 21 человек (обоих полов). Укажем некоторые мужские имена: Айдемир, Актемер, Актериш, Илбарис, Илболда, Шадырко, Яидемир (Изин), Янагай.

В другом месте переписная книга называет еще один «починок по речке Дюм-Дюм да по речке Мосерне», который, очевидно, был расположен недалеко от первого, но обособленно. Здесь в 1710 году «было 10 дворов», а к 1717 году «налицо жилых дворов 3». Возникновение этих топонимов Тюмтюм (реки и деревни), следует полагать, тесно связано с удмуртским воршуд-

ным названием «Дым-Дым Омга-Омга» (Атаманов 1978:183).

Далее названы деревни «на пустоши *Кетек*» и *Янгулова, Верхняя Гонба* (35 муж.) и *полянке Гонбе* (37 муж.). В переписи 1748 года записана волость *Янборовская* (30 муж.) и починок *Салманова* (2 чел.), которые отсутствовали в 1717 году. В деревне Аленар (ныне Алинерь) среди 25 мужских имен наиболее древними представляются Айдемир, Епизерка, Мизика, Таганашка, Тоганай.

В деревне *Шия* на речке Азыл(ей) платили ясак царю 5 мужчин.

Переписные книги называют две деревни (марийскую и русскую) под одинаковым названием *Мелет*.

Из имен 36 мужчин, живших в то время в деревне Мелет, большой интерес вызывает *Черус* (ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1140, л. 272), которое больше нигде не встречается. Оно весьма близко по звучанию к топониму Черусти (городок и железнодорожная станция на стыке Московской и Владимирской областей).

Значительное количество людей числилось в деревне «по речке *Екуде* и по речке *Коршс*». Из 110 мужских имен привлекают внимание Аптык, Илишко, Илыжъ, Ишим, Копат, который вошел в поговорку *ипат-копат, коман мелнат* «ипат-копат, как слоеные блины». Пасыбай Елкеев, т. е. Пасыбай, сын Елкея (28 лет), сходное с которым имя Пасыбек (Пасбек) бытовало в соседней волости Малмыже. Эти имена — исконно марийские, родовые, передававшиеся из поколения в поколение. Возникновение подобных имен можно объяснить следующим образом.

В языческую дохристианскую эпоху имена часто давались по месту и времени рождения ребенка. Например, если мальчик родился в страдную пору, во время весенних, летних или осенних сельскохозяйственных работ, или скажем, прямо в поле, что бывало весьма часто, он получал сходное с этим имя, например, Пасыбай, Пасыбек. В основе этих имен лежат слова *пасу* «поле»+*бай, бек* «господин». Подобные имена несли в себе определенную смысловую и этическую нагрузку, как бы характеризуя в обобщенном, аллегорическом плане качества характера молодого человека, будущего хозяина, достойного наследника отца, всего рода.

Починок *Горка*, отсутствовавший в петровское вре-

мя, в 1748 году насчитывал 10 мужских душ. Затем следуют в переписи деревни «по речке *Вале* да по речке *Муле*» (24 муж.)», по речке *Вале* (эта сторона, 13 муж.), по речке *Вале Черное озеро* (5 муж.). В них привлекают внимание имена Азбелда, Азик, Акпарыс, Аймет, Айса, Асай, Асей, Аскак, Асы, Етупай. Кабарыс, Кабулат, Касит, Козей, Кучум, Пехпул, Ташкала, Токташ, Тоскей, Тохтамыш, Тыныбай, Янбай, Яшмурза.

Записаны деревни *Мельничный починок* (16 муж.), *Меленки* (8 муж.), по речке *Шурбе* (17 муж.), по речке *Порек* (54 муж.). Упоминаются деревни по речке *Арыл(к), Аран*, где в петровское время были 3 двора, а в середине XVIII века жил 31 мужчина, деревня *Иж*, где было «черемис 84 чел.»

Особо следует сказать о деревне *Большой Килмез*, в которой платил ясак государству 131 человек. Насчитывавшая свыше 260 жителей, она была довольно солидной по тем временам и древней, о чем свидетельствует ее название.

Ключ к раскрытию многих тайн деревни Большой Килмез дает антропоним Килмас, который фигурирует среди многих интересных имен этого селения. Его носителем был марнец 42 лет (Килмас Килмаметев, т. е. Килмас, сын Килмамета). Очевидно, это было родовое имя, которое легло в основу названия деревни.

Марийские имена Килмас, Килмез не только чрезвычайно созвучны с племенным этнонимом удмуртов *Калмез*, который марийцы называли *Кӱльмезь*, но, думается, связаны с ним генетическим родством.

В пределах волости *Малмыж* с древних лет существовал ряд населенных пунктов с одноименным с волостью названием. В переписи петровского времени отмечены *Малмыж Изергенева Збору*, где было 16 дворов, «в волости Малмыж *починок по речке Буртек*». Самым крупным селением по Арской дороге был *Малмыже Тоушева Збору*. Здесь по ревизии 1700 и 1710 годов насчитывалось 78 дворов, а к 1717 году остались жилых 54 двора, 178 человек (обоих полов), а остальные хозяйства пустовали. Отмечено немало беглых и перешедших в другие сотни и деревни. Показательно, что в переписи середины XVIII века эта волость названа уже деревней, насчитывающей 226 мужских «душ», а в целом около 450 человек (обоих полов). Расположенная рядом другая деревня тоже называлась *Мал-*

мыж. В ней в 1748 году платили подушную подать 49 мужчин.

Дополнительные названия, фигурирующие рядом со словом Малмыж («Изергенев Збор», «Тоушев Збор»), говорят о том, что в этой местности в петровское время происходили какие-то коллективные «сборы».

Все указанные выше деревни, прежде расположенные на определенном отдалении друг от друга, по мере их роста влились и образовали одну большую деревню *Мари Малмыж (Марийский Малмыж)*. Так называли ее марийцы, а среди русского населения она была известна как «Черемисский Малмыж», т. к. существовал еще город-крепость Малмыж, где жили русские чиновники. В деловых документах, начиная с петровского времени, закрепилось название Малмыж Тоушева Збору.

В далеком прошлом Малмыж играл видную роль в истории марийцев, живших на среднем течении реки Вятки. В эпоху средневековья здесь образовалось Малмыжское княжество — одно из первых марийских государственных образований, затем вошедшее в состав Казанского ханства. В былине о падении Малмыжа эпитетами для него являются слова «могучий», «гордый». В период разгрома Казанского ханства в середине XVI века малмыжский князь Болтуш (Полтуш) со своим войском оказал отчаянное сопротивление русским. Около деревни Марий Малмыж до наших дней сохранились развалины (остатки) феодального укрепленного городища-крепости. Такие сооружения в эпоху средневековья имелись на территории других сотен и улусов (около Уржума, Шурмы, в Китеке, Пореке и т. д.). Они представляли из себя поселения, защищенные земляными валами, укрепленные деревянным тыном, окруженные рвами с водой. В период Казанского ханства большая часть марийских земель по Арской дороге оказалась захваченной татарскими феодалами. От бывшего Малмыжского княжества к концу 40-х годов XVII века осталась лишь узкая полоса на правом берегу Вятки (Очерки истории Марийской АССР 1965:68—69).

Ниже приводится *ономастикон деревни Мари Малмыж*, который, на наш взгляд, представляет весьма большой интерес для изучения истории и языка марийского народа.

КНИГА ПЕРЕПИСНАЯ ЯСАЧНЫХ КРЕСТЬЯН (РУССКИЕ, ТАТАРЫ, МАРИ, ЧУВАШИ) АРСКОЙ ДОРОГИ КАЗАНСКОГО УЕЗДА, УКАЗЫВАЕТСЯ РАЗМЕР ЯСАКА, ПЕРЕЧНЕВЫЕ ВЫПИСКИ ИТОГОВ ПЕРЕПИСИ В СРАВНЕНИИ С ДАННЫМИ ПЕРЕПИСИ 1710 г. (лл. 1484—1497), АЛФАВИТ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ (л. 1—2) (ЦГАДА, ф. 350, ЛАНДРАТСКИЕ КНИГИ И РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ, ОП. I, ед. хр. 146, 1716—1717 гг., лл. 1—1497).

В волости Малмыж Тоушева Збору (лл. 1245—1255) по переписным книгам 1700 и 1710 годов написано 78 дворов, ясашного тягла 36 ясаков и с пол полтреть, а по переписи сего 1716 г. ныне налицо жилых дворов:

дв. Янсеитко Янкеева 58 л., у него жена Тъбыкейка Тинбаева 45 л., дочь Атикинечка 10 лет, а сын его Андыгишко отдельно, живет в особом дворе, положенного по переписным книгам 1710 г. тягла, сказали, по разделении их, на нем Янсеитке четь ясака.*

дв. Яндыгашко Янсеитов 20 л., у него жена Пискейка Байборисова 20 л. В вышеписанных переписных книгах написан он во дворе с отцом своим Янсеиткою.

дв. Иштычко Карин 45, у него жена Епичка Матвеева 34, дочь Казенбейка 8

дв. Тляшка 35, Петрунка 25 Карины, у них мать Удербичка Тембаева 75 л.

дв. Ванка Пайдеев 45, у него жена Пигилчка Келдыгозина 45, дочери Симолчка 7, Сабика 6 л., Дарка 4 л.

дв. Васка Яшкин 19, у него мать вдова Тостанка Таныбаева 45, отец его Яшка Пайдеков умер, а брат его Яшпахтка отдельно живет в особом дворе.

дв. Яшпахтка Яшкин 25, у него жена Кишпикачка Ахпатырева 30 л. В перен. книге 1710 г. написан во дворе с отцом своим Яшкою Падыковым.

дв. Полатко Пайболтин 45, у него жена Ахтабыка Токсубаева 45 л., дети Ачикейко 20, Азманко 6 л.

дв. Актуганко Ногашев 45, у него жена Казибека Ишметева 35, дети Андрейко 19, Андрюшко 6 л.

дв. Алмакейко Кизилбаев 70 л., вдов, и с того двора после переписи 1710 г. сын Айтузячко бежал в 1715 г., по переписным книгам 1710 г. написано на нем тягла полторы чети ясака.

дв. Сарманайко Савкин 55, у него сын Шадырко 19, дочь Кишпичка 15. У Шадырки жена Кирсалтанка Агушева 25 л. После той переписи Сарманайкова жена Кизылбейка Пайдулина умерла.

дв. Тонакбайка 28, Таныбайко 25 Алышевы. У Танакбайки жена Сабикачка Веткина 35 л.

дв. Тинбайко Козенбаев 55 л.

дв. Макейка Ивашкин 60, у него жена Пимелишка Ашпаева 55, сын Ахтулка 35, дочь Текачка 12 л. У Ахтулки жена Пикибейка Агилова 30, дочь Шимбикачка 6 л.

дв. Ахтулка Нагашев 45, у него жена Сарбичка Теменеева 30,

---

* Размеры ясака в других дворах нами не указываются *(С. Ч.)*.

сын Митрейка 8, дочь Куганайка 9 л., да в особой избе братья Микитка 25, Васка 33. У Микитки жена Пикибейка Пакеева 25, сын 6(шти) лет.

дв. Осипко Козенбаев 75, у него жена Киспика Исеева 85, сын Ирсайка 25, у него жена Кимбикачка Килметева 25, дочери Сибичка 9, Асулка 6 л.

дв. Уразайка Арсаев 45, у него жена Аялачка Ахпулатова 35, дети Ураска 9, Ванка 6, у него же брат Семенейка Крымсараев 25 л.

дв. Урсайка 40, Урсачка 25, Пехтыгозячка 20 л. Пайбердины. У Урсайки жена Пикечка Айтушева 30, у Урсачка жена Изепека Сарманова 25 л.

дв. Изергулко Кадряков 45, у него жена Пикенейка Янгаева 55, сын Ведорко 19 л., а брат его Якунко живет в особом дворе.

дв. Якупко Кадряков 25 л., у него жена Яндывейка Янбарысова 23 л., в предыдущ. переписи написан во дворе с братом своим Ирзегулкою.

дв. Янышко Ишпачков 55, у него жена Кизенбе'ка Кочеева 45, дочь Аделека 12 л.

дв. Актемирко Атеев 45, у него жена Бикечка Байметева 25, сын Рысайка 20, дочь Чибека 15 л. да в особой избе брат его Именко 35, у него жена Текабе'ка Тимякова 25, сын Танатарка 6 л.

дв. Алыбечко Аламаков 45, у него жена Айделетка Чомашова 35, сын Алымбертка 12 л.

дв. Мишка Аитов 75, у него жена Асылка Тоганаева 65, сын Никитко 25, у него жена Акчабейка Паймурзина 25, сын Василейко 6 л.

дв. Янтемирко Янсарин, 55, у него жена Оринка Утяшева 45, сын Пайметко 25, дочь Анастайка 8 л., после того переписи сын его Паймко умер.

дв. Пектыбайко Петрушкин 45 л., вдов, у него дети Актошка 25 л., Ведерка 15 л. У Актошки жена Листанбыка Пекпатырева 25.

дв. Тимячка Тинбаев 28 л., а брат его Тимошка отделян, живет в особом дворе.

дв. Тимошка Тинбаев 25, у него жена Астанка Петыркова 22 л., в предыд. переписи написан во дворе з братом своим Тимачкою.

дв. Тюпко Янбаев 45, у него жена Яшинбейка Чилеева 35, сын Микишка 11 л.

дв. Мамызичко 30, Яниориско 19 л., Курмаловы. У них мать вдова Кузябика Янмурзина 65. У Мамызячки жена Чемеличка Митреева 25, дочь Алмеличка 1 год.

дв. Митка Ямаков 55 л., а сын ево Османко живет в особом дворе.

дв. Османко Миткин 25, у него жена Уналча Уразбахтина 25 л., написан был (до этого) во дворе с отцом своим Миткою.

дв. Токбулатко 35, Пактыбайко 30 Тинбагишевы. У них мать вдова Ишилбыка Пулатова 55, у Пактыбайки жена Токмачка Акташова 30 л. Отец их Тимбагишко Тинсарин умер, а Тинбулатова жена Чинбика умерла в 1713 г.

дв. Абычка Алмаков 65., у него братья Аймурска 50, Ямурска 25 л. У Абычки жена Кудышка Пачикеева 65, у Аймурски жена Асылычка Микифорова 30, дочь Дарка 6 л.

дв. Аскарко Акечин 85 л., вдов, у него сын Тимофейко 30, у него жена Ишилбика Алеева 35 л., а сын его Тимашко живет отдельно той же сотни, той же волости в починке Себе усадом в особом дворе.
дв. Ураска Янахтаев 35 л., у него жена Пикечка Паймурзина 30, сын Уразметко 6 л.
дв. Ирдыганко 40 л., Иштыбайко 35 Алмаевы. У Ирдыгайки жена Еликачка Андрюшкина 30 л. Ирдыганков сын Ибовка и сестра их Читычка померли в 1710 г.
дв. Ирбулатко Пиндиков 65, у него жена Пиниличка Пехпулатова 55, у него сын Илимбертка 18 л., у него жена Набякачка Яметева 25 л.
дв. Ишкозячко Козебаев 65, у него жена Пинячка Ишметева 45, сын Илмурска 17, дочь Ластучка 14, Асылка 10 л.
дв. Ишейко Иштыбаев 35, у него жена Изидурка Пазикова 30 л.
дв. Килмаметко Киреин 35, у него жена Кинябичка Акманова 35 л.
дв Яныбечка Ногашев 60, у него жена Яшпичка Ахпаева 55, сын Акилбайко 13, дочь Талека 6 л.
дв. Килейка Янсарин 35, у него жена Лестайка Патырева 25 л.
дв. Иштеречко Илмаметов 35, у него брат Тобайка 25 л.
дв. Канакпайка Казенбаев 65, у Канакпайки жена Пиганайка Микиткина 40 л. И с того двора сын их умер, а брат Яныкбайка бежал в башкир в 1712 г.
дв. Ерка Исенбаев 30, у него жена Ишпикечка Килеева 35, пасынок Ормечко 8 л.
дв. Оска Илтемиров 35, у него жена Байсалтанка Тоймурзина 35, сын Азикейко 6 л. Сестра его Алютка умерла в 1710 г.
дв. Багилечко Иванов 35, у него жена Асалтанка Ипаева 35, дочь Абикечка 6 л., а брат его Пашточка отделян, живет в особом дворе.
дв. Пашточка Иванов 30 л. у него жена Оринка Похтарова 25 л., дочь Анютка 2 л., написан был (раньше) во дворе с братом своим Багилечеком
дв. Тохпайко Токпердин 30, у него жена Темечка Мамеева 25, сестра Лучанка 20 л.
дв. Чорачка Айтемиров 30, у него жена Настичка Ишметева 35 л., сын их Максимко умер в 1710 г.
дв Яштыганко Яшкин 35, у него жена Пикабичка Ишпахтина 30 л.
дв. Мишка Митреев 20, у него мать Чинбека Кулаева 55 л.
дв Мамкейко 75, Кибечко 35, Ивашкины У Мамейки жена Чадыбека Емашева 35, у Кибички жена Аксалтанка Сидоркина 35, дочь Асылка 11 л.

Итого в той волости ныне налицо жилых 54 (пятьдесят четыре) двора. В них людей мужска полу от 5 до 10 лет — 11, от 10 до 15 лет — 3, от 15 до 20 лет — 8, от 20 до 30 лет — 22, от 30 до 40 лет — 21, от 40 до 50 лет — 13, от 50 до 60 лет — 7, от 60 до 70 лет — 6, от 70 до 80 лет — 4, от 80 до 90 лет — 1.

Итого 96 человек.

Женску полу от году до пяти лет — 2, и 5 до 10 лет — 11, от 10 до 15 лет — 6, от 15 до 20 лет — 2, от 20 до 30 лет — 18, от 30 до 40 лет — 24, от 40 до 50 лет — 8, от 50 до 60 лет — 6, от 60 до 70 лет — 3, от 70 до 80 лет — 1, от 80 до 90 лет — 1.

Итого — 82 чел.

Всего обоих полов — 178 человек.

Тягла по переписным книгам 1700 и 1710 годов написано на вышеписанных дворах 22 ясака и с пол ясаком с малой третью.

Из вышеписанных жилых дворов после переписи 1700 и 1710 годов убыло людей мужска полу: померли — семь, бежали — два. Итого девять человек.

Женска полу померли четыре. Всего обоих полов 13 чел.

В той же волости пустые дворы после переписи 1712 г. запустели, перешли тое же сотни в другую деревню, побежали, а именно (далее перечисляются пустые дворы и бежавшие оттуда).

Итого в той волости пустых, кроме переходного, 29 (двадцать девять) дворов, из них люди мужс. полу померли — 18, бежали — 47. Итого — 65 чел. Всего обоих полов — 109 человек.

Тягла по переписным книгам 1700 и 1710 гг. написано на вышеписанных дворах 13 ясаков без малой трети. И о вышеписанных умерших и беглых, по всем вышеписанной волости черемиса староста Янситко Янкеев с товарищи да той сотни сотник Арской же дороги деревни Маскары татарин Юнуско Баймаметов всея тое сотни с черемис в скасках своих под страхом смертного истязания и всего имени сотни сказали: из вышеписанной де волости из жилых и пустых дворов черемиса мужского и женского полу померли и бежали и дворы их пусты подлинно, и от тою убыли и малолюдства остальные черемиса платят сполна, подати оскудали.

В той же волости живут себе усадом: (лл. 1255) по переписным книгам 1700 и 1710 гг. написан один двор Ахтышка Апаев 40 л., у него жена Пинабейка Актазикова 25, дочь Килбика 4 л., да в особой избе сын Аначко 15 л.

После переписи 1710 г. перешли тое ж сотни из другой деревни:

дв. Чибайко Копкунов 36 л., у него мать Утябика Пагишева 65 л., жена Идырка Тимофеева 25 л., ранее был записан в волости Малмыж Тоушева Збору.

дв. Ахташко Аксарин 40 л., у него жена Пикелетка Якматова 30 л.

Итого в том починке ныне налицо жилых и с перехожими три двора, в них людей мужского полу и женского полу — 9 чел.

ЦГАДА ф. 350, оп. 2, ед. хр. 1140.

КНИГА ОРИГИНАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯСАШНЫХ КРЕСТЬЯН КАЗАНСКОГО УЕЗДА АРСКОЙ ДОРОГИ ЗА 1748 г.

В деревне Малмыже Тоушева Збору государственные ясашные черемисы, написанные в прежнюю перепись

Микита Литуганов, 75 л.

Васка Нагашев, 50 л. У него дети после переписи рожденные: Пунай, 12. Ветка, 6. Козек, 4.

Митка Микитин, 33. У него сын, после переписи рожденный Тимофей, 2.

Якимка Кадряков, 55.

Полатка Пономлин, 105. У него дети, в прежнюю перепись написанные: Ачкейко, 55. Лиманайко, 33.

После переписи рожденный Козебахта, 8

У Ачкейка дети Азик, 8 л. Козик, 6 л.

У Лиманая дети Амет, 12. Ардемин, 1.

Семен Уразаев, 60. У него дети: Паиръ, 18, Пангельда, 15. Михала, 9. Степан, 2.

Андрюшка Антуганов, 45. У него сын Пайкей, 6.

Илмурза Ишкозин, 65. У него дети: Степан, 23, Семен, 9.

Килметка Киреев, 75.

Азлавей Акматов, 100. У него сын Алынбертка, 40. У Алынбертки дети: Алешка, 18, Оброска, 10. Богдашка, 5.

Байметка Басаров, 60. У него дети Пагилец, 18, Пабатырь 2.

Иванейко Итактаев, 95. У него сын Ивангай, 20.

Тимошка Тинбаев, 65. У него дети Мишка, 10, Алешка, 5.

У Тимошки брат Тимошка Тинбаев, 45.

Османка Ямасов, 65.

Иштычка Карин, 100 л. У него сын Исемен, 22.

Тлешко Карин, 65.

Василей Яшкин, 50. У него дети Васка, 16. Патубай, 6.

Аленбердка Ирбулатов, 45. У него дети Илметка, 23. Илборис, 14, Ямборис, 5. Мурза, 3.

У Илметки дети: Илмабай (полгоду). Ятчобай (месяц)

Оска Литемиров, 75. У него дети Ямбулат, 15. Масят, 6.

Шадека Алексеев, 85.

Пангилечка Иванов, 75. У него дети Памурза, 12, Подемир, 3.

Яхтыбай Ишкин, 65.

Танаторка Именев, 29. У него дети Танзвек, 15. Таксубай, 8. Текабай, 1.

После переписи рожденный, от нынешней ревизии утаенный Янсубай, 3.

Антошка Иванов, 72. У него сын Малошка, 4.

Урсень Багардин, 75. У него дети Урасла, 9. Оброска, 3.

У Урсеня брат Биктыгозя Багардин, 55. У него сын Пактай, 10.

Еликейка Илмурзин, 45. У него дети Илкачъ, 6. Илтенечъ, 4.

Кобечка Мамкин, 85. У него сын Укечейка, 23.

Мишка Митриев, 47. У него дети Миклай, 15. Макарь, 12. Афонас, 6. Васит, 2.

У Миклы сын Никифор, 3.

Илтейко Тойдемиров, 53. У него дети Тойменей, 8. Толкей, 5. Параш, 1.

Келдыбайко Келметев, 30. У него сын Алдар (1/2 году)

Ишмека Иванов, 42. У него дети Ишпулат, 20. Аништык, 10. Иштерик, 6. Тосмекей, 3.

Тобайка Ишметев. У него дети Степан, 12. Мишка (1/2 году).

Иштыганко Алмаманов, 63.

Иванеч Ивансеев, 37. У него сын Ердыган, 3.

Усейка Оскин, 32. У него сын Козягул, 3.

Путашка Иванов, 48.

Алимпайко Утямышев, 38. У него сын Ишпулат, 3.

Акбатырка Асметев, 68. У него дети Видемир, 20. Пимет, 16.

Ерсубака Ирысов. У него дети Зилан, 10. Ерболда, 6.

Казачка Алмекеев, 48. У него сын, Якмет, 4.

Ишменка Тахбахтин, 43.

Иликпайка Алынбасов, 43. У него дети Алешка, 5. Ивашка, 3.

У него же Иликпайка брат Илбахта, 63.

Яштыганка Тотчигин, 62.

Ураска Урасаев, 37.

Именка Киренеев, 47. У него дети Титиган, 12. Ибдек, 8.

Илека Саманов, 47.
Килека Илзандрузигин, 42.
Илтемирка Ятсаров, 72. У него брат Сяитко, 32.
Егыганко Ишпердин, 45. У него дети Сапарка, 22. Янгелда, 2.
Иликейка Ламбаев, 52. У него сын Илтенеч, 8.
Петрушка Корин, 47.
Ирболда Ирдыганов, 32. У него сын Ирбулат, 7.
Осидемирка Тодемиров, 47. У него дети Яшадрза, 2. Токтаныш, 1.
Тимека Тиколев, 47.
Ибрай Ишмурзин, 47. У него дети Ибрашъ, 10. Яшкоза, 7. Ведай, 6.
Тарас Яштыганов, 30.
Федор Алтолин, 27. У него сын Сергей (1 месяц).
Тобайка Тубаев, 31.
Илметка Илбахтин, 40. У него сын Гришка, 13.
У Илметки брат Иванка Илбахтин, 35.
Уразметка Урусов, 42. У него дети Уркаш, 10. Матар, 6. Иняска, 1.
Токпулат Токсубаев, 36.
Алакаска Мишкин, 38. У него дети Муслем, 5. Григорей, 1.
Кеся Петрушкин, 72. У него сын Негдык, 32.
Ведерка Кесеин, 42.
Кушенбака Тимяшев, 45. У него сын Тосмекей (месяц).
Федор Урасаев, 47.
Тогашак Тонапаев, 47. У него дети Петрушка, 8. Петр. 4. Маматул (полгоду).
У Тоташка племянник, умершего Янбориска Корнилова сын Тименти, 2.
Темирка Козмин. У него сын. Илбарыс, 10.
Едыгар Козмин, 57.
Тобахта Тогузин, 42. У него сын Панобрис, 3.
Причисленный после переписи деревни Шия
Баген Бабаев, 46. У него сын Пабахта, 20.
Причисленный после прежней ревизии деревни Шия Именкул Елин, 28.
Причисленный после прежней ревизии Азамат Тесин, 30. У него дети Асан, 3. Азичка, 1.
Причисленный после прежней ревизии Гришка Лахтин, 80. У него дети Крынсай, 10. Сарманай, 8.
Причисленный после прежней ревизии Чежеко Тевряшкин, 70.
Причисленный Елгозя Илмурзин, 30. У него дети Степан, 20. Афонасей, 10.
Умершего черемисина Именки Катшина сын Тонатка, 22. У него дети Тонахпай, 8. Сергей, 6.
Умершего Мамки Енгина сын Митка, 23.
Умершего Ишметки Качибаева сын Иблайко, 22.
Умершего Микитки Мишкина сын Васка, 23.
Умершего Сарманайки Ванкина сын Илтыбайко, 23.
Умершего Чорачки Актемирова дети Антека, 16. Аймет, 8.
Умершего, написанного в прежнюю перепись черемисина Байбулатки Сарбулатова сын Пасбекъ, (10 л.).
Умершего Алексея Алгазова дети Андрюшка, 11. Адрей, 9. Такей, 6.
Умершего Ишмекея Матюшева сын Ишполда, 6.

Умершего Кояначки Иванова сын Таут, 20.
Умершего Корея Урусова сын Данила, 2.
Умершего Курмашки Кужманаева сын Егорка, 10.
Умершего Азмака Акмачишева сын Адыказал, 3.
Умершего Адемира Акпактина дети Амет, 6. Ягелда, 4. Акилда, 1.
Отданного в рекруты Янтугушки Ястинтова сын Ивашка, 22. У него сын Ивангай, 9.
В прежней переписи прописные, а ныне записанные: Салтаней Тепкин, 35. Илтемир Иликпаев, 32. Мамашир Мамкин, 35. Урмякей Канин, 30. Пибулатка Пиктемиров, 29. Мурзакилда Тепкин, 29. Чемай Семеин, 75. Игнатей Юнусов, 28. Антошка Иванов, 70.
Переведенный из дер. Шия Янбахта Канбатырев, 93.
Итого в деревне Малмыже Тоушева Збору 226 (человек) (мужчин)—С. Ч.

В ДЕРЕВНЕ МАЛМЫЖЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЯСАШНЫЕ ЧЕРЕМИСА:

Апек Тебешев, 85. У него дети Оброска, 7. Илья, 4.
Томурза Алтыбзев, 43. У него сын Саит, 2.
Ванки Мурзин, 85. У него дети Сапка, 20. Имянкул, 18. Емей (м-ца).
Атык Акмурзин, 65. У него дети Аднагул, 10. Азман, 2.
Саперка Васкин, 33.
Пангелда Маматов, 45. У него дети Василей, 10. Памас, 7.
Пакейка Маматов, 45. У него дети Алексей, 16. Атнай, 6. Аднашъ, 5. Пасара, 2.
Пашайка Мартаков, 52. У него сын Пайпула, 4.
Теперка Панашкин, 50. У него сын Янбертка, 31.
Тютка Ахметев, 85. У него сын Ишкня, 12.
Ямачка Акметев, 70. У него внук Янбарис, 10 (сын Ямачки Яметев умер).
Тогай Токтаев, 67. У него сын Карпушка, 3.
Азикейка Маматов, 42. У него дети Алексей, 3. Осип, 2.
Юткейка Мартынов, 27.
Янбертка Маметев, 27. У него сын Янгилда, 2.
Тойбака Ахметев, 52. У него сын Уразмет, 4.
Умершего Акбатыра Тебешева сын Абдышка, 23.
Умершего Пакътагози Пактырева сын Филип, 23. У него дети Петрушка, 1. Токей (2 мес.).
Умершего Мартынки Мабаткова сын Утяган, 15.
Умершего Бектерейки Банбатырева дети Иван, 16. Максим, 14.
Умершего Иликейки Актемирова сын Ипай, 5.
Умершего Тойбулатки Тогашева сын Алметко, 5.
Отданного в рекруты Пронки Тренкина сын Саитко, 7.
Итого в деревне Малмыж 49 (сорок девять) человек (мужчин — С. Ч.).

ЛИТЕРАТУРА

Атаманов М. Г. 1978. Этнонимы удмуртов в топонимии. Рукопись диссертации. Тарту.
Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1956.

Ф. И. Гордеев

ЭТИМОЛОГИИ МАРИЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ

Публикуемая часть этимологий марийских собственных имен начинает букву Б. Она составлена на основе тех же этимологических принципов, что и предыдущие статьи.*

980. Бабак — м. и., сохранившееся в составе мар. поч. *Бабаков* (Булдыри в Кукнурск. в. Вят. губ. при р. Немде 1891 г. (ВЛГАКО, ф. 773). Заимств. из русск. яз.: *Бабаха* 1518 (Вес. С. Б. Он. 18)—подъячий или на основе метонимии от (рус.) *бабака* «бабушка», восходящему к тат. источнику: тюрк. *баба*+аффикс *-ка*, который, по мнению А. Н. Кононова (1969:531), можно сопоставить как с тюркским, так и с *бабак* «дедушка» и рус. *бабакай* «батюшка»; *Бабакайко* XVI в. (Бор. В. ЧОИДР 1899, кн. I:44)— пензен. татарин.

981. Бабам В (д. Торсола Балтич)— м. и. Заимств. из тат. яз.— сопоставляем с апеллятивом *бäбкäем* «светик мой, дитя мое, дитятко, голубчик мой (обращение)».

982. Баби Л (д. Старокрещено)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Вава* (СРЛИ 1966:254)—уменьшительно-ласкат. вариант женских антропонимов *Валерия, Варвара, Вивея.* В мар. *Баби* выступает вокативн. суф. *-ий.*

983. Бабим Л (д. Старокрещено)—ж. и. Происхождение не ясно.

984. Бабук Л (д. Нижняя Морк.)—ж. и. Заимств. из русск. яз.—представляет уменьшительно-ласкат. вариант женского антропонима *Вава,* образованного с помощью суф. *-ук.*

985. Багильды: *Багильды* Торгулов 1685 г. (Золотн. Н. И.—ТЧАС 1884, т. I:159)—м. и. Заимствовано из тат. яз.— представляет контаминацию апеллятивов *бай* «богатый; хозяин; муж»+*килде* «пришел».

---

* См.: Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1980. Вып. 2; Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1982. Вып. 3.

986. Багут—м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Багутнур* Л (д. М. Моламасы: МДЭ МарНИИ 1974 г., т. 142, л. 9)— мар. *нур* «поле». Заимств. из русск. яз.: *Бакута* (Чернышев 1901:194)—м. прозвище.

987. Бäдä В (дд. Сус-Эбал., Ирдуган.), *Бäдäй* В (Коведяев 1918:17; д. Ст.-Ямурз. Балт.)—м. и. и соответственно *Бадаев* — ф. В мар. именах выступает вокативн. суф. -(а)й. Заимств. из тат. яз.: *Бäдäви* (Саттаров 1981:52)—м. и.

988. Бäдäйли В (дд. Ст.-Ямурз. Балт., Т.-Елга)—м. и. Заимств. из тат. яз.—под вопросом сопоставляем *бäдäл* уст. «паломничество по найму; замена; эквивалент; денежное возмещение».

989. Бäдäлина В (д. Т.-Елга)—ф. Заимств. из тат. яз.—по всей вероятности, тот же предыдущий корень (см. выше *Бäдäйли*).

990. Бäдäм В (дд. Маг.-Алм., Н., и Ст.-Дюртюк. Балтач.)—м. и. Заимств. из тат. яз., ср. ниже *Бадамша*.

991. Бадамша В (д. Старотураево Калт.), *Бäдäмшä* В (дд. В.-Иван., Ст.-Ямурз. Балтач.)—м. и. и соответственно *Бадамшин(а)*—ф. Заимств. из тат. яз.: *Бäдäмша* (Саттаров 1981:52)—м. и.

992 Бадар Г—м. и., представленное в составе горномар. ойконима *Бадариха* Козьмодем. у., XVII в. (Архив Айпл. 1:346). Вероятно, заимств. из русск. яз. Ср. *Бодырин* 1607 г. (Вес. С. Б. Он. 43)—казачий атаман.

993. Бäдегä В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга, Н.-Иван., Н.-Бура)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бадига* (Саттаров 1981:51)—ж. и., букв. «прекрасная, очень красивая».

994. Бäдертден В (д. Калмаш), *Бадертдин* В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга), *Бадыртен* В (дд. Н. и Ст. Ямурз. Балтач)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бадер* (<араб., букв. «полнолуние»)—м. и.+*дин* «вера, вероисповедание».

995. Баджъим (*Базжъим*) В (д. Калтак.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäди* (<араб.: Гаф. А. ЛК 168, букв. «лучший, прекрасный»)+*жьим* (ДСТЯ 1969:572) «семя, ядро семени».

996. Бäди В (дд. Акуди, Чишма, Усак. Бир.), *Бадий* В (д. Бекмурз. Бир.)—ж. и. Заимств. из тат. яз. (см выше *Бäдега*)>*Бäди* (отпадение конечного слога имени)—ж. и. На его тат. происхождение указывает также микротопоним в параньгинском говоре тат. яз.:

Бäди елгасы (д. Алашайка Мар. АССР: Картотека МарНИИ по ономастике, оп. 2, л. 79)—наимен. оврага (тат. *елга* «река»).

997. Бадиян В (дд. Акб., Аккуб., Еммет., Тумбагуш)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäдига+жьан* «душа, дух».

988. Бадрак В — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима Ново-*Бодраково* Дюрт. Заимств. из тат. яз.: *Бадирä* (Саттаров 1981:39)—м. и.

999. Бäдрест В (д. Калмаш)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäдрид* (<араб.: Гаф. А. ЛК 168)—м. и.

1000. Бадри В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы)— ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бадирä* (Саттаров 1981:39)—ж.и.

1001. Бäдӱк В (д. Старотураево Калт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäдä*—м. и.+уменьшительно-ласкат. суфф. *-ук*, заимствованный из русск. яз.

1002. Бäдыги В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елка, Кузеево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бадигä, Бäди* (Саттаров 1981:51)—м. и.+вокативн. суф. *-й(й)*.

1003. Бäдыр В (д. Н.-Иван. Балт.)— м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäдер* (Саттаров 1981:51)—м. и.

1004. Бäдыш В (д. Кузеево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäди* (см. выше)—м. и.+апеллятив *иш* «чета, пара, ровня; товарищ, друг» или же суф. *-ыш*. Ср. *Бадшан* 1809 г. (Псянчин 1977)—башкирский богатырь.

1005. Баек В — м. и., сохранившееся в составе микротопонима в Кильмезск. р. Кировск. обл. Оно выступает в виде *Байбек*, что указывает на фонетическое видоизменение антропонима *Байбек>Байек (Баек)*. См. *Байбек*.

1006. Бажанов В. (д. Мариял Аскин.)—ф., антропоним представлен и в составе оронима *Бажан курык* В (д. Бахтыб. Бир.—мар. *курык* «гора»). Заимств. из русск. яз.—восходит к апеллятиву *бажан* «желанный», *от бажать* «очень желать».

1007. Баженов Л (дд. М. Кугунур Серн., Тапшер, с. Ронга)— ф. Заимств. из русск. яз.: *Баженко* Яковлев 1621 г., г. Н.-Новгород (ППК XVII в. по Н.-Новг. 1896:56), *Баженов* 1796 г. (ОГД 1797, ч. I:149)— род дворян. Этимологически связана с апеллятивом *бажать* «очень желать» (см. также *Бажанов*).

1008. Бажикин Л (д. Эмек.)—ф. Заимств. из русск. яз., на что указывает уменьшительно-ласкат. суф. *-ик*. Ср. также *Бажук* Зыков 1571 г. (Вес. С. Б. Оп.

19), д. Бажинская в Нолинск. у Вят. губ. (МПСВГ 1887, г. V:78).

999. Бадрет В (д. Калмаш)— м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бахир* (<араб.: Гаф. А. ЛК 170, букв.: блистающий, сверкающий»). Ср. тат. *Таир, Тайир ~ Тахир* (<араб. Гаф. А. ЛК 228)—м. и., в которых мы наблюдаем типичное для тюркской фонетики *х>й~и.*

1010. Баиш 1870 г. Л. (с. Ст.-Торъял:Спасский Н. 1909:6)—м. и., *Баишова* 1678 г. Л (с. Пораты: Архив Айпл. II:547)— ф. Заимств. из тат. яз.: *Баиш* (Энц. сл. 1891, т. II—А:70)—татарский посол, присланный в 1270 г. ханом Менгу-Тимуром сажать на великокняжеский престол Ярослава Ярославича. *Баиш* остался затем в России и дал начало дворянскому роду *Баишевых.* Г. Ф. Саттаров (1981:41) отмечает антропоним *Байиш ~ Баиш ~ Беаш.* образованный контаминацией двух лексических единиц *бай* «богатый; богач; хозяин» и *иш* «чета, пара, ровня; товарищ, друг».

1011. Байбагушев В (д. Василово Калт.)— ф. Заимств. из тат. яз., на что указывает татарский характер основных его составляющих компонентов *бай* «богатый; богач; хозяин»+*баг* «фруктовый сад» в русском оформлении с суф. *-уш.* Перед нами гибридное имя.

1012. Байбарис: *Байбарисов* Акибечко 1675 г. В (Кугунурск. у.: КА XVII в. 1888:22), *Байбариско* Л (д. Б. Карамас, Яранская волость: Архив Айпл. II: 577, 442)—имена. Заимств. из тат. яз.: *Байбариско* XVI—XVII вв. пензен. татарин. (Борисов 1899:45).

Того же происхождения и *Байбарс* В (д. Маг.-Алмаит., Н.-Дюртюк. Балт.)—м. и. Ср. *Байбарс* Мурза Бигилдеев XVII в.—пензен. татарин. (ДПК 1897:211).

1013. Байбахта 1646 г. (Чебоксарск. у.: МИНК 1913, в. III:149)— м. и., *Байбахтыбаев* 1678 г. Л (волость Пораты: Архив Айпл. 1:526)—ф. Заимств. из тат. яз.—восходит к апеллятивам *бай* «богатый; богач; хозяин» и *бәхет* «счастье».

1014. Байбатыров В (с. Мишкино)—ф. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию *бай* «богатый; богач, хозяин» и *батыр* «богатырь».

1015. Байбек В (дд. Акуди, Ирдуган., Чишма)— м. и. Сюда же относится и микротопоним *Байбек* в Кильмезск. р. Киров. обл. (МДЭ МарНИИ 1963, тетр. 119:35). Заимств. из тат. яз.—восходит к апеллятивам

бай «богатый, богач, хозяин» и *бек* (Гаф. А. ЛК 171) «господин; предводитель».

1016. Байбердин В (д. Кизерь Шурминск. р. Кировск. обл.: МДЭ МарНИИ 1959 г., тетр. № 72:64, Кузеево, с. Калтаса)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Байбирде* (Саттаров 1981:40)—м. и., составленное из *бай* «богатый; богач; хозяин» и *бирде* «дал».

1017. Байблат В (дд. Акб., Аккаин, Аккуб.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Байбулат* (Саттаров 1981:41)—м. и. Образование контаминацией *бай* «богатый; богач; хозяин» и *булат* «сталь».

1918. Байболдо В (дд. Акб., Еммет., Нуреево)—м. и., *Байболдин* В (д. Кулегаш), *Пайболдин: Пайболдин* Мурзанай конец XIX в. В (Бимск. инородческ. школа Агрызск. куста: ИС—ГАКО, ф. 8111, оп. I, ед. хр. 170:9)—антропонимы. То же имя представлено и в составе мар. ойконима (д.) *Байболдо* (Сажин. р. Свердл. обл.: МДЭ МарНИИ 1959, тетр. № 76:22), образованного по имени одного из основателей упомянутого селения. Заимств. из тат. яз.: *Байбулды* (Саттаров 1981:41)—м. и., состоящее из *бай* «богатый; богач; хозяин» и *булды* «стало».

1019. Байбул В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы)—м. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию *бай* «богатый; богач; хозяин» и *бул* «будь».

1020. Байгаз В (дд. Кайрак., Н.-Иван. Балт.)—м. и. и *Байгазов* В (дд. Букленды, Ардаш. Бураев.: Ямде лий, 1971, 13 февраля:3)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Байгази* (Саттаров 1981:40)—м. и.

1021. Байгашев В (д. Василово, Н.-Качмаш)—ф. Заимств. из тат. яз.—представляет сложение *бай* «богатый; богач; хозяин» и *Гайшă* (Саттаров 1981:63)—м. и. от апеллятива «живой, бойкий, шустрый».

1022. Байгизя 1891 г. В (д. Тогашнур Малмыж. у.: ГАКО, ф. 574, оп I, ед. хр. 1701:9)—м. и. и соответственно *Байгизов* (Ямде лий, 1977, 9 июля:4)—ф. Заимств. из тат. яз.— образование контаминацией *бай* «богатый; богач; хозяин» и *Гизат* — м. и.<*Гиззат* (< араб.: Гаф. А. ЛК 177, 193, букв. «могущество; почитание»)—м. и.

1023. Байгожжа, Байгожьа В (д. Калтак. М.-Буляр. М.-Суксы)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Байгужьа ~ Байхужьа* (Саттаров 1981:40)—м. и., образован-

ное контаминацией *бай* «богатый; богач; хозяин» и *хужьа* «хозяин; владелец».

1024. Байгозьа В (дд. Еммет., Нуреево Шаран.), *Байгоща* В (д. Аккуб.)—м. и. и *Байгозин* 1891 г. В (д. Каменной Ключ Бим. в. Елабуж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1631)—ф. Заимств. из тат. яз.: (др.-тат.) **Байхозьа*—м. и. .

1025. Байгуза (д. Н.-Кульчуб. Бир.), *Байгузя* 1701 г. В (д. Ишелево Уфим. у.: МПИ БАССР 1949:14; д. Ирдуган. Янаульск.), *Байгӱзьӓ* В (д. М.-Буляр), *Байгузьӓ* В (д. Сус.-Эбал.), *Байгыза, Байгызьа* В (д. Калмаш, с. Мишкино)— м. и. и образование *Байгузин* 1880 г. В (Бимская инородческ. школа Елабуж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 811, оп. I, ед. хр. 170; дд. Бабаево Калт., Б.-Сухояз., Кулегаш, М.-Буляр, Сус.-Эбал.)—ф. Заимств. из тат. яз.—более позднее проникновение, нежели *Байгожа* (см. выше). Ср. *Байгузя* Баймаков XVII в. (ДПК 1897:454)—пензен. татарин и башк. д. *Байгузино* в Ишимбаевск. р. БАССР (БАССР АТД 1973:166).

1026. Байгул 1891 г. В (д. Тогашнур Малмыж.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1701:9; д. Староваськ Мишк.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Байгол ~ Байкол* (Саттаров 1981:40)—м. и., образованное от апеллятивов *бай* «богатый; богач; хозяин» и *кул* «раб».

1027. Байгуш В (д. Чемаево Каранд.)—м. и. и м. прозвище. Заимств. из тат. яз., образовано контаминацией *бай* «богатый; богач; хозяин» и *кош* «птица, птичка». Правда, Г. Ф. Саттаров (1981:113) формант *-куш*, встречающийся в тат. антропонимах, этимологически связывает с апеллятивом *куш* «двойной, сдвоенный, парный, спаренный; сросшийся (о двух предметах)».

1028. Байда В. (д. М.-Буляр)—м. и., В (д. Калмаш)—м. прозвище. Заимств. из тат. яз.—? *пайда* (< араб.: АТРСЗ 1965:472) «видный, видимый, явный, ясный»

1029. Байдар СЗ — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконимов поч. *Байдаров* на р. Ветлуге, XVII в. (Архив Айпл. I:261) и *Байдаровские* (там же). Заимств. из тат. яз.: *Байдар* (Саттаров 1981:40—41) «хозяин богатства».

1030. Байдеев 1891 г. В (д. Побайнур Малмыж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1676)—ф. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию *бай* «богатый; богач; хозяин» и *дию* «сказочный великан».

В тат. словарях соответствующего антропонима обнаружить нам не удалось.

1031. Байдемир В (дд. Акб., Киебак), *Байдемыр* В (дд. Аккуб., Актуг. Калт., Калмиябаш, Н.-Татья, Сосновка Мишк., с. Калтаса: Марий коммуна, 1976, 10 мая:3), *Байдемыр* В (д. Аккаин), *Байдимир* В (дд. Акули, Чемаево Каранд).—м. и., *Байтемир* — один из основателей мар. д. *Байтемировка* в Верхотурск. у. Урала (Сепеев 1965:90), которая ныне называется Старо-Бухарово (Свердл. обл). *Байдимиров* В — широко распространенная среди восточных мари ф. Заимств. из тат. яз.: *Байтимер* (Саттаров 1981:41)—м. и., образованное контаминацией апеллятивов *бай* «богатый; богач: хозяин» и *тимер* «железо».

1032. Байди Л 1903 г. (д. Рушродо: Козлова К. И. 1954:166)—м. и. *Байдий* Л (пос. Морки)—м. и. Заимств. из тат. яз.—вероятно, того же сложения, что и (см. выше) *Бейдеев* — ф. или же *Байда* — м. и., в последнем варианте из которых мы могли бы усматривать вокативн. показатель *-ий*.

1033. Байдоган В (дд. Еммет., Нуреево Шаран.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Байтуган* (Саттаров 1981:42)—м. и., составленное из апеллятивов *бай* «богатый; богач; хозяин» и *туган* «родственник, родной».

1034. Байдук В (д. Калмиябаш), *Байтук* (дд. Анасьаул, Н.-Татья)—м. и. и *Байдуков* В (д. Чашкино Калтас.: МДЭ МарНИИ 1959 г., тетр. № 70:94), *Байтуков* — ф. Заимств. из тат. яз., ср. *Байтюк* Келмашев XVII в. (ДПК 1897:453)—пензен, татарин. Представляет контаминацию лексем *бай* «богатый» и *тук* «сытый год».

1035. Байка: *Байка* Урмеев В 1773 г. (Исиметов 1973:80)—мар. старшина в войсках Е. И. Пугачева. Заимств. из тат. яз.: *Байка* XVII в. (ДПК 1896:343)—пензен. татарин.

1036. Байкаде В (д. М.-Кельтей)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Байкуат* (Саттаров 1981:41)—м.и.

1037. Байкей: *Байкей* Тойкеев 1773 г. (Айпл. Г. 1973:3)—марийский старшина в войсках Е. И. Пугачева, ум. *Байкей* (Тепляшина 1967:262)—родовое божество (воршудное назв.). Оба антропонима представляют фонетический вариант татароязычного имени *Байка*, каковые мы видим в материалах пугачевского восстания: *Байкей (Байкай)* Тойкеев — мар. старшина

Уфимск. у., 1773 г. (ДСППВУ 1975:124). В обоих случаях выступает тат. уменьшительно-ласкат. суф. *-кай (-кäй)*.

1038. Байманов 1891 г. В (д. Тогошур Малмыж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1701)—ф. Заимств. из тат. яз., на что указывает начальный компонент *бай* («богатый; богач; хозяин»), осложненный редко употребляющимся тат. суф. *-ман*. Ср. *атаман* «главарь, предводитель» от *ата* «отец; самец».

1039. Баймаметка: *Баймаметка* Токтаров 1678 г. Л (д. Б. Корамас: Архив Айпл. II: 571)— м. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию двух именных основ: *бай* «богатый; богач; хозяин» и *мамед* от арабоязычного *Мухаммад* (Гаф. А. ЛК 203)—м. и.

1040. Баймаш В (д. Осиновка Муслюм.)— м. и. Заимств. из тат. яз.: *Баймаш* Семаев XVII в. (ДПК 1897:326)—пензен. татарин; Баймашка, Килмашка XVII в. (Борисов 1899:44)—братья-татары, Пенза.

Образовано от *Баим*, осложненного суф. *-ашк(а)*. Ср. русск. д. *Баймовская*, Нолинск. у Вят. губ. (МПСВГ 1887, т. V:34).

1041. Баймет В (дд. Калтак, Маядык, Ст.-Ямурз. Балт.)— м. и. *Байметов* В (д. Нуринеры Малмыж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1686)—ф. Заимств. из тат. яз.—представляет усеченный вариант м. антропонима *Баймаметка* (см. выше).

1042. Баймулла В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга, М.-Буляр)—м. и. и Баймуллин В (д. Баймурз. Мишк.)—ф. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию именных основ *бай* «богатый; богач; хозяин» и *мулла* «мусульманский священник».

1043. Баймурза В (дд. Акб., В.-Иван., Маг.-Алмант., М.-Буляр, Осиновка Муслюм., Тибил. Балт., Тумбагуш; к-з «Дружба» Мамадышск. р. ТАССР: Марий коммуна, 1974, 5 января:4), *Баймырза* В (дд. Аккуб., М.-Суксы, Нуреево Шаран.), *Паймурза* 1880 г. В (Бимская инородческая школа в Елабуж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 814, оп. I, ед. хр. 170)—м. и. и соответственно *Баймурзин* 1891 г. В (д. Тогошур Малмыж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф 574 ,оп. I, ед. хр. 1701:9; с. Калтаса)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Байморза* (Саттаров 1981:41)—м. и.

1044. Баймукамат В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга, Ст.-Ямурз. Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Баймӧ-*

хәммәт (Саттаров 1981:41)—м. и. образованное контаминацией апеллятивов *бай* «богатый; богач; хозяин» и *Мөхәммәт* — м. и.

1045. Байназ В (д. Б.-Сухояз)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Байназар* (Саттаров 1981:41)—м. и., в котором вычленяются два антропонима *Бай* — м. и. (апеллятив «богатый; богач; хозяин» и *Назар* — м. и. (< араб.: Гаф. А. ЛК 210, букв. «взгляд»).

1046. Байнул В (д. Н.-Дюртюк)—ж. и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию *Бай* («богатый; богач; хозяин») и форманта *-нул*, выступающего, правда, в татароязычных мужских именах: *Гайнул, Гайнук* (Саттаров 1981:63)—имена.

1047. Байрамал В (дд. Актуг. Калт., Бахтыб. Бир., Б.-Тавра, Б.-Шиды, Маядык, Ирдуган. Янаульск., Ст.-Васьк, Мишк., Чишма)—м. и. и соответственно Байрамалов — ф. Заимств. из тат. яз. Представляет контаминацию апеллятивов *бәйрәм* «праздник» и *ал* «передний», что означало «предпраздничный».

1048. Бәйрәмбикә В (дд. Аккуб., Василово Калт.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бәйрәмбикә* (Саттаров 1981:52)—ж. и., букв. «родившаяся в праздник» < *бәйрәм* «праздник» и *бикә* «дама, барыня; госпожа; хозяйка».

1049. Байрамгузя В (д. Тумбагуш)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бәйрәмхужа* (Саттаров 1981:52)—м. и., букв. «родившийся в праздник хозяин», где *хужа* «хозяин; хозяйка».

1050. Байрамов В (дд. Камеево, Маняк, Н.-Кульчуб. Бир., Рефанды, Ст.-Кульчуб. Мишк., Чишма; Сарсады Свердл.: Марий коммуна, 1975, 7 янв.:3)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Бәйрәм* (Саттаров 1981:52)—м. и., что значит «родившийся в праздник».

1051. Байрамсул В (д. Гарейка Балт., Т.-Елга), *Байрамсуло* Б (д. Маг.-Алмант.)— ж. и. Заимств из тат. яз.: *Бәйрәмсылу* (Саттаров 1981:52) — ж. и., букв. «родившаяся в праздник красотка».

1052. Бәйрәмшә В (дд. Гарейка, Кузеево, Балт., Маг.-Алмант.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бәйрәмшә* (Саттаров 1981:52)—м. и. букв. «родившийся в праздник шах».

1053 Байраш В (д. Актуг. Калт., Бабаево, Василово, Калмиябаш, Маняк, Чишма)—м. и. и соответственно *Байрашева* — ф. Заимств. из тат. яз.: *Бәйрәш* ~

Байраш (Саттаров 1981:41) и башк. *Бäйраш* XVIII в. (Галяутдинов 1977:99) — м. и.

1054. Байроз В (д. Кайрак) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бай* — м. и. и апеллятив *рузи* (Гаф. А. ЛК 220) «счастливый».

1055. Байрон В (дд. Акуди, Калтак) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Байрон* — м. и.

1056. Байруз В (д. Акуди), *Бäйрӱз* В (дд. Айгильд. Бир., Чишма) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Файрӱз* (Саттаров 1981:193) — м. и. от апеллятива «бирюза»

1057. Бäйрӱк В (д. Ст.-Васьк.) — м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию апеллятивов *бай* «богатый; богач; хозяин» и *рух* (АТРСЗ 1965:482) «душа; дух».

1058. Байрушин В (к-з им. Мичурина Мишк.: Марий коммуна, 1971, 5 мая:3) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Баир* (< араб. *Бахир;* Гаф. А. ЛК 168, 170) — м. и. в осложнении суф. *-уш(ин)*.

1059. Бай (ы) рша В (д. Ирдуган. Янаульск.), *Бäйырша* В (д. Аккуб.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Баир* (см. выше *Байрушин*) — м. и.+композит *-ша,* исторически восходящий к апеллятиву *шах* «царь».

1060. Байсупа 1646 г. (СНП — СНПУАК 1913, т. XV, в. 3:13) — м. и. (Чебоксарск. у.). Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию Бай — м. и. и *Суфи* — м. и. (< араб.: Гаф. А. ЛК 227, букв, «благочестивый») в зват. форме с суф. *-а(й)*.

1061. Байсут В (дд. Н. и Ст.-Васьк. Мишк.) — м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию *бай* «богатый; богач; хозяин» и ? *саут* (< араб.: АТРСЗ 1965:503) «голос; звук; крик».

1062. Байта В (д. Н.-Татья) — м. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, того же происхождения, что и *Байда* (см. выше) — м. и.

1063. Байтан В (д. Н.-Татья) — м. и. Заимст. из тат. яз.: *Бай* («богатый; богач; хозяин») — м. и. +*дан* «слава, известность».

1064. Байтара (*Пайтара*) В — м .и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Байтурово* Мишк. Заимств. из тат. яз.— вероятно, этимологически связано с *байтар* «ветеринар». К тому же собственному имени возводит А. Б. Бессонов 1881:150) гидроним

Байтурка в Уфимск. губ., что фонетически вызывает сомнение.

1065. Байтукась В (д. Анасьаул) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Байтук* — м. и. представляет контаминацию лексем *бай* «богатый; богач; хозяин» и *тук* «сытый год» +собственно мар. уменьшительно-ласкат. суф.-*сь*, в свою очередь заимств. из чув. источника (см. -*ась*: ЭСМЯ I:159).

1066. Бак В(д. Маядык), Бака Л (д. Захарово Серн.) — м. и. Заимств. из тат. яз.— восходит к арабоязычному апеллятиву *бака* (Гаф. А. ЛК 168) «вечность,, постоянство». Ср. казах. *Баки* (Джанузаков 1982:132) — м. и., того же корня.

1067. Бакай : *Бакай* Токаев 1773 г. В (Исиметов 1977:83)—«черемисский сотник в пугачевском движении» (Уфимск. губ.) и *Бакай* Л (д. Эмекево) — м. и. Заимств. из тат. яз. *Бакай* (Саттаров 1981:42) — м. и.

1068. Бакет В (д. Н.-Дюртюк.) — м.и. Заимств. из тат. яз.: *Бәхет* (Саттаров 1981:52) — м .и. — от апеллятива «счастье, удача».

1069. Баки В (дд. Аккаин., Аккуб., Чемаево Караид.), *Бакий* В (д. Туктаево Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Баки* (СТЛИ 1973:26) — м. и.

1070. Бакиров В (дд. Бабаево Калт., Василово) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Бакир* (Саттаров 1981:43) — м. и. <араб. (Гаф. А. ЛК 170), букв. «блистающий, сверкающий».

1071. Бакмет В (д. Кайрак.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *бах*<*бәхет* «счастье, удача» и -мет<*Мөхәммәт* — м. и.

1072. Бәкмыр В (д. Нуреево Шаран.)—ф. Происхождение неясно. Возможно, мы имеем перед собой тат. заимствование, образованное путем контаминации *Бәх: бәхет* «счастье, удача» и *Мир:Амир* — м. и.— *Бәхетамир*>*Бәкмыр*.

1073. Бакчи В (д. М.-Буляр) — м. и. Возможно, заимств. из тат. яз.: *Бакча* — м. и.- в составе тат. п. *Бакча-Сарай* в Сабинск. р. ТАССР (ТАССР АТД 1963:185).

1074. Бакшалдин 1622 г. В (Сепеев 1975:109) — ф. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию антропонимов *Бәкшаех* — м. и. и *Аллаудин* (Саттаров 1981:43; Гаф. А. ЛК 163) — м. и. Тот же композит, на наш взгляд, в ойконимах д. *Бакшаево* в Ни-

жегородск. у. 1613 г. (Садовский 1902:64) и (с.) *Бекшендино* в Пильненск. р. Горьк. обл. (название последнего из которых, по мнению Л. Л. Трубе (1962:87), восходит к имени одного из первопоселенцев — мордвина *Бакшенди*. Если это действительно так, то мордва могла позаимствовать только что упомянутое м. и. из тат. яз.

1075. Бакшизов: *Бакшилда Бакшизов* 1679 г. В (Кунгурск .у. КПКТ б/д)—мариец. Заимств. из тат. яз., на что указывает характер антропонимической серии: имена детям одной семьи даются с учетом созвучности начальных или конечных частей имени ребенка с именем отца, матери или старших братьев и сестер. В данном случае — созвучие начальных компонентов. По всей вероятности, оба антропонима образовались от одного и того же корня *Бакша<Бакшäех* (см. выше) с помощью композитов, восходящих также к тат. источнику:

Бäкшизä<Бäкшä+изах (Саттаров 1981:189)—м. и.

1076. Бакшилда: *Бакшилда Бакшизов* 1679 г. В (Кунгурск. у..: КПКТ б/д)— мариец. Заимств. из тат. яз. *Бакшилда<Бäкшилдä+ Илзат* (Саттаров 1981:189) — м. и.

1077. Бäлä В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга, Торсола Балт.)— м. и. Заимств. из тат. яз.—может быть сопоставлено как с апеллятивом *бала* «дитя», так и м. антропонимом *Бäлиг* (Саттаров 1981:52), букв. «красиво, выразительно и содержательно говорящий».

1078. Бäлäгытен В (д. Кузеево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäлигытдин* (Саттаров 1981:52)— м. и., букв. «оратор».

1079. Балакирев Л (с. Ронга)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Балакирев* XVI в. (Вес. С. Б. Он. 22)—ф. от апеллятива *балакирь* «кувшин, крынка, горлан для молока».

1080. Балакмат В (д. Ст.-Яш), *Бäлäкмäт* В (дд. Маг,-Алмант., Н.-Иван. Балт), *Бäлäхмäт* В (д. Кузеево Балт.)—м. и .Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию антропонимов *Бäлä* (см. выше) и *Ахмäт* (Саттаров 1981:239)—м. и.

1081. Балбикä В (дд. Аккуб., Маг.-Алмант., Нуреево), *Балбика* В (дд. Акб., Токпердино Бакалин.), *Бäлбикä* В (д. Еммет.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—образовано контаминацией *бал* «мед» и *букä* «дама; гос-

пожа; барыня; хозяйка»: *Балбикә* (Саттаров 1981:43)—ж. и.

1082. Бәлди В (дд. Айгильд. Бир., Акуди, Чишма), *Бәлдий* В (д. Бикмурз. Бир.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Балта* (Саттаров 1981:43) ,букв. «топор, колун»—м. и.+вокативн. суф. *-ий*.

1083. Бәлдийан В (дд. Т.-Елга, Туктаево Балт.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—вероятно, образовано контаминацией апеллятивов *бал* «мед»+*дию* «исполин; сказочный великан»+*жьан* «душа; дух».

1084. Балей В 1891 г. (д. Кулегаш Елабуж. у Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1631)—м. и. Заимств. из тат. яз.—восходит к апеллятиву *бала* «дитя: ребенок: малыш» в вокативн. форме с суф. *-ей*.

1085. Балек В (дд. Ст.-Ямурз. Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бәлик* (Саттаров 1981:52)—м. и.

1086. Балекай В (д. Н.-Дюртюк. Балт.), *Бәлыкәй* В (д. М.-Кельтей)—м. и. Представляет *Балек* в вокативной форме. с суф. *-ай* (см. *Балек*).

1087. Бәлекмәт В (дд. Н.- и Ст.-Ямурз. Балт)—м. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию антропонимов *Бәли* и *Әхмәт* (Саттаров 1981:52, 239)—м. и.

1088. Бәлена В (д. Старотураево)—м. и. Очевидно, восходит к русск. источнику, на что указывает конечный *-на*, обычно выступающий в русских именах западно-европейского происхождения. Ср. Татиана «Татьяна», *Альвина, Галина* (СРЛИ 1966:207, 46, 82)—ж. и.

1089. Бәлеолла В (дд. Ирдуган, Янаульск., Сус.-Эбал)—м. и. Заимств. из тат. яз. *Вәлиулла* (Саттаров 1981:51)—м. и.

1090. Бәлет В (дд. В.-Иван., Кузеево Балт., Н.-Кульчуб. Бир., Н.-Татья, Ст.-Дюртюк. Балт., Торсола), *Балет* В (д. Норк.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Вәлит* (Саттаров 1981:56)—м. и.—в свою очередь восходит к араб. источнику (Гаф. А. ЛК 173), что букв. означает «дитя, потомок».

1091. Бәлеша В (д. Ст.-Ямурз. Балт), *Бәлешә* В (д. Н.-Ямурз. Балт.), *Бәлишә* В (дд. Чишма, Шелкан. Бир.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Вәлиша* (Саттаров 1981:57)—м. и.

1092. Бәли В (дд. Аккуб., Актуг. Калт., Сус.-Эбал., Усак. Бир.), *Балий* Б (д. Кузеево Балт.)—м. и. За-

имств. из тат. яз.: *Вали* (Саттаров 1981:56)—м. и., которое в свою очередь проникло из араб. источника (Гаф. А. ЛК 173), что букв. означает «близкий; святой угодник».

1093. Балиäхмäт В (дд. Маг.-Алмант., Т.-Елга), *Баляхмет* В (д. Ст.-Ямурз. Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.:—представляет контаминацию м. антропонимов *Вали* (см. выше *Бали*) и *Ахмäд* (<араб.: Гаф. А. ЛК 167)— букв. «прославленный».

1094. Бäлий В (д. Нуреево)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Вали́я* (Саттаров 1981:56)—ж. и.

1095. Бäлимä В (д. Калтак.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Вали́мä* (Саттаров 1981:56)— ж. и., что в буквальном переводе на русск. яз. означает «гостья; забавное сборище (собрание); свадьба».

1096. Бäлийä В (д. Н.-Кульчуб. Бир.), *Балия* В (д. Сосновка Мишк.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Вали́я* (<араб.: Саттаров 1981:56)—ж. и.

Балия В (д. Сосновка Мишк.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.; см. выше *Бäлийä*.

1097. Бäлкäмäт В (д. Кузеево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет стяжение антропонима *Вали́äхмäд*<*Вали*+*Ахмäд* — м. имена.

1098. Балкеза В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы), Л (д. Кораксола Совет.), *Бäлкезä* В (дд. Маняк, Нуреево Шаран.), *Балкеза* В (дд. Еммет., Н.-Бура, Сус.-Эбал.), *Балкиза* В (дд. Акб., Аккаин), *Балкизä* В (д. Аккаин), *Балкизя* В (д. Кувак Калт)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Вали́кä* (Саттаров 1981:56)— ж. и.+*изä (-езä)* «?». Или же, наоборот, оно представляет контаминацию *Бал* (от апеллятива *бал* «мед»)—м. и. и формант *-кизä (-кезä)*.

1099. Балки В (дд. Калтак., М.-Буляр, М.-Кельтей, Н.-Татья, Осиновка Муслюм., Чаки), *Балкиа* В (д. Аккуб.), *Балкия* В (дд. Еммет., Маняк, М.-Суксы, Редьк., Чабаевка), *Бäлкия* В (дд. Маядык, Ирдуган. Янаульск.), *Бäлкий* В (д. Искуш)— ж. и. Заимств. из тат. яз.—правда, в тат. словарях и исторических источниках соответствующего антропонима обнаружить нам не удалось. Сопоставляем с тат. *Вали́кый* (Саттаров 1981:52)—ж. и.

1100. Бäлиолла В (д. Старотураево)—м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет фонетически видоизмененный вариант м. антропонима *Бäлеолла* (см. выше).

1101. Б ӓ л л ӓ В (дд. Кузеево Балт., Митряево Калт., Ст.-Ямурз. Балт.)—м. и. представлено и в микротопониме *Бӓллӓ памаш* В (д. Кузеево Балт.— мар. *памаш* «ключ, родник, источник»). Заимств. из тат. яз.—вероятно, представляет контаминацию именных основ *Бал*— м. и. (от апеллятива *бал* «мед») и *ул* «сын» в вокативн. форме с суф. *-ӓ(й)*. Или же перед нами усеченная форма имени *Бӓлеоллӓ*.

1102. Б ӓ л м ӱ к В (дд. Маг.-Алмант., Тибилево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.—очевидно, представляет усеченный вариант м. антропонима *Бӓлмӧхӓммӓт*, образованного контаминацией *Бал* (Саттаров 1981:42) —м. и. и *Мӧхӓммӓт* — м. и.

1103. Б ӓ л м у х а м а т В (д. Маг.-Алмант.)—м. и. Заимств. из тат. яз., см. выше *Бӓлмӱк*.

1104. Б ӓ л н ӧ р В (д. Н.-Иван. Балт.), *Бӓлнӱр* В (д. Ст.-Дюртюк)—м. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию именных основ *Бӓл* (от «мед») и *Нур* (Саттаров 1981:147)—м. и., восходящего к апеллятиву *нур* «луч; сияние, блеск».

1105. Б а л т а г у л В (д. Нововаськ. Мишк.)—м. и. Заимств. из тат. яз.—вероятно, образовано путем контаминации *Балта*—м. и. (от апеллятива *балта* «топор») и *кул* — формант, выступающий в составе тат. имен (от апеллятива *кул* «ручка»).

1106. Б а л т и В — м. и., сохранившееся в составе микротопонима *Балтивынем* (д. Б.-Шукшан Бураевск.— мар. *вынем* «яма»); *Бӓлтий* Б (дд. Б.-Кельтей, Маядык, Сазово, Старотураево)— м. и. То же выступает в составе микротопонима *Балтий олык* В (д. Ст.-Яш—мар. *олык* «луг»), *Балтий* В (д. Маядык)— м. и. и соответственно Балтыев —ф. Заимств. из тат. яз.: *Балта*—м. и., что букв. означает «топор»+вокативн. суф *-ий*.

1107. Б а л т у к о в (Ончыко, 1971, № 4:87: с. Калтаса БАССР)—ф., *Бӓлтӱк* В (д. Тузлуб. Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бӓлтӱк* XIII—XVIII вв. (Юсупов 1960:106)—м. и., вопреки Г. В. Юсупову, усматривающему в данном антропониме булгарское собственное имя.

1108. Б ӓ л ӱ к В (д. Старотураево)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Валюк* (СРЛИ 1966:256)—уменьшительно-ласкат. вариант м. антропонимов *Валентин, Валериан, Валерий*.

1109. Б а л ч и к —м. и., сохранившееся в мар. ойко-

ниме *Бальчик* в Уфим. губ. (СВН 1919:60), ныне (офиц.) мар. д. *Балчиклы* в Бакалинск. р. БАССР (БАССР АТД 1973:53). Этимология не ясна.

1110. Балшекäр В (дд. Нуреево Шаран.), *Балшекар* В (дд. Еммет., Тумбагуш), *Балшикäр* В (дд. Аккуб .,Калтак.), *Балшикар* В (д. Аккаин)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию апеллятивов *бал* «мед» и *шикäр* «сахар».

1111. Балшук В (д. Кузеево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию именных слов *Вäли* и *Шах* (Саттаров 1981:57)— м. и. в оформлении уменьшительно-ласкат. суф. *-ук,* заимствованного в свою очередь из русск. источника.

1112. Бäлышка В (д. Кузеево Балт.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Вäли* (Саттаров 1981:56)— м. и. в уменьшительно-ласкат. оформлении с суф. *-ишк(а).*

1113. Балюк Л (пос. Морки)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Вилюк* (СРЛИ 1966:256)—уменьшительно-ласкат. вариант ж. антропонима *Валерия.*

1114. Балюш Л (пос. Руэм)— м. и. Заимств. из русск. яз.: *Валюшка* (СРЛИ 1966:256)—уменьшительно-ласкат. вариант антропонимов *Валентин, Валериан, Валерий.*

1115. Балиаскар В (дд. Акб., Тумбагуш)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию имен *Бали (Вäли)* и *Асгар.*

1116. Бäмела В (д. Кояш. Калт.)—м. и. Вероятно, заимств. из тат. яз.—соответствующего антропонима в тюркских словарях обнаружить нам не удалось. Ср? *Вäлимä* (АТРСЗ 1969:56) «пир, угощение, банкет».

1117. Банат В (д. Калтак.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Банат, Бäнат* (Саттаров 1981:43, 52)—ж. и —в свою очередь восходит к араб. источнику.

1118. Бану В (дд. Аккаин, Аккуб., Еммет., Калтак., М.-Буляр., Н.-Бура, Осиновка Муслюм.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бану* (Саттаров 1982:42—43)— ж. и., в свою очередь восходит к араб. источнику (АТРСЗ 1965:23), букв. «госпожа, дама, невеста».

1119. Барасия В (д. Кугенер Совет.)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Варася* (СРЛИ 1966:339)—уменьшительно-ласкат. вариант. ж. антропонима *Евпраксия, Прасковья.*

1120. Барбар Л (пос. Морки), *Барбара* В (д. Ма-

ри-Сарамак Кизнер.)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Варвара* — ж. и.

1121. Барбуш В (дд. Б. Лужала, Купсола Серн.)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Варвара* и *Варварушка*—ж. и.

1122. Бäргизä В (д. Н.-Кульчуб. Бир.), *Бäркизä* В (д. Усак. и Шелкан. Бир.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—вероятно, представляет контаминацию апеллятивов *бари* «творец, создатель, бог» и *гыйза* (АТРСЗ 1965:23, 98) «величие, слава, достоинство, могущество».

1123. Баркана Л (д. Б.-Шигак.)—ж. и. Заимств. из русск. яз., ср. *Варган* XV в.—м. и. от апеллятива *варган* (Вес. С. Б. Он. 62) «зубанка, губная гармоника».

1124. Бäркий В (д. Бикмурз. Бир.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäрикä* (Саттаров 1981:52)— м. и. от апеллятива «луч, сияние». В абсолютном исходе выступает вокативн. суф. *-ий*.

1125. Барков (Орай Дм. Оляна 1935:53)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Барковы* 1596 г., Вологда, Коломна (Вес. С. Б. Он. 25)—ф.

1126. Бäркытген В (дд. Калмаш, Н.-Дюртюк. Балт.)— м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäрäкät* (Саттаров 1981:52)—м. и. от арабоязычного апеллятива *бäрäкät* «изобилие, благодействие; экономичность, бережливость».

Очевидно, в мар. варианте *Бäркытген*—м. и. вычленяется композит *тен* (при тат. *дин* «религия, вера»), который широко представлен и в других тат. антропонимах (Саттаров 1981:77), ср. *Динäхмät*—м. и. при м. антропониме *Ахмät*.

1127. Барлам Л (дд. Кугенер, М.-Кужеры)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Варлам* (СРЛИ 1966:68)— м. и.

1128. Барминцев Г (д. Замятино)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Барма* 1545 г., Новгород; 1502 г., Кострома (Вес. С. Б. Он. 25)—крестьянин. Этимологически восходит к русск. апеллятиву *барма* (Вес. С. Б. Он. 25; Баскаков 1979:36) «оплечье, ожерелье».

1129. Бармычев Г (д. Замятино)—ф. из русск. яз.: *Барма, Бармины* 1545 г., Новгород (Вес. С. Б. Он. 26)—крестьяне. Восходит к апеллятиву *барма* «оплечье, ожерелье».

1130. Барский Л (д. Шоруньжа)—ф. Заимств. из русск. яз., ср. русск. дд. *Барские* Кужеры в Моркинск. в. Царевококшайск. у. Казан. губ. ЭССКГ 1913, в. II:5),

Барская Рутка в Ахмыловск. в. Козьмодемьянск. у. Казан. губ. (ССКГ 1913, в IX:6).

1131. Барсон Г (д. Усола)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Барсон* (СРЛИ 1966:69)—уменьшительно-ласкат. вариант м. и. *Варсонофий.*

1132. Бару Л (д. Пуял)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Варушка* — уменьшительно-ласкат. вариант ж. и. *Варвара.* То же у старокрещенных татар: *Баруш* (Воскр. А. 1894:373) «Варвара».

1133. Барышкин Г (д. Н.-Шелаболки)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Барышев* 1495 г., Новгород (Вес. С. Б. Он. 26)— крестьянин. Происходит от апеллятива *барыш* «прибыль, выгода». В мар. варианте антропонима выступает суф. *-к(а).*

1134. Барянгоза В (д. Алгибаш Осинск. дороги 1708 г.: МПИ БАССР 1949, т. 3:41)—мариец. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *-гозя,* исторически восходящий к апеллятиву «хозяин», см. *Байгозьа.*

1135. Басалов Л (К-з «Коммунизм верч» Совет.: Марийская правда, 1974, 10 августа:1)—ф. Заимств. из русск. яз.—от апеллятива *басалай* «щеголь, повеса».

1136. Басанаев СЗ (Яран. р. Киров. обл.)—ф. Заимств. из русск. яз.—вероятно, происходит от апеллятива *баса* яросл. «красота».

1137. Басем В (д. Н.-Кульчуб. Бир.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бäсим* (Саттаров 1981:52)—м. и., образованное от арабоязычного апеллятива *бäсим* «улыбающийся, веселый».

1138. Басенька В (д. Кулегаш), *Бäсенкä* В (д. Кузеево Балт.)—ж. и. Заимств. из русск. яз.—представляет вариант *Васенька* — уменьшительно-ласкат. вариант.

1139. Басетька В (д. Н.-Дюртюк. Балт.)—м. и. Заимств. из русск. яз.—вероятно, восходит к незафиксированному источниками диалектному варианту м. антропонима *Васютка.*

1140. Баси В 1883 г. (Ерусл. ЧРС 99), *Бäси* В (дд. Акуди и Усак. Бир.)—м. и., которое в луговом наречии мар. яз. сохранилось лишь в микротопониме *Баси солмаш олык* (Куженерск. р.: МДЭ МарНИИ 1970 г., тетр. № 150, л. 25)—букв. «луг, где косил Баси». Заимств. из русс. яз.: *Басовы* XVI в. (Вес. С. Б. Он. 26)— несколько родов в Туле, Новгороде и Дмитрове, в основе ко-

торого — апеллятив *баса* яросл., олон. «красота».

В мар. варианте *Баси* вычленяется вокативн. суф. *-и(й)*.

1141. Басика Л (пос. Руэм), В (д. Рефанды)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Васик* (СРЛИ 1966:258)—ласкат. вариант антропонимов *Василий* и *Василиса, Василла*. Мар. вариант отражает незафиксированный русск. *Васика*.

1142. Бäсингä В (д. Айгильд. Бир.)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Васенька* (СРЛИ 1966:258)—уменьшительно-ласкат. вариант. м. антропонима.

1143. Басиров В (д. М.-Буляр: МДЭ МарНИИ 1961 г., тетр. № 93(2):40)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Басыйр* (Саттаров 1981:44)— м. и. от арабоязычного апеллятива *басир* (Гаф. А. ЛК 169) «проницательный».

1144. Бäскä В (дд. Аккаин, Еммет.)—м. и. Оно представлено также в составе микротопонимов: *Баска энер* В (д. Ниж.-Сергинск. р. Свердл.: МДЭ МарНИИ 1968 г., тетр. № 34:12—мар. *энер* «река») и *Баскан куп* «болото»), в последнем варианте из которых антропоним выступает в генетивной форме с суф. *-н*. Заимств. из русск. яз.: либо уменьшительно-ласкат. вариант м. антропонима *Баса*, либо то же от *Вася (Васька)*. Правда, в памятниках письменности мы встречаем мар. антропоним и в виде *Васка* Иванов 1686 г. В (Кунгурск. у.: КА XVII в. 1888:100)—крестьянин.

1145. Басканов Л (д. Мамасево)—ф. Заимств. из русск. яз.— вероятно, образовалась от антропонима *Баска*. Ср. *Басков* Иван 1608 г. и *Баско* 1624 г. (Вес. С. Б. Он. 27)—крестьяне.

1146. Баслеч 1897 г. В (д. Шорабаш. Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ им. Лоб., КУ, № 1406:9)—м. и. Заимств. из русск. яз.—очевидно, отражает отчество *Василыч*.

1147. Бäсли В (дд. Акуди, Усак. Бир., Чишма), *Басли* Л (д. Люльпаны, п. Морки)—м. и. Представлено также в составе микротопонима *Басли лук памаш* Л (Куженерск.: МДЭ МарНИИ 1970 г., тетр. № 150:37—мар. *лук* «угол», *памаш* «ключ, родник, источник»). Заимств. из русск. яз.: *Василий* или его уменьшительно-ласкат. вариант *Васлюк* — м. и.

1148. Баслыча Л (д. Кукмари Совет.)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Василиса* (СРЛИ 1966:258)—ж. и.

1149. Бастай В (дд. Бикмурз. Бир., Василово)—

м. и. и соответственно ф. *Бастаев*. Сюда же относим и *Басьтай* В (д. Чаки)— м. и. и *Бäсти* В (дд. Акуди, Норкино Калт.)—м. и. Заимств. из русск. яз., ср. *Бастановы* 1564 г., Новгород (Вес. С. Б. Он. 27)— помещики, образовано от апеллятива *баста* «довольно, будет», отчего и *бастовать* — в свою очередь восходит к нем. *basta* (Фасмер 1964:132) «тж».

В мар. вариантах выступают варианты (морфы) вокативн. суф. *-(а)й, -ий*.

1150. Батаев Л (дд. Кужмара Зв., Мосара)—ф. Заимств. из русск. яз., ср. *Батов* Алексей Выгозеро (Гильферденг 1900, т. 3:IV)— русский сказочник. Вероятно, происходит от апеллятива *бат* «дубинка; колотушка; кормушка (для скота)».

В мар. варианте вычленяется вокативн. суф. *-ай*.

1151. Бати Л (д. Мамьярово Медв.)—м. и. Заимств. из русск. яз.—того же корня, что и *Батаев* (см. выше), в отличие от которого в данном случае выступает вокативн. суф. *-ий*.

1152. Баткола В (дд. Еммет., Нуреево Шаран.)— м. и. Заимств. из тат. яз.: *Фатхулла* (<араб.: Гаф. А. ЛК 232)—м. и. букв. «победа принадлежит Аллаху»; *Фаткулла* (СЛИН 1979:144)—м. и.

1153. Батку В (д. Аккуб.)—м. и. Заимств. из тат. яз.—вероятно, представляет усеченный вариант м. антропонима *Фаткулла* (см. *Бäткола*).

1154. Батпатыр В (д. Аккуб.)—м. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, представляет контаминацию апеллятивов *бату* «крепость, сила» и *батыр* «богатырь; силач». См. ниже *Бату*.

1155. Баттал В (дд. Акуди, Чишма)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Баттал* (Саттаров 1981:44)—м. и., происходит от апеллятива со значением «герой; богатырь».

1156. Бату В (д. Чишма)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бату* (Саттаров 1981:44)—м. и.; *Бату, или Батый* 1224 г. (Фирсов ЧИП:52)—золотоордынский хан, происходит от апеллятива (монг.) *бату* (Малеин 1911:184; Баскаков 1979:99) «сила; крепость». Широко представлено почти во всех тюркск. языках: башк. *Бату* 1734 г. (МПР 1990, т. I:187)—м. и.

1157. Батурбаев В (дд. Ирдуган. Янаульск., Сус.-Эбал.)—ф .Заимств. из тат. яз.: *Батырбай* (Саттаров 1981:44)—м. и., образованное путем контаминации

апеллятивов *батыр* «богатырь; силач» и *бай* «богатый; богач; хозяин».

1158. Батурша В (дд. Акуди, Чишма, Шелкан. Бир)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Батырша* (Саттаров 1981:44)— м .и., образованное контаминацией *батыр* «богатырь; силач» и *шах* «шах»; *Батур* (Миллер 1910:191)—хан.

1159. Бәтыгий В (д. М.-Кельтей)—м. и.; *Батыгин* Г. (с. Еласы, д. Янгосово)—ф., а также представленная в составе микротопонима *Батыгин затон* Г (д. Сибаторкино). Заимств. из тат. яз.: *Бәдиг* (Саттаров 1981:50)—м. и.

1160. Батый В (д. Н.-Татья)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Батый* (Саттаров 1981:44)—м. и.

1161. Батыма 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ им. Лоб. КУ, № 1406, тетр. № 1:9) — ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Фатыйма* (Саттаров 1981:191)—ж. и.—в свою очередь восходит к арабоязычному композиту со значением «отнятая от груди» (Гаф. А. ЛК 232).

1162. Батыр В (дд. Аккуб., Актуг, Калт., М.-Буляр, Нуреево Шаран., Чабаевка: Ямде лий, 1972, 9 окт.:4)—м. и. и соответственно ф. *Батыров*. Заимств. из тат. яз.: от апеллятива *батыр* «герой; богатырь; силач».

1163. Бәтыргәрәй В (дд. Аккуб., Акб., Тумбагуш), *Батыргәрей* В (д. Еммет.)—м. и. и соответственно ф. *Батыргареева* (Ямде лий, 1976, 22 мая:4)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Батыргәрәй* (Саттаров 1981:44)—м. и., образовано сложением *батыр* «богатырь; силач» и арабоязычн. м. антропонима *Гарей* (Гаф. А. ЛК 176).

1164. Батрий Л (пос. Руэм)—ж. и. Происхождение неясно. Возможно, заимств. из русск. яз., ср. *Патрикея* (СРЛИ 1966:176)—ж. и.

1165. Батыршин В (дд. Акуди, Чишма, г. Бирск) Заимств. из тат. яз.: *Батырша* (Саттаров 1981:41)—м. и. Ср. *Батырша* 1773 г. (ДСППВУ 1975:68)—казанский мулла в войсках Е. И. Пугачева.

1166. Бәтыш (д. Б. Кельтей)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Батыш* (Саттаров 1981:44)—м. и., встречается и в других тюркск. языках (Гаф. А. ЛК 169), происходит от апеллятива «герой; богатырь».

1167. Бахатов Л (д. Ерсола Морк.: Марий коммуна, 1975, 18 июня:3)—ф. Заимств. из тат. яз., ср. *Ба-*

хадур (Гаф. А. ЛК 170)—м. и. от апеллятива *батыр* «герой, богатырь».

1168. Бәхит В (д. Калтак.)—м. и., *Бахитов* В (д. Н.-Ямурз. Балт.)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Вәхит* (СЛИН 1979:132)— м. и., образовано от арабоязычного апеллятива со значением «единый».

1169. Бахтеряк 1679 г. В (Кугунурск. у. КПКТ б/д: *Бахтеряк* Кадев — мариец. Представляет контаминацию именных основ *бәхет* «счастье» и *тирәк* «осокорь; тополь».

1170. Бәхтигәрәй В (д. М.-Буляр)—м. и. и *Бахтигареев* В (д. Филимон. Мензел)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Бәхетгәрәй* (Саттаров 1981:52)—м. и.

1171. Бахтеев Л XVI—XVIII вв. (с. Сидельник., ПГСКГ 1892:76)— мариец. Заимств. из тат. яз.: *Бәхет* (Саттаров 1981:52)— м. и., от апеллятива *бәхет* «счастье».

1172. Бахтин Л (дд. Мамасево, Часовен.)— ф. Заимств. из тат. яз.—тот же корень, что и в антропониме *Бахтеев* (см. выше).

1173. Бахтыбай В—м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Бахтыбаево* Бир. (при ключе Перша Бирск. у. Уфим. губ.: СССУГ 1899, т. V:430). Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию апеллятивов *бәхет* «счастье» и *бай* «богатый; богач; хозяин».

1174. Бәчкә В (д. Калтак)— м. и. офиц. *Васька*. Заимств. из русск. яз.: *Васька* — уменьшительно-ласкат. вариант антропонима *Василий*. В то же время небезынтересно сопоставление его с тат. *Бячкя* (у старокрещенных татар Казан. губ.: Воскр. А. 1894:371) «Васька», что допускает возможность двоякого объяснения данного мар. антропонима: или же он проник из русск. параллельно в оба языка, либо мар. м. и. тат. происхождения.

1175. Бачук В (д. Н.-Кульчуб. Бир.)—м. и. Заимств .из русс. яз.: *Васюха* (СРЛИ 1966:258)—уменьшительно-ласкат. вариант ж. антропонимов *Василиса* и *Васса*.

1176. Бәшер В (дд. Кузеево Балт., Т.-Елга)—м. и. *Баширов* В (с. Мишкино, дд. Кадряк., Ст.-Дюртюк.)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Бәшир* (Саттаров 1981:82)—м. и.

1177. Башибек 1717 г. В (д. Чибулды Уфим. губ.

МПИ БАССР 1949, т. 3:156)—м. и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный композит *-бек* «бек». Начальная часть отражает упрощенный вариант антропонима *Башки,* который мы наблюдаем в мар. ойкониме *Башкибаш* в Татышлинск. р. БАССР (СССУГ 1899, т. V, Бирск. у. Уфим. губ.: 354; БАССР АТД 1973:264). Тем самым праформа мар. антропонима *Башибек* могла быть восстановлена в виде *Башкибек.*

1178. Баюкв (д. Чаки)—м. и. Возможно, заимств. из русск. яз., на что указывает конечный суф. *-ук (-юк),* ср? *Васюха* «Васенька».

1179. Баюрша в (дд. Актуг. Калт., Нововаськ, Мишк., Бабак, Сус.-Эбал.)—м. и., соответственно *Баюршин*—ф. Заимств. из тат. яз.; на что указывает конечный. композит *-ша,* исторически восходящий к апеллятиву *шах* «шах». Начальный компонент сопоставляем с башк. *Баюрас* 1735 г. (Добросмыслов МПИР 1900, т. II:141)— башкир. Телевск. волости.

1180. Баяз в (дд. Ирсаево Мишк., Коян., Н.-Кульчуб. Бир., Н.-Васьк. ,с. Мишкино)—м. и. и соответственно *Баязов* — ф. Заимств. из тат. яз. В тат. словарях соответствия ему мы не находим, но параллели представлены в других тюркск. языках: *Баяз* (<араб.: Гаф. А. ЛК 170)—м. и., букв. «белый, белая».

1181. Баязет в (дд. Кайрак., Калмаш), *Баязит* в (дд. Бабаево, Маняк, Н.-Дюртюк., Редьк.: Ямде лий, 1973, 20 января:4; Староакбулат. Мишк., Усак. Бир., Чемаево, Чураево, Шелкан. Бир.)—м. и. и соответственно *Баязитов*—ф.; *Баязитов (Боязитов)* в (д. Старая Кушкеть Цыпинск. в. Малмыж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. 2, ед. хр. 1701, 1891 г.)—ф. (мариец). Заимств. из тат. яз., *Баязит* (<араб.: Саттаров 1981:44)—м. и.

1182. Баяисуло в (дд. Баймурз. Мишк.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию м. антропонима *Баян* [ср. *Баян* 1301 г. (Фирсов Н. ЧИП 1920:53)—золотоордынский хан] и апеллятив *сылу* «красивый; миловидный; изящный». Ср. *Айсуло*— ж. и., где *ай* «луна».

1183. Бебкай в (д. Н.-Дюртюк. Балт.), *Бебекай* в (с. Мишкино), *Бебыкай* в (д. Б. Шиды)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бибикай* — ж. и., в котором вычленяются *биби* «госпожа; дама; хозяйка» и суф. *-кай (-кай).*

1184. Бегеней в (МДЭ МарНИИ 1959 г., тетр. № 70:99)— один из основателей мар. д. Норкино Калт.

Вероятно, заимств. из русс. яз., ср. *Бегин* 1773г. (ДСППВУ 1975.465)—секретарь Воронежской губ. канцелярии. В мар. *Бегеней* выступает вокативн. суф. *-ей.*

1185. Бедай I Л (пос. Морки)—ж. и. Вероятно, заимств. из русск. яз., ср. *Бета* (СРЛИ 1966:253)—уменьшительно-ласкат. вариант ж. антропонима *Берта.* В мар. варианте выступает вокативн. суф. *-ай.*

1186. Бедай II В 1865 г. (Алонз. свящ.—ПКОГ 1865:3)— «родоначальник черемисского племени, которого киреметь соблазнил поклониться киреметью и его слугам». Заимств. из русск. яз.: *Беда* Алексей XVI в. (Вес. С. Б. Оп. 31)—дьяк вел. кн. Василия Темного. В мар. варианте выступают вокативн. суф. *-ай.*

1187. Бедаска (Коведяев 1918:17)—ж. и., *Бедаскаев* В 1897 г. (д. Шорабаш Мамсинск. в. Казан. у.: РФ НБ им. Лоб. КУ, № 1406:9)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Федоска* (СРЛИ 1966:217)—уменьшительно-ласкат. вариант. м. антропонима *Федосий.*

1188. Бедей В—м. и. одного из основателей мар. д. Старобедеево Нуриман. Заимств. из русск. яз.: *Беда* (см. выше *Бедай* II)—м. и. в вокативн. форме с суф. *-ей.*

1189. Бедексей Л (д. Купсола Серн., Ерофейк.), *Ведексей* В 1891 г. (д. Побайнур Арбор в. Малмыж. у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1676)—м. и. и соответственно Бедексеев—ф. Очевидно, заимств. из русск. яз., ср. *Федоска*—уменьшительно-ласкат. вариант м. антропонима *Федосий.*

1190. Бедера Л (дд. Пуял., Старокрещено, пос. Руэм)—ж. и. Заимств. из русск. яз.—вероятно, представляет собой женский вариант м. антропонима *Бедарь: Бедарь* 1499 г., Владимир (Вес. С. Б. Оп. 31)—м. и.

1191. Бедеса Л (д. Старокрещено), Бедоси Л (д. Отымбал)—ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Федоса*—уменьшительно-ласкат. вариант ж. антропонима *Федосия.*

1192. Бедечай В (д. Н.-Бура)—ж. и. Заимств. из русск. яз.— представляет фонетический вариант ж. и. *Бедеса* (см. выше).

1193. Бединга Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк)—м. и. Заимств. из русс. яз.: *Веденька* (СРЛИ 1966:259)—уменьшительно-ласкат. вариант м. и. *Вениамин* и *Венедикт.*

1194. Безәй В (дд. М.-Суксы, М.-Буляр), *Беза* В (д. Шелкан. Бир.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—восходит к апеллятиву *бизәй* «украшение». К сожалению, в тат. источниках такого антропонима не зафиксировано.

1195. Безәк В (дд. Аккуб., Нуреево Шаран.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—восходит к апеллятиву *бизәк* «украшение, узор; отделка».

1196. Безар В (д. Н.-Кульчуб. Бир.), *Безәр* В (дд. Еммет., Нуреево Шаран.)— ж. и. Вероятно, тат. происхождения и восходит к апеллятиву *бизар* «питающий отвращение, избегающий чего-л.»

1197. Бейрош В (д. Нуреево Шаран.)—м. и. Происхождение не ясно, но вполне возможно, что оно тат. происхождения.

1198. Бекберде В (д. Нуреево)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бикбирде* (Саттаров 1981:47)—м. и., образовано контаминацией *бик* «очень» и *бирде* «дал (-а, -о)», т. е. «(бог) желаемого дал».

1199. Бекбулат В (д. Мари-Олык Мишк.) и *Бекбулатка* 1678 г. Л (д. Ковали: Архив Айпл. II:402), *Бекбылат* В (д. Нуреево Шаран.), *Пекпылат* В (д. Урсаево Шаран.)—м. и. и *Бекбулатов* В (Бирск. кантон: У илыш, 1925, № 11:21)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Бекбулат* 1552 г. (Лерберг ИСОДИ 1819:74)—казанск. хан, *Бек Булат* Алтышев 1896 г. (ППК XVII в. 1896:326)—нижегородск. татарин. Представляет сочетание *бек* «дворянин» и *булат* «сталь».

К тому же тат. источнику восходит и чув. антропоним *Бекбулат: Бекбулат* Бегишев 1620 г. (Золотн. Н. И.—ТЧАС 1884, т. I:158).

1200. Беклемишев Л (дд. Кутюкинер Морк., Коркат., Кожлаер)—ф. и О. А. *Беклемишева* Л (Ончыко, 1978, № 5:81)—одна из первых учителей-мариек в Кожлаерской школе, работавшая в 1910 г.

Заимств. из тат. яз.: *Биклӓмеш* (Саттаров 1981:47)—м. и.

1201. Беклис В (д. Селенур Уржум.)—м. и. (офиц. *Феоктис, Феликс*). Заимств. из русск. яз.: *Феликс*.

1202. Бекма В (д. Ст.-Дюртюк.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бикмӓн* (Саттаров 1981:48)—м. и.

1203. Бекмурза В (дд. Бирюбаш, Нуреево, Усак. Бир.)—м. и., представлено в составе мар. ойконима *Бекмурзино* Бир. как имя одного из основателей упо-

мянутого селения. Заимств. из тат. яз.: *Бек Мурза* XVI в. (ВМОИДР 1851:130)—казанский хан.

1204. Бекслу В (д. Еммет.), *Бексылу* В (д. Нуреево Шаран.)— ж. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, представляет контаминацию апеллятивов *бик* «очень» и *сылу* «красивый, миловидный; изящный».

1205. Бексылтан В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы)— ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Биксолтан* (Саттаров 1981:48) —ж. и.

1206. Бектаир В (дд. Еммет., Нуреево Шаран.), *Биктайыр* В (д. Акб.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Биктахир* (Саттаров 1981:48)—м. и.

1207. Бектарей В (д. Нуреево Шаран.)—м. и. Заимств. из тат. яз.—вероятно, восходит к *Биктахир*— м. и., осложненному суф. *-ей*.

1208. Бектемыр В (д. Н.-Ямурз. Балт.), *Бектемыр* В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы)—м. и. и *Бектемиров* 1892 г. В (д. Бугалыш Перм. губ.: Скалозубов 1892:37)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Биктимир* (Саттаров 1981:48), старокыпчак. *Бектемӱр,* казах. *Бектемир* (Курыш. А. К. ИПЛС:95)—м. и., букв. «правитель-железо».

1209. Бектуг XVI в. В (Малмыж. край Вят. губ.: СНМ по свед. 1859—1873 гг., т. III:XXXI)— имя второго мар. князя в г. Малмыже Вят. губ., который «не хотел добровольно подвергнуть свой народ власти победителей. Это заставило послать Ивана IV часть своего войска, чтобы привести его в повиновение» (Васильев 1870, т. I:85). Могли бы принять за достоверную передачу имя мар. князя и отнести его в разряд тат. заимствований: *Биктутук* (Саттаров 1981:48)—м. и., в котором усматривается контаминация одного из широко распространенных в тат. именнике начального композита *бäк* «?» и *тутук* — назв. титула.

Однако этому препятствует то, что имя другого князя, предшественника его, *Болтуша*, в памятнике упоминается в виде *Бокту*г. По всей вероятности, перед нами неправильная передача переписчиками действительной формы *Бектуш,* в каковой встречается оно (м. и.) и в других исторических памятниках мар. народа: *Бектуш* 1678 г. (волость Пораты: Архив Айпл. II:551)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *бек* «дворянин; богач» и *туш* «?».

1210. Бектуш 1678 г. Л (волость Пораты: Архив Айпл. II:551)—м. и. см. выше *Бектуг*.

1211. Бектян В (д. Осиновка Муслюм.), *Бекъян* В (дд. Еммет., Нуреево Шаран., Усак. Бир., Чишма, Чупаево Шаран.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бикжьан* (Саттаров 1981:49)—м. и., представляет контаминацию *бик* «бек» и *жьан* «душа, дух».

1212. Бекшик — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Бекшиково* В (СССУГ 1899, т. V:427), как и *Пекшик* Л — в составе мар, наимен. д. *Пекшиксола* Медв. (мар. *сола* «деревня»). Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию апеллятивов *бик* «бек» и *шайх* (шейх) «духовный наставник».

1213. Бел — один из композитов псевдонима *Бел. Кон.*— известного мар. писателя Константина Ивановича *Беляева* (Васин К. 1965:15). Представляет усечение с его фамилии.

1214. Белдян Л (Энгервож Зв.)—м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию апеллятивов *бил* «талия; поясница» (в значении «защита») и *жьан* «душа, дух». Ср. тат. *Билгилде* (Саттаров 1981:48)— м. и., в букв. переводе означает «защита пришла».

1215. Белет В (д. Н.-Кульчуб. Бир.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Вялит ~ Вялид* (Саттаров 1981:56), м. и., в свою очередь восходит к араб. источнику (Гаф. А. ЛК 173)—букв. «дитя, потомок».

1216. Белиан Л (Энгервож Зв.)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Бели* (СРЛИ 1966:252)—м. и.

1217. Белле В (д. Ст.-Ямурз. Балт.)— м. и. Заимств. из русск. яз.: *Бэлла* (СРЛИ 1966:252)— уменьшительно-ласкат. вариант ж. антропонима *Изабелла.*

1218. Беляков Л (дд. Б.-Орша, Данилк. Волж., Пуял. Чапейк.)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Беляйко* Иванов 1621 г. (ППК XVII в. 1896:108)—нижегородск. крестьянин.

1219. Бепебеков XVIII в. (Трефилова 1957:17)— мариец. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *бек* «бек».

1220. Бердикаев В (дд. Акб., Еммет., Нуреево Шаран.)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Бердыкеев* 1701 г. (МПИ БАССР 1949, т. 3:11)—башкир. Представляет контаминацию апеллятива *берди* «дал» и уменьшительно-ласкат. суф *-кай (-кәй).*

1221. Берляк СЗ — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Берляки* (Енаево) в Яран. у. Вят. губ., 1877 г .(ВЛГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 797),

Пырляк (МДЭ МарНИИ 1964 г., тетр. № 118:73; МФЭ 1966, тетр. № 31:21)—его мар. наимен.

Заимств. из тат. яз., на что указывают составляющие название компоненты: *бер* «один» и суф. *-лäк*. Ср. тат. *ерма* «прорыв»+-лäк =*ермалак* (Ганиев 1974:118—119) «ручеек после дождя».

Берлак>*Пырляк* — на мар. почве.

1222. Берна — м. и., сохранившееся лишь в мар. ойкониме (Свердл. обл.: МФЭ МарНИИ 1968 г., тетр. № 3:9): *Берна кутыр* (<*кутыр*<русск. *хутор*). Заимств. из тат. яз.— восходит к апеллятиву *бирнä* «подарок невесты жениху и его родным». Такого же происхождения, следует полагать, и русск. антропоним *Берниша*: Иван *Берниша* 1545 г., Новгород; *Бернов* XV в. и производное от него с. *Берново* на р. Тьме (Вес. С. Б. Он. 37).

1223. Бернико в Л (д. Шуарсола: Ямде лий, 1973, 10 марта:1)— ф. Заимств. из русск. яз., ср. *Берниша* Иван XV в. (Вес. С. Б. Он. 37)—новгородск. крестьянин.

1224. Берта Г (с. Кузнецово)— ж. и. Заимств. из русск. яз.: *Берта* (СРЛИ 1966:63)—зап.-европ. ж. и.

Такого же происхождения и казах. *Берта* — ж. и., которое Т. Джанузаков (1982:134) возводит к германск. источнику — букв. «блестящая, светлая».

1225. Бершак — м. и., сохранившееся лишь в составе гидронима *Бершак* (СМОЗВГ 1903, т. V, в. 1:10)— приток Большой Кокшаги. Заимств. из тат. яз., на что указывают составляющие это назв. компоненты *бир* (др.-тат *бер*) «один» и суф. *-шäк*. Ср. *купшак* (Ганиев 1974:183—184) «легко отделяемый».

1226. Беспалов Г (с. Еласы), Л (дд. Карай, Турун., М.-Билямор, Шеклянур)— ф. Заимств. из русск. яз.: *Безпалов* Иван 1896 г. (ППК XVII в. по Н.-Новг. 1896:8)—нижегородец; Мирон *Беспалый* (Смирнов 1893: 283)—один из литературных героев произведения.

1227. Бет В — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Бет-Кукмор* XVII в. (Айпл. 1967:145). Заимств. из русск. яз.: Федор *Бет* 1624 г., Н.-Новг.; *Бетин* Угрим 1585 г., Тверь (Вес. С. Б. Он. 37—38).

1228. Бетиста Г (дд. Березово, Яштуга)—ж. и. Заимств. из русск. яз., ср. *Вестиста* (<греч.: СРЛИ 1966:261, 74)— ласкат. вариант. ж. антропонима *Веста*.

1229. Бетка (Коведяев 1918:17), Л (д. Савактӱр)—

м. и. Заимств. из русск. яз. (см. выше): *Бет* — м. и.+ уменьшительно-ласкат. суф. *-к(а)*.

1230. Бешболдо В — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Баш-Болдо* в Мамадышск. у. (согласно преданию — местопребывание мар. князя *Эшполдо*, XVI в.: Егоров 1929:56). Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию числит. *биш* «пять» и *болдо (булды)* «стало». Образование имен с помощью числительных, как совершенно справедливо отмечают Хусаинов К. Ш., Таужанов К. (1980:157), весьма характерно для тюркоязычных народов: имя может быть связано с цифрами от 2 до 15 и означать, каким по счету ребенком в семье человек родился. Например, *Екибай* — м. и. от (казах.) *еки* «два» и *бай* «богатый; богач; хозяин»; *Бесбай* (казах) от *бес* «пять» и *бай* «тж».

1231. Бешкорай В — м. и., сохранившееся лишь в составе годонима: *Бешкорай урем* В (д. Маядык)— мар. *урем* «улица». Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию *биш* (<др.-тат. **беш*) «пять» и *курай* (<др.-тат. **корай*) «дудник (музыкальный инструмент)».

1232. Бею Л (д. Шудасола)— м. и. Заимств. из русск. яз.: *Вея* (<лат.: Вес. С. Б. Он. 262)— уменьшительно-ласкат. вариант м. антропонима *Федя*.

В мар антропониме вычленяется вокативн. суф. *-у(-ю)*.

1233. Бибариска: *Бибариска* Тинсулбин Л 1678 г. (волость Шашни: Архив. Айпл. II:594)— м. и. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию апеллятивов *бик* «очень» и *барис* «барс». Ср. *Ахпариска* 1678 г. Л (д. Пишжан-Кукморь: Архив Айпл. II:414)— м. и. при м. антропониме *Пекпарис* 1676 г. (СД д. Б. Арбор Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО ф. 574, оп. I, ед. хр. 99).

1234. Бибек В (д. Н.-Дюртюк. Балт.), *Бибекай* В (д. Тибилево Балт.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—представляет сложение *биби* «госпожа; дама; хозяйка» и уменьшительно-ласкат. суф. *-кай (-кай)* или *-ек* «?».

1235. Бибгайша В (д. Н.-Дюртюк), *Бибигайша* В (дд. Ст.-Ямурз. Балт., Тибилево, Тузлуб., Яптимирово) — ж. и. Заимств. из тат яз.: *Бибигайшә* (Саттаров 1981:45) — ж. и., образованное контаминацией двух лек-

сем: *биби* «госпожа; дама; хозяйка» и *гайша* (<араб.: Гаф. А. ЛК 175), букв. «живущая».

1236. Бибикай В (дд. Гаречка, Елыш., Тёрсола Балт.), *Бибыкай* В (дд. В. и Н.-Иванаево, Семенк., Калт., Ст.-Ямурз. Балт.), *Бибыкай* В (д. Н.-Дюртюк Балт.)—ж. и. *Бивыкай* В (д. Старотураево)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бибикә* (Саттаров 1981:45)—ж. и.

1237. Бибиямал В (дд. Маг.-Алм., Т.-Елга, Кузеево Балт.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бибижьамал* (Саттаров 1981:46)—ж. и. от апеллятива *биби* «госпожа, дама; хозяйка» и *жьамал* (<араб.: Гаф. А. ЛК 182) «красота, совершенство».

1238. Бивеев В (д. Актуг. Калт)—ф. Заимств. из тат. яз.— производное от того же апеллятива *биби* «госпожа, дама; хозяйка».

1239. Бивий В (д. Ст.-Дюртюк., Тузлуб.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—представляет фонетический вариант от *биби* «госпожа, дама; хозяйка» в вокативн. форме с суф. *-ий*. Но к русск. источнику следует отнести *Биви* Л (И.-ол. говор)—ж. и. Ср. русск. *Фива* (СРЛИ 1966:973)—ж. и. в том же мар. морфологическом оформлении.

1240. Бигеев 1891 г. В (дд. Старая Кушкеть, Тогошнур, Ципьинск. в. Малмыж. у. Вят. губ.—ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 170)—ф. Заимств. из тат. яз.: *Биги* (Саттаров 1981:4)—м. и., восходит к арабоязычному апеллятиву *биги* «мужчина; герой, богатырь».

1241. Бигильдин Л 1678 г. (волость Пораты: Архив Айпл. II:549)—ф. Заимств. из тат. яз. *Бигилде ~ Бикилде* (Саттаров 1981:47)—м. и. Представляет контаминацию апеллятивов *би* «князь, вельможа; господин» и *килде* «пришел».

1242. Бигимов В (д. Чупаево: Ямде лий, 1978, 19 авг.:4)—ф. Заимств. из тат. яз.—вероятно, представляет контаминацию апеллятивов *би* «князь, вельможа; господин» и *ким* «меньший».

1243. Бигишна XVII в. (Айплатов 1967:145)—м. и., сохранившееся в назв. мар. волости в Казан. у. Заимств. из тат. яз.: *Бигиш ~ Бигеш* (Саттаров 1981:47)—м. и. Представляет определенные трудности конечный *-на*. Не исключено, что он такого же происхождения, что и суф. *-най (-най)*, встречающийся в тат. яз. в нескольких словах: *багана* «столб»—по Ф. А. Ганиеву

(1974:128—129) от др.-тюрк. *баг* «предмет связывания, прикрепления».

1244. Бидаска 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ НБ им. Лоб. КУ № 1406:1)—м. и. Вероятно, заимств. из русск. яз.: *Федоска* (СРЛИ 1866:371)—м. и.

1245. Бидынка 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ НБ им. Лоб. КУ № 1406:1)— м. и. Заимств. из русск. яз.: *Веденя, Ведей* (Вес. С. Б. Он. 81)— ласкат. формы м. и. *Венедикт.*

1246. Бидыш 1897 г. В (д. Шорабаш Мамсин в. Казан. у.— РФ НБ им. Лоб. КУ № 1406:1)—м. и. Заимств. из русск. яз.—вероятно, образование с суф. *-иш* от *Феда, Федик* — ласкат. варианты м. антропонима *Федор.*

1247. Бижәй В (д. Аккуб.)—м. и. Заимств. из тат. яз.: *Вежак* 1570 г., Новгород (Вес. С. Б. Он. 64)—м. и. в котором вычленяется суф. *-ак,* как и в мар. варианте вокативн. формант *-(а)й.*

1248. Биза В (дд. М.-Буляр, М.-Суксы)—ж. и. Заимств. из тат. яз.— восходит к апеллятиву *бизәү* «украшать, украсить; украшение».

1249. Бизар В (д. М.-Буляр), *Бизәр* В (д. Аккуб.), *Бизәрь* В (Нуреево Шаран.)—ж. и. Заимств. из тат. яз.—восходит к апеллятиву *бизар* «усталый, измученный».

1250. Бика В 1897 (д. Шорабаш Мамсин. в. Казан. у.— РФ им. Лоб. КУ № 1406:1), В (дд. Митряево Калт., М.-Суксы, Н.-Татья), *Бикә* В (дд. Акб., Аккаин, Аккуб., Кальак., Маядык, М.-Буляр, Осиновка Мусл., Чаки Шаран.), *Пикә* В (д. Рефанды)—ж. и. Заимств. из тат. яз.: *Бикә* «дама; госпожа; барыня; хозяйка».

1251. Бикаев В (д. Василово Калт.)—ф. Заимств. из тат. яз.— вероятно, восходит к апеллятиву *бик* «запор, затвор, замок, засов, щеколда». Того же происхождения, следует полагать, *Бикеев:* морд. *Бикеев* (с. Темяшево: Бабушкина 1966:205)—ф.

1252. Бикбай Л (д. Кораксола Совет.; Мари-Купта: Ямде лий, 1973, 28 апреля:3), В (дд. Акб., Аккуб., Аккаин, Калтак, Маняк, Нововаськ, Тибилево, Филимон. Менз.), 1891 г. (д. Кадряк. Елабуж. у. Вят. губ.: ГАКО ф. 574, оп. 1, ед. хр. 1631) и соответственно *Бикбаев* — ф. Заимств. из тат. яз.: *Бикбай* (Саттаров

1981:47) — м. и., образованное контаминацией *бик* «очень» и *бай* «богатый; богач; хозяин».

1253. Бикбатыров В (дд. Актуг. Калт., Калтак., Киебак) — ф. Заимств. из тат .яз.: *Бикбатыр* — м. и. Представляет контаминацию *бик* «очень» и *батыр* «богатырь; силач».

1254. Бикбер~Биквер В (дд. Н. и Ст.-Тумбагушево) — м. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, связано с антропонимом *Бикберде* (Саттаров 1981:42) — м. и.

1255. Бикбулат В (дд. Маг.-Алм., Староакбулат. Мишк., Ст.-Ямурз. Балт., Т.-Елга), *Бикбӱлӓт* В (д. Аккаин), *Бикбылат* В (д. Аккуб.) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Бикбулат* (Саттаров 1981:47) — м. и.; *Бикблат* Бихтемир в 1773 г. (ДСПВУ 1975:329) — татарин Казан. у., башк. *Бикбулат* (Кузеев 1960:59) — м. и.

1256. Бикзигит В(д. Б.-Шиды), *Пекжьыгыт* В (д. Старобедеево) — м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию лексем *бик* «очень» и *егет* «джигит; молодец; храбрец».

1257. Бикзян В (д. Калтак.; М.-Буляр, Филимон. Менз.) — м. и. и В (д. Шопкер Муслюм.: Ямде лий, 1978, 5 августа:3) — один из основателей названного мар. селения. Заимств. из тат. яз.: *Бикжьан* (Саттаров 1981:48) — м. и. Представляет контаминацию апеллятивов *бик* «очень» и *жьан* «душа, дух», букв. «крепкой души».

1258. Бикий Л (д. Кораксола Морк.) — ж. и. Заимств. из тат. яз.— восходит к апеллятиву *бикӓ* «дама; госпожа; барыня; хозяйка»+мар. вокатив. суф. *-ий*.

1259. Бикиш В (дд. М.-Буляр, М.-Суксу) — м. и. Заимств. из тат. яз.— представляет контаминацию апеллятивов *бик* «очень» и *иш* «пара; чета; товарищ, друг».

1260. Бикмасев В (д. Староваськ. Мишк.), *Бикмасов* В (д. Староарзамат.) — ф., *Бикмӓсь* — м. и., сохранившееся в составе мар. ойконима (д. *Бикмесь* — офиц. в Сармановск. р. Татарии (ТАССР АТД 1963:196). Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный формант *-мас(-мӓс)* с каритивным значением. Ср. тат. *белмӓс* «невежда, незнающий» от *белӱ* «знать, узнать, быть в курсе дела».

Более ранним заимствованием является *Пекмас* — м. и., сохранившееся в составе микротопонима *Пекмас павай лук* В (д. Семенк. Калт.— мар. *павай* «дядя», *лук* «угол»).

1261. Бикметов В (д. М.-Суксы) — ф. Заимств. из тат. яз., ср. башк. сс. *Бикметово* в Туймазинск. и Чекмагушевск. рр. Башкирии (БАССР АТД 1973:295, 270). Саттаров не приводит в своем словаре такое имя. Представляет стяжение арабоязычного антропонима *Бикмөхәммәт* (Саттаров 1981:48) — м. и.

1262. Бикмурзин В (дд. Б.-Шиды, В.-Иван. Балт., Еммет,. Осиновка Муслюм., Калмиябаш, М.-Буляр) — м. и., *Бикмурза* и *Токмурза* В (д. Ныргында) — в Каракулинск. р. Удм. АССР (по тополегенде). *Бикмурзин* В (дд. Актуг. Калтас., Бирюбаш, Калтак., Староакбулат. Ст.-Яш, Чебык.) — ф. Ср. *Бикмурзин* — мар. писатель из д. Бирюбаш — отсюда и его псевдоним *А. Бик*. Заимств. из тат. яз.: *Бикморза* (Саттаров 1981:48) — м. и., представляющее контаминацию имен *бик* «очень» и *морза* «мурза».

1263. Бикмухаметов В 1891 г. (д. Пукшинеры Малмыж, у. Вят. губ.: ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1702) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Бикмөхаммәт* (Саттаров 1981:48) — м. и.

1264. Бикташев В (с. Мишкино) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Бикташ* (Саттаров 1981:48; Шайхулов 1981:381) — м. и. Образовано контаминацией *бик* «очень» и *таш* «камень», букв. «крепок как камень».

1265. Биктов В (д. Бирнюш : Ямде лий, 1976, 30 окт.:4) — ф. Заимств. из русск. яз.: *Викта* (СРЛИ 1966:262) — уменьшительно-ласкат. вариант антропонима *Виктор*.

1266. Биктубай В (дд. Кайрак., Калмиябаш, Маяк, Староваськ., Чураево: Ямде лий, 1976, 22 мая: 3; с. Мишкино) — м. и., и соответственно *Биктубаев* — ф. Заимств. из тат. яз. — представляет контаминацию апеллятивов *бик* «очень», *туй* «свадьба» и *бай* «богатый; богач, хозяин».

1267. Биктуганов В (д. Маняк) — ф. Заимств. из тат. яз.: *Биктуган* (Саттаров 1981:48) — м. и. Образовано сложением *бик* «очень; крепкий» и *туган*, башк. *тыуган* «родился» (Кусимова Авт. к/д 52).

1268. Биктыр Л (дд. Ирмучаш, М.-Лебляк, Пибахтино, Янгранур, с. Куракино Параньг.) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Виктор* — м. и. от лат. апеллятива со значением «победитель» (СРЛИ 1977:75).

1269. Биктыш В — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконима *Биктышево* Шаран. Заимств. из

тат. яз.— представляет контаминацию апеллятивов *бик* «очень» и *тыш* «вне, сверх, кроме».

1270. Бикуза В (дд. В.-Иван., Кузеево Балт., Тибилево)— ф. Заимств. из тат. яз.: *Бикхужьа* (Саттаров 1981:48)—м. и. Образовано сложением *бик* «очень» и *хужьа* «хозяин, владелец».

1271. Бикулов Л (дд. Веденькино, Ст. Юледур)— ф. Заимств. из тат. яз.: *Биккол* (Саттаров 1981:47)— м. и. *Бикулов* Абдраш 1773 г. (ДСППВУ 1975:329)—татарин из д. Барсул Казан. у. Представляет контаминацию *бик* «очень» и *кол* «раб, невольник».

Такого же тат. происхождения и назв. мар. д. *Биккулово* в Шаран. р. БАССР. Правда, в записях Г. А. Сепеева (1964:13) представлена в форме *Бикулово,* наимен, которого он возводит к имени одного из основателей селения *Пекул.* Вполне возможно, что современная графическая передача обусловлена влиянием тат. литературной нормы изображения. Ср. *Биккулово* — ряд тат. и башк. дд. в Башкирии (БАССР АТД 1973:331—332) и мар. тат. с. *Бикулово* в Октябрьск. р. Татарии (ТАССР АТД 1963:257).

Пекул В и Пекыл Л (д. Яндимир. Параньг.)— м. и., являются более ранними тат. проникновениями, нежели *Бикул(ово).*

1272. Бикшик В — м. и., встречающееся лишь в составе мар. ойконима. Заимств. из тат. яз., см. выше *Бекшик.*

1273. Бильип — м. и., представленное в составе микротопонима *Бильип олык* В (с. Кильмез: МДЭ МарНИИ 1963 г., тетр. № 110:57 — мар. *олык* «луг»). Заимств. из русск. яз.: *Филипп* (СРЛИ 1966:222)—м. и.

1274. Бимась Л — м. и., сохранившееся лишь в составе гидронима *Бимасьенер* в Косолаповск. приходе Ирмучашск. в. Урмуж. у. Вят. губ., 1891 г. (ВЛ—ГАКО, д. 771): д. Малая Мунамарь при речке *Бимасьенер.* Ср. мар. *энер* «река».

Заимств. из тат. яз. ,на что указывает конечный каритивн. суф. *-мас* «не, без». Ср. *Аймасов* — ф., от *ай* «луна» и *-мас* «не, без».

1275. Биреев СЗ 1609 г. (Кужуморск. в. Яран. у. Вят. губ.: Гнев. А. М. АВП 1914:31)— ф. Заимств. из русск. яз.: *Вира* (СРЛИ 1966:263)— уменьшительно-ласкат. вариант антропонима *Авенир.*

1276. Бириков Л (д. Куркумбал Совет.)— ф.

Заимств. из русск. яз. Возможно, этимологически связана с *Вирик* (СРЛИ 1966:263) — уменьшительно-ласкат. вариант м. имен *Авенир, Вирилад, Севир.*

1277. Бирсын Г (д. Усола) — ф. Происхождение неясно.

1278. Битуганка Л (1678 г. (Пинжан-Кукмор: Архив Айпл. II:427) — м. и. Заимств. из тат. яз.: *Биктуган* (Саттаров 1981:48) — м. и., букв. «близкородственный, очень родной».

1279. Битша 1553—1555 гг. Л (Айплатов 1967: 144) — назв. мар. волости в Казанск. ханстве. Наимен. дано по имени одного из основателей селения *Битша,* заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию апеллятивов *бит* «лицо; щека» (в значении «совестливый») и *шайх* «шах, духовный наставник».

1280. Бичак В (д. Камеево Мишк.) — м. и., сохранившееся лишь в составе годонима *Бичак урем* (мар. *урем* «улица»). Заимств. из тат. яз.: *Бичак* 1237 г. (ЗКРИ 1801, ч. VI:113) — воевода у *Батыя.*

1281. Бичюрин Л 1646 г., Чебоксарск. у. (СНП—СНГУАК 1913, т. XV, в. III:18) — мариец; Л (волость Пораты : Архив Айпл. II:537). Допустимо двоякое объяснение: как непосредственное татарское заимствование и проникшее через посредство русских: *Бикчюрка* 1669 г. (ДПК 1897:99) — пензенск. татарин; *Бекчюра* 1734 г. (МПР 1900, т. 1:277) — оренбургск. башкир при апеллятивах *бик* «очень» и др.-тат. **чура,* кирг. *чор,* чув. *чура* (ЭСЧЯ 1964:327) «раб, рабыня; служанка».

1282. Бобук Л (д. М.-Мушерань) — м. и. Заимств. из русск. яз.—представляет уменьшительно-ласкательный вариант антропонима *Боба,* образованный с помощью суф. *-ук.* Ср. *Бобин* Гриша 1576 г. Новгород (НПК т. V, Кн. Шелон. пят. 1905:685) — крестьянин.

Корень *Боб-* в памятниках русской письменности выступает в виде *Бобай, Бабай* 1536 г: *Бобай* Дмитрий (Вес. С. Б. Он. 41, 18), который трудно отделить от тат. апеллятива *баба* «дед, дедушка». Ср. тат. *Бабахан* (Саттаров 1981:39) — м. и., образованное контаминацией тат. слов *баба* «дед, дудушка; старик» и *хан.*

1283. Бовик Л (дд. М.-Сенда, Уржум-Ноля) — м. и. Заимств. из русск. яз— представляет уменьшительно-ласкательное образование с помощью суф. *-ик* от *Бова,* ср. *Бова* Семенович Воробин, XVI в. Рязань (Вес. С. Б. Он. 42).

1284. Богачев В (дд. Иж-Бобья, М.-Возжай: МДЭ МарНИИ 1961 г., № 92, тетр. № 1:47)—ф. Заимств. из русск. яз.: *Богачев* — ф., вероятно, образованная от апеллятива *богач*.

1285. Бодуганов:*Бодуганов* Тенибечка 1680 г. В (д. Ошторма Кукмарск. в. Казан. у.:ГАВАД — 1908, в. 1)— мариец. Вероятно, ошибка в русской передаче — следовало бы *Байдуганов*. Заимств. из тат. яз.—представляет контаминацию *бай* «богатый; богач; хозяин» и *туган* «родной». Ср. *Антуган* Тюмашев 1773 г. (ДСППВ 1975:350)— татарин Казан. у.

1286. Бока Л (д. Захарово)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Бокей* 1571 г., Новгород (Вес. С. Б. Он. 43, 21)— м. и. Последнее фигурирует в виде *Бакей*, что, несомненно, указывает на татарский характер русского имени, ср. *Бакай* (Саттаров 1981:42) <араб. *Бака* (Гаф. А. ЛК 168)— м. и. от апеллятива со значением «вечность, постоянство».

1287. Болдай Г 1604 г. (Макаров 1981:84), 1738 г. (Ардашев 1908:13)—мариец. Заимств. из русск. яз.— представляет севернорусский вариант антропонима *Балдай*, ср. *Балда* Кондрат 1564 г., Олонец (Вес С. Б. Он. 24)— крестьянин от апеллятива *балда* «дубина с комлевым набалдашником; дурак, тупица», заимствованного в свою очередь из тат. источника — тат. *балда* «топор».

В мар. варианте *Балдай* выступает вокативн. суф. *-ай*.

1288. Бома Л (дд. Б. Лужала Серн., Котяминер, Нурьял Куж., Шеклянур), В (д. Норкино Калт.), *Вома* Л (д. Регеж)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Фома* (< евр.: СРЛИ 1966:226)— м. и., букв. «близнец».

Тот же антропоним представлен в микротопониме *Боман чашкер* Л (д. Шергуял Совет.)— мар. *чашкер* «чаща, чащоба».

1289. Боя В (д. Чишма)— м. прозвище *Бориса*. Заимств. из русск. яз.— представляет видоизмененный вариант ласкательного имени *Боря*.

1290. Боян В (дд. Н.-Кульчуб. Бир.), Г (с. Кузнецово)—м. и. Заимств. из русск. яз.: *Боян* (СРЛИ 1966:65)—м. и. Ср. *Боян* (Фасмер 1964:203)—древний певец в «Слове о полку Игореве».

1291. Булган Л— м. и., встречающееся лишь в составе оронима *Булган корем* (Куженерск. р. Мар.

АССР : МДЭ МарНИИ 1970, № 55, л. 18) — *корем* «овраг» и гидроним *Булган:* поч. Вверх по речке Пижанке малой (Булганов) Яран. у. Вят. губ. (СНМ по свед. 1859—1873 гг., т. X:797). Заимств. из тат. яз.— *булган* «бывший, былой; способный, даровитый; деловитый, деловой».

1292. Булдаков В 1891 г. (д. Черемисская Тушка Малорожкинск. в. Малмыж. у. Вят. губ.— ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1678), Л (й.-ол.говор)—ф. Заимств. из русск. яз., ср. дд. *Булдаковская* (Толокопники) в Вят. у. Вят. губ. (МПСВГ 1887, т. IV, ч. 2:52); Над Быстрицей-рекой (Козьмы *Булдакова)* при р. Чахловиц Вят. у. Вят. губ. (СНМ по свед. 1859—1873 гг., т. X:23).

1293. Бура — м. и., сохранившееся лишь в составе мар. ойконимов Новая *Бура* (*У Пура* ял), Старая *Бура* (Тошто *Пура* ял) в Краснокамск. р. БАССР — *у* «новая», *тошто* «старая», *ял* «деревня». Наимен. даны по именам одного из основателей селений *Бура* > мар. *Пура*. Заимств. из тат. яз.: *Бураев* Садыш 1774 г. (ДСППВ 1975:324) — башкир Уфимск. губ. То же в названии рц. *Бураево* в БАССР. Могли бы сопоставить как заимствованное с кирг. *būra* «верблюд-самец» (старше пяти лет)», уйг. *bugra*, калм. *bura*, монг. *bugura* (Фасмер 1964:242) «тж». Фонетически не подходит для сравнения башк. *Борай* — м. и., которое А. Г. Шайхулов (Авт. к/д 16) этимологически возводит к апеллятиву (башк.) «пшеница» (?).

Антропонимического происхождения и гидроним *Пура* (Лукаш 1929:19) — приток Камы. Ему паронимично *Бура* — река в Бурятии (Чулков 1785:618), получившая свое название от имени одного из бурятских племен *буура* (Мельхеев 1969:118).

1294. Буркан В (д. В.-Иванаев Балт.) — м. и. Заимств. из тат. яз., ср. башк. д. *Бурхан* в Караидельск. р. БАССР (БАССР АТД 1973:177) — наимен. дано по имени одного из основателей селения *Бурхан*, восходящего в свою очередь к арабскому источнику: *Бурхан* (Гаф. А. ЛК 172) — м. и., букв. «довод; истина».

1295. Бучой Л (д.. Арбор) — м. и. Заимств. из русск. яз.: *Бучень* 1495 г., Новгород (Вес. С. Б. Он. 58) — м. и., восходит к русскому апеллятиву *бучень* «шмель». В мар. варианте в конце выступает звat. формант *-ой*, ср. *авой* «мама» (в обращении) от *ава* «мать».

1296. Бӱрзӱмбай В (д. Кайрак., Сосновка

Мишк.) — м. и. Заимств. из тат. яз., на что указывает конечный компонент *бай* «богатый; богач; хозяин».

1297. Бӱтӓрӓй В (д. Калтак.) — м. и. Заимств. из тат. яз.— вероятно, отглагольного образования, ср. *бӧтӓрлӓй* «мять, смять, измять».

1298. Бызи — м. и., сохранившееся лишь в составе микротопонима *Бызи корем* Л (д. Вахоткино : МДЭ МарНИИ — 1964 г., тетр. № 118, л. 12). Согласно тополегенде, некогда в овраге (мар. *корем* «овраг») стоял домик марийца по имени *Бызи*. На это указывают и жители д. Б.-Параты. Происхождение не ясно.

1299. Былши Л (д. Кугунер Совет.) — м. и. Происхождение неясно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Айплатов 1967 — Айплатов Г. Н. Расселение марийцев во второй половине XVI— — начале XVIII вв.— Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Айплатов 1973 — Айплатов Г. Н. За землю и волю.— Марийская правда, 1973 г ,,28 сентября, с. 3.

Архив Айпл.— Марийский край в XVII в. Сборник документов. Сост. Г. Н. Айплатов.— Госархив МАССР, оп. I, д. 346, т. I и II.

Анпилогов 1977 — Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века. М.

Архив ГО СССР, р. 14, оп.—, ед. хр. 19 — Архив Географического общества СССР, разряд 14, опись —, ед. хр. 19; 1865 г.

Бабушкина 1966 — Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка.— Очерки мордовских диалектов. Саранск. Том IV.

Баскаков 1979 — Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.

Бор. В.— ЧОИДР — Борисов В. Строельная книга г. Пензы (XVI—XVII вв.).—Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1899, книга I.

Васильев 1870, т. I — Васильев С., Бехтерев Н История Вятского края с древнейших времен до начала XIX столетия. Вятка.

Вес. Он.— Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.

ВЛ — ГАКО ,ф. 773 — Вопросные листки поч. Бабаков (Булдыри) Кукнурской волости Уржумского уезда Вятской губернии.— Госархив Кировской области, фонд № 773; 1891 г.

ВЛ — ГАКО, д. 771 — Вопросные листки д. Бимасьенер Косолаповского прихода Ирмучашской волости Уржумского уезда. Вятской губернии —Госархив Кировской области, дело № 778; 1891 г.

ВМОИДР 1851 — Временник Московского общества истории и древностей Российских. М

Воскр. А. 1894 — Воскресенский В. Русско-татарский словарь. Казань.

ГАВАД 1908, в. I — Грамоты и акты Вятского архиерейского дома.— Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка.

Ганиев 1974 — Ганиев Ф. А. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань.

Гаф. А. ЛК — Гафуров А. Лев и Кипарис. М., 1971.

Гильфердинг 1900 — Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. СПб. Т. 3.

Джанузаков 1981 — Джанузаков Т. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата.

Добросмыслов МПИР 1900 — Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Оренбург., Т. II.

ДПК 1897 — Десятни Пензенского края (1669—1696 гг.) .СПб, 1897.

ДСППВУ 1975 — Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М.

Ерусл. ЧРС—Ерусланов П. Черемисско-русский словарь. 1883.— Рукописный фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, р. II, оп. 5, ед. хр. 3.

ЗКРИ 1801, ч. VI — Записки касательно Российской империи. Соч. Государыни Императрицы Екатерины II. СПб.

Золотн.— ТЧАС — Золотницкий Н. И. Алфавитный список древнейших, исторических инородческих имен, преимущественно встречающихся в юридических актах и служащих к объяснению названий населенных местностей Казанской губернии.—Труды Четвертого археологического съезда в России бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Казань, 1884. Том. I.

ИС — ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1634 — Именной список всех домовладельцев д. Черемисского Возжая Граховской волости Елабужского уезда Вятской губернии.—Госархив Кировской области.

ИС — ГАКО, ф. 574, оп. I, ед. хр. 1634 — Именной список всех домохозяев д. Большой Ерыксы Граховской волости Елабужского уезда Вятской губернии.— Госархив Кировской области.

Исметов 1977 — Исметов С. Пугачевын тистыж дене.—Ончыко, 1977, № 3.

КА XVII в. 1888 — Кунгурские акты XVII века (1668—1699 гг.). СПб.

Коведяев 1918 — Коведяев И. Тошто марийын лӱмжӧ.— Марла календарь. Краснококшайск.

КПКТ б/д — Кунгурские писцовые книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова (1623—1624 гг.) с некоторыми пояснениями В. Шишонко. Пермь (без даты).

Кузеев 1960 — Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа.

Курыш. А. К. ИПЛС — Курышжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.

Кусимова Т. Авт. к/д — Кусимова Т. Древнебашкирские антропонимы. Автореферат кандидатской диссертации. Уфа, 1975.

Лерберг ИСОИДИ 1819 — Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб.

Маленн 1911 — История монголов Иоанна де Плано Карпини. Введение, перевод и примечания А. И. Маленна. СПб.

Миллер 1910, т. 2 — Миллер Вс. Очерки русской словесности. Былины. М.

МИАК 1913 — Материалы по истории Нижегородского края. Нижний Новгород. Вып. III.

МПИ ТАССР 1932 — Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани, 1565—68 гг. и 1646 г. М.-Л.

МПИ БАССР 1949, т. 3 — Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л.

МПКО 1904, т. IV — Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Симбирск.

МПР 1900 — Материалы по России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края Оренбург. Т. 1.

МПСВГ 1887 — Материалы по статистике Вятской губернии, том IV. Вятской уезд. часть II. Вятка.

МСОЗУКГ 1887 ,в. V — Материалы для сравнительной оценки замельных угодий в уездах Казанской губернии, выпуск V. Царевококшайский уезд. Казань.

МФЭ МарНИИ — 1966, тетр. № 32 — Материалы фольклорной экспедиции МарНИИ, организованной в 1966; фонд МарНИИ, тетрадь № 32.

ПГСКГ 1892 — Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань.

ППК XVII в.— Писцовая и переписная книга XVII века по Н.-Новгороду. СПб, 1896.

Псянчин 1977 — Псянчин В. Ш. Рассказ о смелом царе «Миро-Салиха» Бекчурина.— Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа.

Саттаров 1975 — Саттаров Г. Ф. Антропонимия Татарской АССР. Автореферат докторской диссертации. Казань.

Саттаров 1981 — Саттаров Г. Ф. Татар исемнәре сүзлеге. Казан.

Садовский 1902 — Садовский А. Я. Список поселений Нижегородского уезда, существовавших в 1613 году.—Труды Ярославского областного съезда. М.

Сепеев Г. А. 1964 — Сепеев Г. А. Этнографическая экспедиция МарНИИ 1963 года.— Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ МарНИИ за 1963 год. Йошкар-Ола.

Сепеев 1975 — Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола.

Скалозубов 1892 — Скалозубов Н. Л. Из заметок во время разъездов по Красноуфимскому уезду.— Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии. Пермь.

СЛИН 1979 — Справочник личных имен народов СССР. М.

СМОЗВГ 1903, т .V, в. I — Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Яранский уезд. Вятка.

СМПОЗВГ 1906, т. IV, в. 2 — Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Котельничский уезд. Вятка.

СНП — СНГУАК 1913 — Список с нижегородских платежних 151 года — Материалы по истории Нижегородского края. Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород. Т. XV, вып. III.

СРЛИ 1966 — Петровский Н. А. Словарь русских личных имен М

СРНГСУ 1964, т. I — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск.

ССКГ 1913, в. 2 — Список селений Казанской губернии. Царевококшайский уезд. Казань.

ССКГ 1913, в. IX — Список селений Казанской губернии. Козьмодемьянский уезд. Казань.

ССКУ — ГАКО, ф. 574, оп. 8, ед. хр. 94 — Список селений Игумнского уезда Вятской губернии.— Госархив Кировской области.

СССУГ 1899, т. V — Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Бирский уезд. Уфа.

Степанов А. 1970 — Степанов А. Колымшо курым. Йошкар-Ола.

СТЛИ 1973 — Справочник татарских личных имен. Казань.

ТАССР АТД — Татарская АССР. Административно-территориальное зеление Татарской АССР. Казань, 1963.

Тепляшина — Тепляшина Т. И. Антропонимические модели пермских языков. М., 1978.

Трефилова 1957 — Трефилова А. Т. Очерки истории марийской начальной школы. Йошкар-Ола.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М., 1964, т. I; 1967, т. II; 1971, т. III; 1973, т. IV.

Фирсов ЧИП — Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1920.

Чернышев — Чернышев В. И. Список слов портновского языка. СПб, 1898.

Черных С. Я. 1981 — Черных С. Я. Кугезына-влак Ош Виче кундемыште.—Ончыко, 1981, № 5.

Шайхулов 1981 — Шайхулов А. Г. К проблеме выявления типологии антропонимов тюркского и финно-угорского происхождения.— Лингвистическая география и проблемы истории языка. Нальчик. Часть 2.

ЭСЧЯ 1964 — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

К. Н. Сануков

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА *АРДА*

В последние годы достигнуты значительные успехи в марийской топонимике. Но по ряду географических названий можно встретить такие объяснения, которые представляются спорными. Это мы относим, в частности, к объяснению топонима *Арда* (так называются речка, село и группа деревень в Килемарском районе).

И. С. Галкин вполне обоснованно названия села и деревень в данном случае считает вторичными, перенесенными с гидронима *Арда,* но слово это относит к гидронимам с формантом *-да,* в то же время не давая объяснения ни топооснове *Ар-,* ни гидрониму в целом, относя его к числу географических названий, «которые на материале современного марийского языка не поддаются объяснению» (Галкин 1967:204).

В одной из своих работ Ф. И. Гордеев сделал попытку дать объяснение названию села *Арда,* связывая это слово с древнеиранским *ardaka* «сторона, направление» (Гордеев 1967:187).

В последующем Ф. И. Гордеев все же название *Арда* отнес к гидронимам (Гордеев 1979:139—140), но его попытки дать этимологию этого слова, исходя из балтийских и других заимствований, выглядят не вполне убедительными.

Прежде всего, нам представляется, что слово *Арда* фонетически оформлено по закономерностям русского языка (как «речка», так и «деревня»— слова женского рода, поэтому и название, отражающее их, должно оканчиваться на *-а*). При этимологизации гидронима *Арда* нужно исходить из марийского названия — *Ардэ.* Так называется и речка, таково название и группы деревень, и местные марийцы называются *ардэ-мары.*

В связи с этимологией названного гидронима обратим внимание на одну особенность группы горномарийских гидронимов в Правобережье. Примерно параллель-

но и рядом друг с другом текут притоки Волги: *Йынгы* и *Арйынгы, Пӹнгел* и *Арвӹнгел.* И каждый житель этих мест воспринимает в данном случае *ар* как равнозначное слову *изи* «малый, маленький». Для сравнения приведем также такие пары слов, как *вингы — арвингы, мары — армары, вäты — арвäты, йӹлмы — арйӹлмы;* по-горномарийски утка *чирок* называется *аргек* (буквально — маленькая птица), а утка *кряква — коголыды* (большая утка) (Саваткова 1981:11).

Теперь посмотрим на карту Левобережья: недалеко от речки Арда в Волгу впадает река *Рутка.* Она по-марийски раньше называлась *Рдэ.* Соответственно в этнографической литературе сохранилось название *Рдэмары.* Таким образом, мы и здесь имеем пару, аналогичную приведенным выше примерам: *Рдэ — Ардэ,* т. е. Рутка — Малая Рутка. Интересно в связи с этим, что в русских летописях XVI века несколько раз встречается упоминание о «Рутках» (во множественном числе, одинаково с «Кокшагами»): «а не была война вверх по Волге, по Кокшагам и по Руткам»; «а воеводу Ивана Петровича отпустили по государеву наказу в Ветлугу и в Руткы» (ПСРЛ 1914:547, 552). В слове *Ардэ* можно восстановить первоначальную форму *Аррдэ (Ар+Рдэ),* допустив возможность стяжения двух *р.*

Ф. И. Гордеев компонент *ар* в подобных словах считает гидронимом (Гордеев 1979:126—127) или тополексемой.

О том, что в марийских географических названиях *ар* (в луговом наречии *ор*) чаще всего является не топоосновой, а лишь имеет значение «малый», «маленький», свидетельствуют, кроме приведенных выше, и следующие примеры. Речка *Оршуть,* расположенная рядом с рекой *Ошут,* явно является *Малым Ошутом,* т. е. *ор* здесь не является гидронимом и тем более происходит не от «татарского названия удмуртов» (Гордеев 1964:46), а тоже означает «малый». Несколько речек с названиями *Аръя* и *Оръя* тоже оказываются относящимися к этой же семье, означая просто *изи вӱд* «малая вода». Представляется имеющей отношение к этому же вопросу пара гидронимов в Мари-Турекском районе: *Кугуборка* и *Арборка.* И можно поставить вопрос о том, чтобы на этом пути поискать объяснения названий типа *Аргамач, Арбуч* и др.

Возвращаясь к слову *Арда (Ардэ),* остается пред-

принять попытку объяснить значение названия *Рдэ*. Нам нужно этимологизировать не слово Рутка, где *-ка* явно русского происхождения, а дать объяснение корню *Рут* или *Руд* (в верховьях этой реки есть деревня, название которой пишется именно через *д* — *Рудка*). Если попытаться проникнуть в значение марийского эквивалента этого названия — *Рдэ* (в живом разговорном языке —*ырдэ* или *рыде*), то можно принять во внимание слова со значением «ржавчина», «ржаветь».

В этих местах имеются значительные запасы болотной руды, которую древние марийцы и генетически связанные с ними предшествующие племена использовали в местном металлургическом производстве. От руды вода в речке, протекающей по такой местности, бывает «ржавой».

Можно также предположить, что русские, поселившиеся здесь, понимали значение марийского названия реки именно в этом смысле, отчего на базе народной этимологизации и появился русский эквивалент *Рудка* (затем *Рутка*), связывающий это название со словом «руда» в близком соответствии с языком коренного населения.

Таким образом, топоним *Арда* может быть объяснен, исходя из современного марийского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1964, Русская топонимика Марийской АССР.— В кн.: Вопросы марийского языкознания. Сборник статей. Вып. I. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Том 1. Йошкар-Ола.

Саваткова А. А. 1981, Словарь горного наречия марийского языка, Йошкар-Ола

ПСРЛ 1914, Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссиею. Т. 20, вторая половина. Львовская летопись, ч. II. СПб.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

авест.	— авестийский
азерб.	— азербайджанский
башк.	— башкирский
бирс.	— бирский говор
В	— восточное наречие
венг.	— венгерский
волж.	— волжский говор
Г, горн.	— горное наречие
елаб.	— елабужский говор
индо-европ.	— индоевропейский
й-олин.	— йошкаролинский говор
казах.	— казахский
калм.	— калмыцкий
калт.	— калтасинский говор
каракал.	— каракалпакский
кирг.	— киргизский
Л	— луговое наречие
литов.	— литовский
манс.	— мансийский
мар.	— марийский
монг.	— монгольский
морк.-серн.	— моркинско-сернурский говор лугового
м.-морд.	— мокша-мордовский
ног.	— ногайский
русск.	— русский
саам.	— саамский
СЗ	— северо-западное наречие
тат.	— татарский
тув.	— тувинский
тур.	— турецкий
туркм.	— туркменский
удм.	— удмуртский
узб.	— узбекский
уйг.	— уйгурский
уфим.	— уфимский говор
фин.	— финский
хак.	— хакасский
чаг.	— язык чагатайской литературы
чув.	— чувашский
э.-морд.	— эрзя-мордовский
эст.	— эстонский

СОДЕРЖАНИЕ

И. С. Галкин. Русские фамилии марийского происхождения 5
В. В. Кузнецов. Принципы номинации марийских ойконимов (бессейн р. Илеть) 18
В. Н. Васильев. К этимологии некоторых марийских орнитонимов 32
М. М. Калямшин. Зоонимы в марийском языке . 56
А. Е. Китиков. Космонимия в марийском фольклоре 68
С Я. Черных. Ономастикон деревни Мари Малмыж за 1717—1748 годы 84
Ф. И. Гордеев. Этимологии марийских антропонимов 95
К. Н. Сануков. К этимологии топонима *Арда* . 136
Сокращенные названия языков и диалектов марийского языка 139

Марийский ордена «Знак Почета»
научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
им. В. М. Васильева

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 4

Составитель
Иван Степанович Галкин

Редактор Т. А. Товашова
Обложка художника Р. Е. Янгильдина
Технический редактор Е. М. Данилова

Сдано в набор 03.11.83. Подписано к печати 27.12.83. Э 03368
Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,35. Усл. кр.-отт. 7,61. Уч.-изд. л. 7,9.
Тираж 500 экз. Заказ № 1906. Цена 70 коп.

Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 428019, Чебоксары, Канашское шоссе, 15.